

СЕТЕВЫЕ СООБЩЕСТВА И ИНТЕРНЕТ-АКТИВИЗМ

Л. Донай, М. Щеглов

ТЕХНИКА МИФОЛОГИЗАЦИИ
В ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ

Д.И. Каминченко

ПОЛИТИЧЕСКИЙ INSTAGRAM: АНАЛИЗ СОДЕРЖАНИЯ
ИМИДЖА РЕГИОНАЛЬНОГО ЛИДЕРА
В ПОЛИТИКО-КОММУНИКАТИВНОМ ПОЛЕ

В.А. Посульченко, А.С. Фалина

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО
ИНТЕРНЕТ-АКТИВИЗМА

А.А. Атаманенко, Б.Г. Златанов

СЕТЕВЫЕ СООБЩЕСТВА И ТЕРАПЕВТИЧЕСКОЕ
ГОСУДАРСТВО: ТОЛЕРАНТНОЕ НЕПРИЯТИЕ
В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

<p>Главный редактор</p> <p>ШУМИЛОВ Андрей Владимирович кандидат политических наук, доцент</p> <p>Зам. главного редактора</p> <p>СКОВИКОВ Алексей Константинович кандидат политических наук, доцент</p> <p>Ответственный секретарь</p> <p>НИКИФОРОВА Ирина Владимировна</p> <p>Перевод</p> <p>ОРЛОВА Елена Геннадьевна</p> <p>Издатель</p> <p>НИИ общественных и политических наук</p>	<p style="text-align: right;">16+</p> <p>Научная редакция</p> <p>БРОННИКОВ Иван Алексеевич кандидат политических наук, доцент</p> <p>ЕФРЕМОВ Олег Юрьевич кандидат философских наук, доцент</p> <p>ЗЛАТАНОВ Благой Георгиев кандидат философских наук, доцент</p> <p>КАСИМОВ Евгений Витальевич кандидат исторических наук, доцент</p> <p>АРУТЮНОВ Антон Георгиевич научный сотрудник</p>
<p>Председатель Редколлегии номера</p> <p>ДОНАЙ Лукаш доктор политики</p> <p>Редакционная коллегия</p> <p>БОЛЬШАКОВ А.Г. – доктор политических наук, профессор (Казань) БАРАНОВ А.В. – доктор исторических наук, доктор полит. наук, профессор (Краснодар) БУРЕНКО В.И. – доктор политических наук, профессор (Москва) ВАТЫЛЬ В.Н. – доктор политических наук, профессор (Гродно) ГОРБАТЕНКО В.П. – доктор политических наук, профессор (Киев) ГРИШИН О.Е. – кандидат политических наук, доцент (Москва) ДОНАЙ Л. – доктор политики, Dr. hab (Познань) ИВАНОВСКИЙ ЗБ.В. – доктор политических наук, профессор (Москва) ИЛЬМЯРВ М. – доктор истории, PhD (Таллин) КАПИЦЫН В.М. – доктор политических наук, профессор (Москва) КЕРЯН Г.М. – доктор политических наук, профессор (Ереван) КОНОНОВ И.Ф. – доктор социологических наук, профессор (Луганск) КУРИЛЛА И.И. – доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург) ЛЕДЯЕВ В.Г. – доктор философских наук, профессор (Москва), доктор политики, PhD (Манчестер) ЛИСЕЕНКО Е.В. – доктор социологических наук, профессор (Одесса)</p>	<p>МИНЕЕВА Е.К. – доктор исторических наук, профессор (Чебоксары) МОРОЗОВА Е.Г. – доктор политических наук, профессор (Москва) НАСИМОВА Г.О. – доктор политических наук, профессор (Алматы) ОМЕЛЬЧЕНКО Н.А. – доктор исторических наук, профессор (Москва) ПАСТУХОВА Л.С. – доктор педагогических наук, кандидат политических наук, доцент (Москва) ПРОРОК В. – доктор философии, PhD (Прага) СЕРГЕВНИН В.А. – PhD, доктор юриспруденции (Макомб) СКИПЕРСКИХ А.В. – доктор политических наук, профессор (Елец) ТИТОВ В.А. – доктор философских наук, профессор (Москва) ТУРОВСКИЙ Р.Ф. – доктор политических наук, профессор (Москва) УСМАНОВ Б.Ф. – доктор социологических наук, профессор (Москва) ХОРИНА Г.П. – доктор философских наук, профессор (Москва) ЧЕРНЫШОВ Ю.Г. – доктор исторических наук, профессор (Барнаул) ШАБРОВ О.Ф. – доктор политических наук, профессор (Москва) ШИРОКОВ О.Н. – доктор исторических наук, профессор (Чебоксары) ШЛЮЗ Б. – доктор социологии, Dr.Hab, (Жешув) ЩУДЛО С.А. – доктор социологических наук, профессор (Дрогобыч)</p>

<p>Editor in Chief</p> <p>SHUMILOV Andrei</p> <p>Executive Secretary</p> <p>NIKIFOROVA Irina</p> <p>Translate</p> <p>ORLOVA Elena</p> <p>Design</p> <p>PAVLUNIN Dmitriy</p>	<p>Deputy Editor</p> <p>SKOVIKOV Alexey</p> <p>Editors</p> <p>BRONNIKOV Ivan</p> <p>EFREMOV Oleg</p> <p>ZLATANOV Blagoy</p> <p>KASIMOV Evgeniy</p> <p>ARUTYUNOV Anton</p> <p>Publisher</p> <p>Institute of Social and Political Sciences</p>
<p>Chairman of the Editorial board</p> <p>DONAJ Lukash Prof.</p> <p>Editorial Board</p> <p>BOLSHAKOV A. Prof. (Kazan)</p> <p>BARANOV A. Prof. (Krasnodar)</p> <p>BURENKO V. Prof. (Moscow)</p> <p>VATYL V. Prof. (Grodno)</p> <p>DONAJ L. Dr. hab. (Poznan)</p> <p>GORBOTENKO V. Prof. (Kiev)</p> <p>GRISHIN O. Assoc. Prof. (Moscow)</p> <p>IVANOVSKIY Z. Prof. (Moscow)</p> <p>ILMJARV M. PhD (Tallinn)</p> <p>HORINA G. Prof. (Moscow)</p> <p>KAPITSYN V. Prof. (Moscow)</p> <p>KERYAN G. Prof. (Yerevan)</p> <p>KONONOV I. Prof. (Lugansk)</p> <p>KURILLA I. Prof. (Saint-Petersburg)</p> <p>LISEENKO E. Prof. (Odessa)</p>	<p>LEDYAEV V. Ph.D. (Manchester), Prof. (Moscow)</p> <p>MINEEVA E. Prof. (Cheboksary)</p> <p>MOROZOVA E. Prof. (Moscow)</p> <p>NASIMOVA G. Prof. (Almaty)</p> <p>OMELCHENKO N. Prof. (Moscow)</p> <p>PASTUHOVA L. Assoc. Prof. (Moscow)</p> <p>PROROK V. PhD (Prague)</p> <p>SERGEVNIN V. Prof. (Macomb)</p> <p>SKIPERSKIH A. Prof. (Yelets)</p> <p>SHABROV O. Prof. (Moscow)</p> <p>SHIROKOV O. Prof. (Cheboksary)</p> <p>SCHUDLO S. Prof. (Drogobych)</p> <p>SZLUZ B. Prof. (Rzeszow)</p> <p>TITOV V. Prof. (Moscow)</p> <p>TUROVSKY R. Prof. (Moscow)</p> <p>CHERNYSHOV Y. Prof. (Barnaul)</p> <p>USMANOV B. Prof. (Moscow)</p>

СОДЕРЖАНИЕ

СЕТЕВЫЕ СООБЩЕСТВА И ИНТЕРНЕТ-АКТИВИЗМ

Г.И. Авцинова, Е.Ю. Воронина

ФАКТОРЫ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ В АФРИКЕ
6

С.В. Савойская

РУМЫНСКИЙ ЯЗЫК КАК ИНДИКАТОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ СЕТИ
МОДЕЛИ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ УКРАИНЫ
19

В.Б. Салахова, О.В. Киселева, А.В. Кидинов

ОЦЕНКА И РАЗВИТИЕ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА
ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
35

Д.И. Каминченко

ПОЛИТИЧЕСКИЙ INSTAGRAM: АНАЛИЗ СОДЕРЖАНИЯ ИМИДЖА
РЕГИОНАЛЬНОГО ЛИДЕРА В ПОЛИТИКО-КОММУНИКАТИВНОМ ПОЛЕ
ПОПУЛЯРНОЙ ИНТЕРНЕТ-ПЛАТФОРМЫ
74

В.А. Посульченко, А.С. Фалина

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИНТЕРНЕТ-АКТИВИЗМА
В КОНТЕКСТЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ЛОББИЗМА
97

Л. Донай, М. Щеглов

ТЕХНИКА МИФОЛОГИЗАЦИИ В ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ:
К СЕМИОЗИСУ СТАТУСА «ИНОСТРАННЫЙ АГЕНТ»
110

А.А. Атаманенко, Б.Г. Златанов

СЕТЕВЫЕ СООБЩЕСТВА И ТЕРАПЕВТИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО:
ТОЛЕРАНТНОЕ НЕПРИЯТИЕ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ
122

СТАТЬИ

В. Велиев

ПРИМЕНЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ОПЫТА ГОСУДАРСТВЕННОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ В ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКОМ КОМПЛЕКСЕ РОССИИ
140

Н.В. Алексеев

ГОСУДАРСТВО. ЦЕРКОВЬ. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ
153

В.И. Буренко

О ДВУХ НАПРАВЛЕНИЯХ В ИСТОРИИ ВОЗРОЖДЕНИЯ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПОЛИТОЛОГИИ: АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ ВЗГЛЯД
И ПЕРСОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ (1960-е – 1980-е гг.)
167

РЕЦЕНЗИЯ

Зб.В. Ивановский, Д.В. Разумовский, Д.М. Розенталь

ВЕНЕСУЭЛА: СИСТЕМНЫЙ КРИЗИС И ВОЗМОЖНОСТИ КОМПРОМИССА
МЕЖДУ ВЛАСТЬЮ И ОППОЗИЦИЕЙ
181

Наши авторы

195

The contents

В журнале отражены личные взгляды авторов,
которые могут не совпадать с позицией редакции журнала «PolitBook».

ТЕМА НОМЕРА

**Г.И. Авцинова,
Е.Ю. Воронина**

**G. Avtsinova,
E. Voronina**

ФАКТОРЫ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ В АФРИКЕ

«SOFT POWER» FACTORS IN THE FIGHT AGAINST TERRORISM IN AFRICA

Аннотация

В статье рассматриваются факторы «мягкой силы» в борьбе с терроризмом в Африке, обусловленные культурными традициями. Доказано, что методы «жесткой силы» в борьбе с терроризмом в условиях новых политических реалий оказываются неэффективными, не являются путем к успеху в предотвращении глобальной угрозы. Оценка последствий военного вмешательства привела к рассмотрению альтернатив, в частности преимуществ использования подходов «мягкой силы». Страны в ближайшей перспективе будут полагаться на данный инструмент при рассмотрении долгосрочных потенциальных террористических угроз.

Такие факторы как идеология, религия, образование, посредничество, международное сотрудничество, обмен информацией, на наш взгляд, могут составлять политику «мягкой силы» Африки и способствовать формированию ее стратегии в отношении борьбы с деструктивными элементами в регионе.

В работе уделено особое внимание мерам по нейтрализации радикализма в Африке. Анализ причин этого явления и тактики экстремистов поможет найти новые подходы к противодействию деструктивным группам. Правительствам, религиозным организациям, гражданскому обществу следует сделать упор на разработку программ переориентации и дерадикализации молодежи.

Мы пришли к выводу, что влияние радикальной идеологии, лежащей в основе глобального джихадизма, может быть минимизировано с помощью просветительских программ, транслируемых по

Abstract

The article examines the factors of «soft power» in the fight against terrorism in Africa, conditioned by cultural traditions. It has been proved that the methods of «hard power» in the fight against terrorism in the context of new political realities are ineffective and are not a path to success in preventing a global threat. The assessment of the consequences of military intervention led to the consideration of alternatives, in particular the benefits of using «soft power» approaches. Countries will rely on this tool in the short term when considering long-term potential terrorist threats.

Such factors as ideology, religion, education, mediation, international cooperation, exchange of information, in our opinion, can constitute the policy of «soft power» in Africa and contribute to the formation of its strategy in relation to the fight against destructive elements in the region.

The paper pays special attention to measures to neutralize radicalism in Africa. An analysis of the causes of this phenomenon and the tactics of extremists will help find new approaches to countering destructive groups. Governments, religious organizations, and civil society should focus on developing programs for the reorientation and de-radicalization of youth.

We came to the conclusion that the influence of the radical ideology underlying global jihadism can be minimized through educational programs broadcast on radio, television, and the Internet. Another way to prevent terrorism, in our opinion, is the development of infrastructure and the

радио, телевидению, в интернете. Еще одним способом профилактики терроризма, на наш взгляд, является развитие инфраструктуры и создание рабочих мест для сокращения уровня бедности, повышения качества жизни.

Анализ этих и других факторов требует пристального внимания и тщательного изучения. Важно подчеркнуть, что расстановка приоритетов зависит от степени социально-политической нестабильности в том или ином государстве и имеющихся у правительств возможностей.

creation of jobs to reduce poverty and improve the quality of life.

The analysis of these and other factors requires close attention and careful study. It is important to emphasize that the setting of priorities depends on the degree of socio-political instability in a particular state and the opportunities available to governments.

Ключевые слова:

«мягкая сила», терроризм, Африка, глобализация, дерадикализация, убунту.

Key words:

«soft power», terrorism, Africa, globalization, deradicalization, ubuntu.

В отношении терроризма Дж. Най определил «мягкую силу» как способность привлекать и убеждать революционные религиозные группы и предотвращать вербовку в них новых членов/ По его мнению, методы «жесткой силы» в борьбе с терроризмом в условиях новых политических реалий оказываются неэффективными, не являются путем к успеху в предотвращении глобальной угрозы. Необходимы новые инструменты для противодействия терроризму [21].

Африканский континент в наибольшей степени пострадал от терроризма в мире, экономические последствия которого оценивались в 13 миллиардов долларов в 2019 году, согласно изданию Global Terrorism Index за 2020 год [17]. Угроза терроризма в Африке возросла после того, как пандемия COVID-19 поразила регион. Террористические группы обвиняют национальные правительства в том, что кризис здравоохранения повлиял на население, что привело к нескольким громким нападениям в Буркина-Фасо, Чаде и Мали. Официальное закрытие границы не предотвратило распространение террористической угрозы на другие страны [19]. Число людей, инфицированных коронавирусом в Африке, невелико по сравнению с другими континентами, но ежедневно регистрируются сотни новых случаев. Большинство стран Африки, пострадавших от отсутствия безопасности, столкнулись с эпидемией COVID-19. Однако их политическая и социальная системы уже ослаблены террористическими атаками [24].

Африка выиграла бы от разработки национальных стратегий борьбы с терроризмом. Эти стратегии могут помочь направить действия в направлении измеримых долгосрочных целей, укрепить легитимность контртер-

рористической политики как в правительстве, так и в гражданском обществе и согласовать национальные контртеррористические подходы с ответными мерами на субрегиональном и региональном уровнях. В настоящее время африканские страны находятся на разных этапах разработки контртеррористических стратегий, поэтому есть возможность привлечь африканских лидеров правительственных и неправительственных организаций, ответственных за оборону и безопасность, а также представителей гражданских властей, чтобы поделиться своим опытом [25].

Методы «жесткой силы» в борьбе с терроризмом в условиях новых политических реалий оказываются неэффективными, не являются путем к успеху в предотвращении глобальной угрозы. В современных условиях необходимы новые инструменты для противодействия терроризму. Западные эксперты считают, что страны в ближайшей перспективе будут полагаться на инструменты «мягкой силы» или на комбинацию методов «мягкой» и «жесткой силы» при рассмотрении долгосрочных потенциальных террористических угроз в попытке предотвратить их превращение в непосредственные краткосрочные террористические угрозы. При этом сочетание методов будет зависеть от характера и масштабности угроз [12, с. 49].

На наш взгляд, в настоящее время уделяется недостаточно внимания проблемам «мягкой силы» в борьбе с терроризмом. Следует отметить, что террористические организации ИГИЛ, Аль-Каида, Бoko Харам успешно применяют ее технологии в своих нелегитимных целях, привлекая в свои ряды новых сторонников.

Следует подчеркнуть, Дж. Най не рассматривает борьбу с исламским терроризмом как столкновение цивилизаций – ислам против Запада. Он подчеркивает, что противостояние наблюдается внутри самой исламской цивилизации – между небольшим меньшинством, которое хочет использовать силу, для того чтобы навязать «истинную» религию, и большинством, которое не придерживается строгих канонов ислама. Также происходит обострение конфликта между суннитами и шиитами, что ведет к распространению террористической угрозы во всем мире [1, с. 111].

Представления о «мягкой силе» как о способе профилактики терроризма из-за отсутствия единых трактовок самих терминов, расплывчатости их содержания оставляют огромный пробел как в теоретическом, так практическом плане. В мире не существует единых, универсальных мер по предотвращению угроз. Для каждого региона характерен свой набор

средств и методов противодействия терроризму, учитывающих исторические, географические, политические, социокультурные и психологические особенности развития той или иной территории.

Оценка последствий военного вмешательства привела к рассмотрению альтернатив, в частности преимуществ использования подходов «мягкой силы» [26]. Недостаточно бороться с терроризмом – его необходимо предотвратить, что требует использования новых форм и методов, которые могут нейтрализовать угрозы, вызванные искаженным толкованием культуры, ненавистью, враждебностью. Такие факторы как идеология, религия, образование, международное сотрудничество, на наш взгляд, могут составлять политику «мягкой силы» стран Африки и способствовать формированию ее стратегии в отношении борьбы с деструктивными элементами в регионе [6, с. 16].

Африка, претендующая в ближайшем будущем стать заметным и значимым игроком на международной арене, предлагает глобализирующемуся миру свои уникальные сценарии по выходу из кризиса и профилактике терроризма. Африканские альтернативы, основанные на местных культурных традициях, позволяют пойти по пути национального примирения и экономического развития. Их суть – обращение к традиционным ценностям и сложившимся общественным институтам, основанных на способности к прощению и примирению (убунту) [5, с. 256].

Убунту – это философия и правило жизни в Африке к югу от Сахары, основанное на сострадании, уважении к другим и вере в узы, объединяющие все человечество. С древних времен такие народы, как банту, зулусы и коса в Южной Африке, йоруба в Нигерии были связаны этими ценностями несмотря на то, что они используют разные языки и диалекты [20].

Чтобы лучше понимать этику убунту, необходимо исходить из опыта дегуманизации, который пережили страны Африки при колониальном правлении и при апартеиде. Убунту действительно была полюсом, отличным от колониальной дегуманизации, и является неотъемлемой частью постколониальных поисков возрождения африканской идентичности [11, с. 45-46].

Принимая во внимание важность философии убунту, связанную с заботой людей друг о друге, следует логически заключить, что индивидуальное накопление и потребление богатства обязательно должно регулироваться принципом самодостаточности [11].

Основополагающими принципами философии убунту, распространенными в Африке, является соблюдение «всеобщего блага», основанного на общих ценностях неограниченного мирового сообщества, таких как мир, свобода, достоинство, безопасность. Безопасность является одним из наиболее сложных и противоречивых вопросов на мировой арене и с точки зрения убунту: в первую очередь по причине того, что данная философия основана на традиционном африканском миропонимании и ценностях, уходящими корнями в древность. Тем не менее, политики, философы и идеологи, придерживающиеся философии убунту, неоднократно высказывали идеи о том, что достижение стабильности и безопасности – необходимого блага для всего человечества, прямо связано с принципами их идеологии, и достичь его можно только благодаря участию в диалоге и консенсусе всех стран, заинтересованных в своей и всеобщей безопасности [8, с. 196].

В целом африканскую философию убунту можно рассматривать как пример идеологии, основанной на концепции индивидуального развития и ответственности за судьбу мирового сообщества в целом. Эта концепция выходит за грань распространенного западного принципа личного счастья. Данная идеология могла бы принести пользу обществу, основанному на принципе сотрудничества, всеобщей ответственности и взаимопонимания на уровне международных отношений и глобального мира без четко очерченных границ [4, с. 91].

Стратегия подхода «мягкой силы» к противодействию терроризму должна состоять из целей, путей и средств. Посредничество – это эффективный фактор «мягкой силы», применяемый для разрешения политических конфликтов, где могут быть представлены все слои общества, в том числе женщины, молодежь, а также преступники. У последних появляется возможность подать жалобу, тем самым обеспечивая понимание коренных причин, ведущих к терроризму и насильственному экстремизму. Посредничество также может способствовать прекращению огня.

Обмен информацией в целях противодействия терроризму и насильственному экстремизму тоже относится к фактору «мягкой силы». Нехватка важной информации по-прежнему остается проблемой, поскольку необходимы обширные данные для анализа угроз в борьбе с терроризмом в регионе. Кроме того, государства несут ответственность за понимание

различных интересов между группами, и диалог создает возможность для достижения этого понимания.

Инструменты и ресурсы, которые способствуют обмену информацией, являются важным средством противодействия терроризму. Анализ причин этого явления и тактики экстремистов поможет найти новые подходы к противодействию деструктивным группам [26].

Религия как фактор «мягкой силы» играет в современных условиях определяющую роль в линии разломов африканских государств, которые влияют на религиозное сознание, социальную напряженность и радикализацию в обществе. Незнание истинных религиозных учений является условием для формирования радикальных взглядов на религию [19]. Что еще более важно, современная история Африки ассоциируется с насилием и конфликтами, которые носят религиозный характер.

Радикализация населения африканских стран, в особенности тех, где большинство составляют мусульмане, обусловлена искажением идеологии, передачей неверного толкования Корана. Исламское образование должно включать в себя доктрину и прагматическую структуру, которые исходят из идеологических рамок и основываются на них [7, с. 289].

Остановимся на международном сотрудничестве как факторе «мягкой силы» в отношении борьбы с терроризмом в Африке. Идея сотрудничества в борьбе с терроризмом для более эффективного противодействия террористическим угрозам сейчас стала необходимой [9, с. 93]. Мы будем ориентироваться на опыт Марокко в качестве примера международного сотрудничества с Нигерией и другими странами континента. Стратегия, принятая Королевством в области борьбы с терроризмом, основана на глобальном и комплексном видении, объединяющем различные аспекты (законодательные, социальные, религиозные и безопасность), а также на других внутренних механизмах, которые укрепили его возможности противостоять угрозам, исходящим от террористических группировок [18].

Марокко использует модель обучения имамов и продвижения ценностей терпимости и диалога, в дополнение к созданию соответствующей законодательной базы в этой области. Страна накопила значительный опыт в области предотвращения терроризма и разработала несколько внутренних механизмов для противодействия угрозам радикализма, что позволило ей добиться успеха и заметных результатов в борьбе с терро-

ризмом. Таким образом, Марокко в значительной степени способствует укреплению стабильности в Средиземноморском регионе [15; 18].

В борьбе с политическим радикализмом полезен и опыт Нигерии. В 2006 году в этой стране был создан Клуб мира – проект Сети мирных инициатив [13; 14]. Целью клуба является содействие терпимости, диалогу и взаимопониманию через образовательные программы и спортивные соревнования среди молодежи, представляющей разные слои населения [13, с. 4]. Другим странам Африки необходимо перенять у Нигерии инициативы создания таких клубов.

Таким образом, международное сотрудничество следует рассматривать как потенциальный фактор «мягкой силы», способствующий выработке общей политики региона, по противодействию терроризму с учетом использования антитеррористического опыта Марокко и Нигерии.

Совместные усилия и инициативы по вовлечению не могут ограничиваться ролью, которую играют континентальные и региональные субъекты. Для государств важно взять на себя ведущую роль в инициировании взаимодействия на национальном уровне о путях улучшения процессов развития, а также на уровне сообществ, чтобы лучше понять динамику между сообществами. Государства несут ответственность за создание благоприятных условий, способствующих занятости молодежи. Поэтому еще одним способом профилактики терроризма, на наш взгляд, является развитие инфраструктуры и создание рабочих мест для сокращения уровня бедности, повышения качества жизни. Правительствам африканских стран необходимо искоренить социальное неравенство, разработать новые образовательные программы, религиозную и духовную стратегию, учитывающую ценности толерантности и порядка.

Роль государства в создании среды, в которой сделан акцент на устойчивое развитие, может ограничить влияние экстремистских групп на получение поддержки молодежи и увеличение числа новобранцев. С социальной точки зрения, боевики нуждаются в реабилитации для реинтеграции в общество. Это необходимая и важная контрмера для предотвращения продолжения терроризма и насильственного экстремизма [26].

Необходимо популяризировать кампании национальной солидарности против терроризма и разрабатывать межконфессиональные программы толерантности в рамках системы образования, которое поможет молодежи лучше понять общечеловеческие ценности, будет способствовать

установлению межконфессионального диалога [21, с. 8]. В этом случае экстремистам будет труднее использовать молодое поколение для разжигания ненависти и вражды. Местные элиты, лидеры общин должны принимать участие в создании и продвижении программ по разоружению демобилизации и реинтеграции, в формулировании нарративов радикализации и т.д. [16].

Правительствам, религиозным организациям, гражданскому обществу следует сделать упор на разработку программ переориентации и дерадикализации молодежи [3; 7; 10]. В частности, Нигер с 2019 года экспериментирует с несколькими программами дерадикализации. Тридцать восемь бывших комбатантов джихадистской группировки «Боко харам» в настоящее время завершают программу дерадикализации и профессиональной подготовки на юго-востоке страны. Около 240 бывших бойцов «Боко Харам» прошли через центр Гудумарии после того, как сдались властям [23].

Влияние радикальной идеологии, лежащей в основе глобального джихадизма, может быть минимизировано с помощью просветительских программ, транслируемых по радио, телевидению, в интернете [22]. Так, в Нигере запущена радиостанция под названием Radio Jeunesse Sahel, которая будет работать с другими странами G5-Sahel на нескольких языках региона: хауса, фулани, бамбара и мур, арабском и французском. Она нацелена на молодых людей и будет пытаться привлечь внимание населения к «незащищенности и насильственному экстремизму»

В итоге, должны быть выработаны превентивные и активные меры по пресечению проявлений терроризма в Африке, основанные на комплексном подходе, сочетающем элементы «жесткой» и «мягкой силы» по противодействию угроз в регионе. Анализ этих и других факторов требует пристального внимания и тщательного изучения. Важно подчеркнуть, что расстановка приоритетов зависит от степени социально-политической нестабильности в том или ином государстве и имеющихся у правительств возможностей. Однако негативные последствия пандемии COVID-19 для производственного потенциала Африки могут ощущаться на протяжении более десяти лет и снижать прогресс Африки в достижении Повестки дня 2063.

Литература

1. Костелянец С.В. Терроризм в Африке: особенности, тенденции, перспективы // Пути к миру и безопасности. 2016. №2.
2. Мустафабейли А.М. «Мягкая сила» в борьбе с террором (международный опыт) // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2016. №2(8).
3. Пашенко И.В. Современные практики дерадикализации осужденных за проявление религиозного экстремизма: мировой опыт // Отечественная юриспруденция. 2016. №12(14).
4. Райх М., Долан С. Глобальный кризис. За гранью очевидного. Москва: Претекст, 2010. 400 с.
5. Харитоновна Е.В. Цивилизационные альтернативы Африки в глобализирующемся мире: политико-правовые и этические способы разрешения конфликтных ситуаций // Диалог культур и партнерство цивилизаций: XIV Международные Лихачевские научные чтения, 15–20 мая 2014 г. СПб.: СПбГУ, 2014.
6. Abdulhadi A. Soft power as an alternative to hard power in counterterrorism in Saudi Arabia. U.S. Army War College, 2010. URL: Soft Power as an Alternative to Hard Power in Counterterrorism in Saudi Arabia (researchgate.net) (дата обращения 21.02.2021).
7. Bakare I.A. «Soft power» as a means of fighting international terrorism: a case study of Nigeria's «Boko Haram» // Vestnik RUDN. International Relations. 2016. Vol. 16. №2.
8. Gyekye K. Tradition and modernity: Philosophical reflections on the African experience. Oxford University Press, 1997.
9. Kante M.I. Lutte Contre le Terrorisme en Afrique de l'Ouest: Coopération entre la CEDEAO, les États et les Organisations // Revue Africaine sur le Terrorisme. 2019. Vol.8. №2.
10. Kruglova A. Boko «Halal»? Western education should be used as a weapon against terror // Foreign Affairs & Security. 2015. №23(1).
11. Murove M. L'Ubuntu // Diogenè №3-4 (№235-236). 2011.
12. Omoluwa O. Functional education: a tool for combating terrorism in Nigeria // International Journal of Technical Research and Applications. 2014. Vol. 2. №7.
13. Saleh L. Soft Power, NGOs, and the US War on Terror. Theses and Dissertations. The University of Wisconsin-Milwaukee. 2012.

14. Sodipo M.O. Mitigating Radicalism in Northern Nigeria // Africa security brief. 2013. №26.

15. Büşra Nur Özgüler H.A., Hecan M. Moroccan soft power in the fight against radicalization // JTW, 2015. URL: <http://www.turkishweekly.net/2015/09/14/news/moroccan-soft-power-in-the-fight-against-radicalization> (дата обращения 21.02.2021).

16. Gelot L. Déradicalisation en Somalie : autorités traditionnelles et contre-insurrection // Centre d'étude stratégiques de l'Afrique. URL: <https://africacenter.org/fr/security-article/deradicalisation-en-somalie-autorites-traditionnelles-et-contre-insurrection/> (дата обращения 21.02.2021).

17. Institute for Economics & Peace. Global Terrorism Index 2020: Measuring the Impact of Terrorism, Sydney, November 2020. URL: <http://visionofhumanity.org/reports> (дата обращения 09.02.2021)

18. L'expérience du Maroc en matière de lutte contre le terrorisme mise en relief à Rome. URL: https://www.libe.ma/L-experience-du-Maroc-en-matiere-de-lutte-contre-le-terrorisme-mise-en-relief-a-Rome_a113741.html (дата обращения 21.02.2021).

19. L'ONUDC organise une réunion consultative nationale avec les points focaux antiterroristes du Ghana // United Nations Office on Drugs and Crime, URL: <https://www.unodc.org/westandcentralafrica/fr/2020-09-28-ghana-counter-terrorism.html> (дата обращения: 21.02.2021).

20. Mufila V. L'Afrique, une histoire à redécouvrir. 10. La philosophie ubuntu. Pressenza. International press agency. URL: <https://www.pressenza.com/fr/2018/10/lafrique-une-histoire-a-redecouvrir-10-la-philosophie-ubuntu/> (дата обращения 21.02.2021).

21. Nye J.S. Importance of Soft Power in the Age of Terrorism // Bloomberg Surveillance. URL: <https://www.bloomberg.com/news/videos/2015-11-19/importance-of-soft-power-in-the-age-of-terrorism?fbclid=IwAR1E48etxgy6PIEjDZpTхурcV87ra697RXBbm7uBWYHdZ1rwtv1WU8k88> (дата обращения 21.02.2021).

22. Onuoha F.C. Why Do Youth Join Boko Haram? United State Institute of Peace. Special Report. 2014. URL: <https://www.usip.org/publications/2014/06/why-do-youth-join-boko-haram> (дата обращения 21.02.2021).

23. Niger: programmes de déradicalisation pour d'anciens membres du groupe jihadiste Boko Haram // Franceinfo. URL: <https://www.msn.com/fr-fr/actualite/monde/niger-programmes-de-d%C3%A9radicalisation-pour-d-anciens>

membres-du-groupe-jihadiste-boko-haram/ar-BB1fGal0?li=BBkGbOY (дата обращения 21.02.2021).

24. Tiassou K. Des pays menacés par le terrorisme malgré le coronavirus // DW.com, 01.04.2020. URL: <https://www.dw.com/fr/actualit%C3%A9s/s-10261> (дата обращения 21.02.2021).

25. Stratégies nationales de lutte contre le terrorisme en Afrique // Centre d'étude stratégiques de l'Afrique. <https://africacenter.org/fr/programs/elaboration-de-strategies-nationales-contre-terrorisme-en-afrique/> (дата обращения 21.02.2021).

26. Ramdeen M. Countering Terrorism and Violent Extremism in Africa // Conflict Trends. 2017. №2. URL: <https://www.accord.org.za/conflict-trends/countering-terrorism-violent-extremism-africa/> (дата обращения 21.02.2021).

References

1. Kostelyanets S.V. Terrorizm v Afrike: osobennosti, tendentsii, perspektivy // Puti k miru i bezopasnosti. 2016. №2.

2. Mustafabeili A.M. «Myagkaya sila» v bor'be s terrorom (mezhdunarodnyi opyt) // Vestnik Diplomaticheskoi akademii MID Rossii. Rossiya i mir. 2016. №2(8).

3. Pashchenko I.V. Sovremennye praktiki deradikalizatsii osuzhdennykh za proyavlenie religioznogo ekstremizma: mirovoi opyt // Otechestvennaya yurisprudentsiya. 2016. №12(14).

4. Raikh M., Dolan S. Global'nyi krizis. Za gran'yu ochevidnogo. Mosk-va: Pretekst, 2010. 400 s.

5. Kharitonova E.V. Tsvivilizatsionnye al'ternativy Afriki v globaliziruyushchemsya mire: politiko-pravovye i eticheskie sposoby razresheniya konfliktnykh situatsii // Dialog kul'tur i partnerstvo tsvivilizatsii: XIV Mezhdunarodnye Likhachevskie nauchnye chteniya, 15–20 maya 2014 g. SPb.: SPbGU, 2014.

6. Abdulhadi A. Soft power as an alternative to hard power in counterterrorism in Saudi Arabia. U.S. Army War College, 2010. URL: [Soft Power as an Alternative to Hard Power in Counterterrorism in Saudi Arabia](https://www.researchgate.net/publication/312111111) (researchgate.net) (дата обращения 21.02.2021).

7. Bakare I.A. «Soft power» as a means of fighting international terrorism: a case study of Nigeria's «Boko Haram» // Vestnik RUDN. International Relations. 2016. Vol. 16. №2.

8. Gyekye K. Tradition and modernity: Philosophical reflections on the African experience. Oxford University Press, 1997.

9. Kante M.I. Lutte Contre le Terrorisme en Afrique de l'Ouest: Coopération entre la CEDEAO, les États et les Organisations // Revue Africaine sur le Terrorisme. 2019. Vol.8. №2.

10. Kruglova A. Boko «Halal»? Western education should be used as a weapon against terror // Foreign Affairs & Security. 2015. №23(1).

11. Murove M. L'Ubuntu // Diogenè №3-4 (№235-236). 2011.

12. Omoluwa O. Functional education: a tool for combating terrorism in Nigeria // International Journal of Technical Research and Applications. 2014. Vol. 2. №7.

13. Saleh L. Soft Power, NGOs, and the US War on Terror. Theses and Dissertations. The University of Wisconsin-Milwaukee. 2012.

14. Sodipo M.O. Mitigating Radicalism in Northern Nigeria // Africa security brief. 2013. №26.

15. Büşra Nur Özgüler H.A., Hecan M. Moroccan soft power in the fight against radicalization // JTW, 2015. URL: <http://www.turkishweekly.net/2015/09/14/news/moroccan-soft-power-in-the-fight-against-radicalization> (data obrashcheniya 21.02.2021).

16. Gelot L. Déradicalisation en Somalie: autorités traditionnelles et contre-insurrection // Centre d'étude stratégiques de l'Afrique. URL: <https://africacenter.org/fr/security-article/deradicalisation-en-somalie-autorites-traditionnelles-et-contre-insurrection/> (data obrashcheniya 21.02.2021).

17. Institute for Economics & Peace. Global Terrorism Index 2020: Measuring the Impact of Terrorism, Sydney, November 2020. URL: <http://visionofhumanity.org/reports> (data obrashcheniya 09.02.2021)

18. L'expérience du Maroc en matière de lutte contre le terrorisme mise en relief à Rome. URL: https://www.libe.ma/L-experience-du-Maroc-en-matiere-de-lutte-contre-le-terrorisme-mise-en-relief-a-Rome_a113741.html (data obrashcheniya 21.02.2021).

19. L'ONUDC organise une réunion consultative nationale avec les points focaux antiterroristes du Ghana // United Nations Office on Drugs and Crime,

URL: <https://www.unodc.org/westandcentralafrica/fr/2020-09-28-ghana-counter-terrorism.html> (data obrashcheniya: 21.02.2021).

20. Mufila V. L’Afrique, une histoire à redécouvrir. 10. La philosophie ubuntu. Pressenza. International press agency. URL: <https://www.pressenza.com/fr/2018/10/lafrique-une-histoire-a-redecouvrir-10-la-philosophie-ubuntu/> (data obrashcheniya 21.02.2021).

21. Nye J.S. Importance of Soft Power in the Age of Terrorism // Bloomberg Surveillance. URL: <https://www.bloomberg.com/news/videos/2015-11-19/importance-of-soft-power-in-the-age-of-terrorism?fbclid=IwAR1E48etxgy6PIEjDZpTxyrcV87ra697RXBbm7uBWYHZdZ1rwtv1WU8k88> (data obrashcheniya 21.02.2021).

22. Onuoha F.C. Why Do Youth Join Boko Haram? United State Institute of Peace. Special Report. 2014. URL: <https://www.usip.org/publications/2014/06/why-do-youth-join-boko-haram> (data obrashcheniya 21.02.2021).

23. Niger: programmes de déradicalisation pour d'anciens membres du groupe jihadiste Boko Haram // Franceinfo. URL: <https://www.msn.com/fr/fr/actualite/monde/niger-programmes-de-d%C3%A9radicalisation-pour-d-anciens-membres-du-groupe-jihadiste-boko-haram/ar-BB1fGal0?li=BBkGbOY> (data obrashcheniya 21.02.2021).

24. Tiassou K. Des pays menacés par le terrorisme malgré le corona-virus // DW.com, 01.04.2020. URL: <https://www.dw.com/fr/actualit%C3%A9s/s-10261> (data obrashcheniya 21.02.2021).

25. Stratégies nationales de lutte contre le terrorisme en Afrique // Centre d'étude stratégiques de l’Afrique. <https://africacenter.org/fr/programs/elaboration-de-strategies-nationales-contre-terrorisme-en-afrique/> (data obrashcheniya 21.02.2021).

26. Ramdeen M. Countering Terrorism and Violent Extremism in Africa // Conflict Trends. 2017. №2. URL: <https://www.accord.org.za/conflict-trends/countering-terrorism-violent-extremism-africa/> (data obrashcheniya 21.02.2021).

С.В. Савойская

**РУМЫНСКИЙ ЯЗЫК
КАК ИНДИКАТОР
ПОЛИТИЧЕСКОЙ СЕТИ
МОДЕЛИ ЯЗЫКОВОЙ
ПОЛИТИКИ УКРАИНЫ**

Аннотация

Актуальность исследования обусловлена тем, что языковая политика и её модель в продолжение нескольких лет остаются в центре внимания многих исследователей развитых демократических государств. Отдельные из них в связи с этой проблемой находятся на краю распада. Исходя из этого, языковые политические проблемы угрожают не только общественно-политическому единению, но и распадом таких государств как Испания, Канада (провинция Квебек), Бельгия, где языковые политические конфликты не останавливаются, а языковой политический сепаратизм развивается в новых современных формах. Следует констатировать, что в последние десятилетия возрастает интерес к моделям языковой политики тех государств, которые провозгласили свою независимость. Среди них – государства постсоветского пространства, особенно Эстония, Латвия, Молдова, Украина и др., которые стараются возродить собственные язык и культуру и построить свою модель языковой политики на национальной основе. В этом случае к иному блоку государств относим те метрополии, например Венгрию, Румынию и др., которые стараются сблечь своё величие и влияние на языковую политику прежних колоний. То есть, на языковой политике такого государства как Румыния, которая продолжает строить в Украине свои языковые политические сети, которые действуют вопреки национальным интересам и ценностям украинцев, остановимся в этом исследовании более подробно. В этом случае наше внимание акцентиру-

S. Savoyskaya

**ROMANIAN LANGUAGE
AS AN INDICATOR OF
THE POLITICAL NETWORK
OF THE MODEL OF
THE LANGUAGE
POLICY OF UKRAINE**

Abstract

The relevance of this study is due to the fact that language policy and its model have remained in the focus of attention of many researchers of developed democracies for several years. Some of them are on the verge of decay due to this problem. Proceeding from this, linguistic political problems threaten not only socio-political unity, but also the collapse of such states as Spain, Canada (province of Quebec), Belgium, where linguistic political conflicts do not stop, and linguistic political separatism develops in new modern forms. It should be noted that in recent decades there has been growing interest in the models of language policy of those states that have proclaimed their independence. Among them are the states of the post-Soviet space, especially Estonia, Latvia, Moldova, Ukraine and others, which are trying to revive their own language and culture and build their own model of language policy on a national basis. In this case, those metropolises, for example, Hungary, Romania, etc., which are trying to preserve their greatness and influence on the language policy of the former colonies, belong to a different block of states. That is, we will dwell in more detail on the language policy of a state like Romania, which continues to build its own language political networks in Ukraine, which operate contrary to the national interests and values of Ukrainians. In this case, our attention is focused on the goals and ideas of the subjects of the Romanian political network of the model of the language policy of Ukraine, the basis of which is the Romanian language as an indicator and a

ется на цели и идеях субъектов румынской политической сети модели языковой политики Украины, основой которой является румынский язык как индикатор и политическая институция. Следует заметить, что, опираясь на румынскую этническую общность, её образовательную и культурную деятельность в Украине, румынские государственные деятели и отдельные политики ставят цель: распространить на Буковине и в др. регионах страны румынский язык в качестве регионального, а со временем эти и другие земли, где живут молдаване и румыны, присоединить к Румынии. В этом смысле следует обратить внимание на то, что причиной дестабилизации в отношениях Румынии с Украиной является идея возрождения большой Румынии, которая укоренена в политическое сознание большей части румынских государственных деятелей, политиков, ученых и националистов как в самом государстве, так и за его пределами.

Ключевые слова:

румынский язык, индикатор, политическая сеть, модель, языковая политика.

political institution. It should be noted that, relying on the Romanian ethnic community, its educational and cultural activities in Ukraine, Romanian statesmen and individual politicians set a goal: to spread the Romanian language as a regional language in Bukovina and in other regions of the country, and over time these and other lands, where Moldovans and Romanians live, to join Romania. In this sense, one should pay attention to the fact that the cause of destabilization in relations between Romania and Ukraine is the idea of the revival of a large Romania, which is rooted in the political consciousness of a large part of Romanian statesmen, politicians, scholars and nationalists both in the state itself and outside it.

Key words:

Romanian language, indicator, political network, model, language policy.

Основой монокультурной модели языковой политики Румынии, как и в Венгрии, является национализм, который, к примеру, С. Донченко определяет как: самоидентификацию индивида со своим народом; любовь к своей земле, традициям, языку, культуре; национальное сознание, которое переходит в идеологию борьбы за независимость своей страны; осознание народа, что он является неповторимым и уникальным [3, с. 89]. Идея Румынии вернуть себе своё величие за счет присоединения земель Молдовы и Украины стала частью ее национального мифа. В связи с этим румыны, по мнению Е. Рябинына, преследуют несколько целей: первая говорит о том, что для ряда румынских политических партий тема буковинско-бессарабских территорий – это важная составляющая борьбы за голоса избирателей; вторая – возвращение былого имиджа исторически «обиженной» Румынии, что позволяет ей давить на общественное мнение, политическую позицию своих европейских союзников, отношения с Украиной и Молдовой; третья – использование румынской диаспоры в контексте заботы о национально-культурной жизни соотечественников за

рубежом; четвертая – использование румынского истеблишмента в качестве воздействия на лоббирование своих интересов не только в пограничье, но и на уровне отношений со странами-соседями [10, с. 303].

Отдельные аспекты румыно-украинских отношений, их институциональные, языковые, культурные, межсетевые, этнические и др. взаимодействия, а также политические и территориальные проблемы исследуют В. Андрейко [1], А. Гетьманчук [2], А. Заремба и С. Римаренко [4], М. Рыбачук [9], Е. Рябинин [10], А. Круглашов [5], А. Куц и В. Заблоцкий [6], М. Петров [7], Т. Халавка [12], а также Г. Меттєв [13] и др. ученые, мнения которых совпадают на том, что румынские власти на территории оккупированной Украины в недалеком прошлом формировали собственную политическую сеть модели языковой политики, главным институтом которой был румынский язык, который в современной Украине в 2012-2018 гг. имел статус регионального. По мнению А. Зарембы и С. Римаренко, «Румыния контролирует обучение, которое происходит в румыноязычных школах Одесской и Черновицкой областей» [4, с. 261]. В 1996 году, как отмечает Т. Халавка, было восстановлено Православный Украинский викариат, который находится под юрисдикцией Патриархии Румынской православной церкви [12, с. 91, 95]. А это значит, что богослужения и проповеди в этой церкви происходят, за исключением греко-католической церкви, где богослужения осуществляются преимущественно на украинском языке, только на румынском, поэтому церковь в современной Румынии остается одним с активных средств румынизации этнических украинцев. Для сравнения: с 399 приходов Черновицкой епархии Украинской православной церкви (УПЦ) 106 румыноязычных. Значительный процент румыноязычных есть, как отмечает Т. Халавка, среди протестантских общин, Евангельских христиан-баптистов, адвентистов седьмого дня, Христиан веры Евангельской пятидесятников и др. [12, с. 131]. В постсоциалистической Румынии, как отмечает А. Гетьманчук, отношение официальных институтов к украинскому языку и независимому Украинскому государству не стало лучшим, если учесть, что во время Всеукраинского референдума (1 декабря 1991 года) происходила острая идейная борьба, в которой достаточно активными были румынские власти, а также ее государственные и политические институты, жители молдавских и румынских сёл, которые агитировали голосовать против независимости Украины [2, с. 87]. Эту политическую ситуацию, по мнению Е. Рябина, осложняет

тот факт, что со стороны некоторых политических сил Румынии выдвигаются территориальные претензии к Украине, звучат призывы к передаче ей Черновицкой области. Более того, в 1993 году МИД Румынии направил Киеву ноту, которой объявил неправомерным Договор о режиме советско-румынской государственной границы с 1967 года, поэтому в 1994 году Бухарест этот договор денонсировал. С тех пор Румыния не признает послевоенного разделения Европы, претендуя на часть украинской территории [10, с. 302]. Такие радикальные требования со стороны Румынии выдвигаются отдельными общественными организациями, в том числе Объединением эмигрантов с Буковины и Бессарабии, которые поддерживают влиятельные политические партии, священники Румынской православной церкви, правительство и Парламент этого государства. При таких условиях отдельные лидеры и активисты румынской общины Черновицкой области развернули пропагандистскую деятельность, направленную на обоснование возможности и целесообразности отделения Черновицкой области от Украины с последующим ее присоединением к Румынии, которая якобы «незаконно» находится в составе Украины. «Идеологическим прикрытием таких намерений Румынии, по мнению М. Петрова, служит румынская национальная идея, в основу которой положен тезис об объединении в единое целое румын Карпато-Дунайского пространства. Именно таким образом происходит формирование негативного образа Украинские у румын» [7, с. 10]. Такие заявления радикально настроенных румынских националистов представляют угрозу национальному суверенитету и территориальной целостности Украины. Они вызывают напряжение в отношениях между Украинской и румынами как основными этническими общинами Буковины. В этом контексте Т. Халавка отмечает, что Румыния в своей Конституции значительное внимание уделяет диаспоре, где она выступает за укрепление связей с румынами, проживающими за рубежом, и работают на сохранение, развитие и выражение этнической, культурной, языковой и религиозной самобытности с соблюдением законодательства государств, гражданами которых они являются [12, с. 85]. В то же время В. Андрейко констатирует, что во время захвата украинских земель Румынией, которая имеет к современной Украине языковые, культурные и территориальные претензии [1, с. 233], лидеры этого государства запрещали украинцам использовать родной язык во всех сферах и отраслях общественно-политической жизни.

В этом смысле не стоит забывать ту антиукраинскую языковую политику, которую на территории оккупированной Украины проводил режим Чаушеску, который уничтожил украиноязычную школьную и церковную жизнь, что лишило украинское общество каких-либо перспектив национального развития. Об этом, как отмечает М. Рыбачук, свидетельствуют следующие факты: после ликвидации греко-католической церкви в Румынии в 1948 году её верующие перешли в православие, которое насчитывало 25 приходов, которые объединили 52 тыс. верующих [9]. Как видно, румынские власти на территории современной Украины пытаются воплощать в жизнь ту модель языковой политики, которую она строила в старые времена. Этим она превзошла даже Польшу, освобождая от работы в социалистической Румынии украинских учителей только за то, что они требовали разрешения на изучение украинского языка, румынизировала украинские школы, гимназии, лицеи, вузы, запретила деятельность Украинской греко-католической церкви. То есть, оккупационная языковая политика Румынии, как отмечает американский исследователь Г. Мэттью [13], оставила независимой Украине в наследство румынский язык, который является региональным институтом и индикатором политической сети модели языковой политики. Индикатор – это код, который дает возможность распознать, какой власти, государству, политической партии, учреждению или организации принадлежит политическая сеть модели и какими институтами она формируется.

С провозглашением независимости румынский Парламент, как отмечает А. Круглашов, обратился в Верховную Раду Украины вернуть Румынии Южную Бессарабию, округ Герца и Северную Буковину, которые были аннексированы в результате подписания пакта Молотова-Риббентропа [5, с. 184]. Чтобы решить культурно-политические и др. проблемы, которые после провозглашения независимости унаследовало украинское государство, была создана политическая сеть модели языковой политики, которая объединяет такие институты как: Комитет по делам национальностей при Кабинете Министров Украины (1993 г.), Министерство национальностей и миграции (1996 г.) Государственный комитет по делам национальностей и миграции (1999 г.), Государственный департамент по делам национальностей и миграции, который действовал в составе Министерства юстиции Украины; Государственный комитет по делам национальностей и религий (2010 г.) Уполномоченный по вопросам

этнонациональной политики (2014 - 2015 гг.), который обеспечивал взаимодействия КМУ с органами исполнительной власти, институтами гражданского общества; защищал права национальных меньшинств и коренных народов, хранил межнациональное единство и согласие в украинском обществе. В частности, под понятием «национальные меньшинства» Т. Халавка понимает группу лиц, менее многочисленной по сравнению с остальным населением государства или региона, которая имеет культурные, религиозные, языковые и др. особенности [12, с. 19]. Только с подписанием базового политического договора между Украиной и Румынией в 1997 году, на что румынская сторона пошла под давлением необходимости выполнения условия вступления в НАТО [10, с. 302] политическая ситуация, как отмечает Е. Рябинин, между двумя соседними государствами начала постепенно налаживаться, впрочем, ненадолго. Чтобы вернуть те украинские земли, на которых царил Румыния, а также – статус-кво для румынского языка, современная Румыния от официальных институтов украинского государства требует большего внимания к румынскому национальному меньшинству, его родному языку и культуре, которые должны быть, как считают румынские руководители, обеспечены всем необходимым – румыноязычными учебниками, методическими учебными материалами, программами, пособиями и др. В то же время отечественные исследователи, в частности А. Куц и В. Заблоцкий, современным румынским руководителям напоминают, как власть Румынии в недалеком социалистическом прошлом закрывала украинские школы, лицеи, культурные учреждения и таким образом запрещала функционировать Украинской греко-католической церкви. Такая модель языковой политики Румынии на оккупированной территории Украины привела к тому, что с 840 000 украинцев в 1979 году признали свою этничность лишь 159 [6, с. 257]. В этом контексте следует отметить, что такая языковая политика причинила большой вред культурному развитию украинцев, что ощутимо и сейчас, поскольку современная Румыния не собирается отступать и отказываться от своих планов и претензий к Украине. Поэтому от украинской власти румынские политики требуют больше прав для румынского меньшинства, проживающего в Украине, с другой стороны, они сами ограничивают этнических украинцев Румынии в обучении на родном языке. О такой модели языковой политики современной Румынии свидетельствует полное отсутствие дошкольных и др. заведений на украинском языке,

а также - начальной, восьмилетней, средней и высшей школы [2, с. 97]. Это свидетельствует о том, что румынские власти на территории Румынии создают такие условия, которые не дают возможность украинскому меньшинству изучать родной язык [8, с. 95]. О таком положении дел власть Украины, как отмечает Т. Халавка, на межгосударственных переговорах делала попытки поднять вопрос обеспечения гуманитарных прав украинский Румынии, в том числе и на образование на родном языке. Для решения этих вопросов была создана межправительственная комиссия по делам Украинской Румынии и румын Украины. В результате этих действий комиссия с 2007 года не провела ни одного заседания по этому поводу, а выполнение предыдущих решений систематически игнорировались румынской стороной [12, с. 99, 100]. Исходя с этого, в 63 школах в местах компактного проживания украинского меньшинства его родной язык преподается как предмет факультативно по письменному желанию родителей [2, с. 97]. Вследствие игнорирования прав украинцев в Румынии украинский язык изучает почти 7 тыс. учеников (50 лет назад это количество было в 3 раза больше), то есть, только четверть украинских детей. С другой стороны, большинство выпускников (более 90%), которые изучали украинский язык в Национальном колледже имени М. Эминеску в Сучаве, как и остальные выпускники, окончившие подобные учебные заведения в Черновцах, были направлены в румынские села. А что касается помощи зарубежным украинцам со стороны Украины, то сложная экономическая ситуация не всегда способствует выделению средств для сохранения их идентичности в других государствах, в частности в Румынии [12, с. 101]. Поэтому указанная модель языковой политики этого государства в сфере украиноязычного образования, как считает Т. Халавка, привела к дальнейшему уменьшению количества учеников, изучающих украинский язык. В результате тысячи украинцев, проживающих в уездах Сучава, Ботошани и Тулча, прекратили декларировать свою идентичность, перейдя в разряд «неофициальных» жителей Румынии [12, с. 93, 94, 95].

Несмотря на бездеятельность, которая касается обеспечения на территории Румынии украинского национального меньшинства самым необходимым, Румыния продолжает выдвигать Украине различные требования и претензии: в области культурного влияния официальная румынская власть ставит вопрос об увеличении институтов и форм культурной репрезентации румынской общины в Черновицкой области. Речь идет об

идее создания румынского театра, музыкального коллектива румынских народных инструментов, открытие румынской областной библиотеки, основании музея румынского классика М. Эминеску [10, с. 303]. В этом смысле А. Гетьманчук напоминает, что в Румынии до сих пор не создано ни одной украинской библиотеки, кинотеатра, музея, также отсутствует в продаже украинская книга [2, с. 98]. Такая модель языковой политики строится официальной Румынией несмотря на то, что одной из самых многочисленных этнических групп в этом государстве являются украинцы, которые занимают четвертое место по численности населения. В этом смысле стоит отметить, что румынская власть пытается отколоть от украинской этнической группы «русинов» и «гуцулов», которые, как утверждает А. Гетьманчук, учатся в этом государстве по учебникам, которые были изданы в 60-х годах прошлого века. Стоит отметить, что часть учебных материалов в последний раз переиздавалась лишь небольшим тиражом в 2000 году [2, с. 97]. Исключением из этого правила, как отмечает М. Петров, есть лицей имени Т. Шевченко (Сигету Мармацией, Мармарощина), который возрожден в 1997 году, где большинство предметов преподается на украинском языке [8, с. 95]. Здесь на украинском языке обучается 660 учащихся в 13 классах, начиная от дошкольного и заканчивая средним образованием. А что касается высшего образования, то в Бухарестском университете есть отделение украинского языка, где, как отмечает Т. Халавка, ежегодно обучается лишь 10 - 15 студентов [12, с. 94]. Стоит отметить, что из 200 преподавателей Черновицкого университета, как отмечают отечественные ученые, на украинском языке в конце 1980-х гг. проводили занятия только 59 человек, а в Черновицком медицинском институте из 143 преподавателей – только 13 [11]. Большинство украинцев Румынии (около 80%) проживают в приграничных с Украиной регионах, в частности в Южной Буковине (Сучавский уезд) и Мармарощине, что не позволяет их рассматривать как диаспору, поскольку они на протяжении многих веков компактно проживают на пограничных с Украиной территориях. Это, как отмечает Т. Халавка, позволяет говорить о существовании автохтонной этнической общине, которая только через территориальные разграничения XX века оказалась за пределами Украины [12, с. 89].

Стоит отметить, что культурно-политические отношения в Украине с Румынией ухудшились после принятия (28 сентября 2017 года) закона

«Об образовании» (статья 7), который имеет целью улучшить изучение украинского языка в школах нацменьшинств, где много учеников не знают украинского языка, а также предоставить детям румынского происхождения больше возможностей для самореализации в Украине. Впрочем, государственные руководители Румынии не восприняли официальных объяснений и аргументов Украины, поэтому заявили о нарушении прав румынского нацменьшинства, забыв о том, что сами не обеспечивают образование украинцев на родном языке, которые проживают в уезде Марагуреш, где учебная и методическая литература на украинском языке устарела, а дети учатся по программам, которые в последний раз были обновлены в 1989 году. Помимо прочего, в этом уезде, по утверждению А. Гетьманчук, фактически отсутствуют любые печатные СМИ на украинском языке, кроме периодических изданий Союза украинцев Румынии, которые выходят один раз в месяц и распространяются среди уездных филиалов [2, с. 97]. Из-за принятия закона Об образовании Президент Румынии Клаус Йоханнис отменил визит в Украину, а руководители румынских официальных кругов подали жалобу на украинскую власть в Венецианскую комиссию, которая этот закон раскритиковала. Исходя из указанного, официальные румынские круги в этом смысле не совсем последовательны в своих действиях, поскольку, с одной стороны, они критикуют действия украинской власти, которая, по их мнению, не дает румынскому национальному меньшинству возможности получать образование на родном языке, с другой, сами не соблюдают того, что обещают. И для сравнения: в высших учебных заведениях Румынии украинский язык изучают как второй иностранный лишь 60 студентов [2, с. 98]. В то же время от украинской власти румынские политики требуют проводить обучение в учебных заведениях, где учатся лица молдавского и румынского происхождения, только на румынском языке по учебникам, изданным в Румынии [7, с. 14]. Свидетельством этого является официальное письмо от Верховного комиссара ОБСЕ по вопросам национальных меньшинств Р. Экеуса в адрес министров иностранных дел Украины и Румынии, где отмечается, что «ситуация с украинским нацменьшинством в румынском уезде Сучава характеризуется сильными тенденциями к ассимиляции. Стоит учесть, что во время переписи населения Румынии в 2002 году значительное количество этнических украинцев задекларировала себя румынами, большинство из которых не умеет ни читать, ни писать на род-

ном языке. Корни такой модели языковой политики Румынии по обеспечению культурных прав украинцев в этом государстве происходит, по мнению Т. Халавки, еще со времен репрессивной политики румынского коммунистического режима, существовавшего до 1989 года» [12, с. 98].

То есть, субъекты румынской политической сети модели языковой политики не заинтересованы в наличии многочисленной украинской общины в Южной Буковине, поскольку они ориентируются на этнический принцип построения нации и расширение границ Румынии за счет украинских земель. Именно поэтому национальные меньшинства Румынии, по мнению румынских государственных и политиков, должны раствориться в румынском этносе. Осуществить эти планы мешает, как отмечает Т. Халавка, украинская власть, которая, по их мнению, убивает румынский язык, закрывает румыноязычные школы, а румынское меньшинство подвергает ассимиляции [12, с. 99]. Чтобы компетентно возразить обвинению румынских властей, приведем аргументы Департамента образования и науки Черновицкой облгосадминистрации, которые свидетельствуют, что в 2014/2015 гг. в области функционировало 434 общеобразовательных учебных заведения, в том числе 20 гимназий и 14 лицеев, из которых 66 – на румынском языке обучения, у 17 проводилось обучение как на румынском, так и на украинском языках. Всего в Черновицкой области на румынском языке учится 14092 учеников (14,7%). В этом смысле М. Петров напоминает, что румынская власть делает много для того, чтобы этнические румыны продолжали свое обучение не в Украине, а в Румынии [7, с. 16]. В то же время Г. Халавка отмечает, что педагогические кадры для учебных заведений области с румынским языком обучения готовят Черновицкий национальный университет имени Юрия Федьковича, у которого лидеры румынских национально-культурных обществ требуют двуязычного преподавания; педагогический колледж, высшие учебные заведения Румынии и Республики Молдова [12, с. 126, 132]. Как видно, требования Румынии к Украине, по нашему мнению, не сопоставимы и не справедливы, если учесть, как обеспечиваются языковые права украинцев в Румынии и как владеет румынское национальное меньшинство в Украине украинским языком. В этом смысле неудивительно, что перепись украинского населения, которая состоялась в 2001 году, показала низкий уровень языковой интеграции румынской общины (52% украинских граждан румынского происхождения не знали украинского языка) в украин-

ское общество. Не стала языковая ситуация в Черновицкой области лучшей и в 2015 году, когда из 621 выпускника 314 (51%) не сдали тест по украинскому языку, что, по мнению Т. Халавки, не способствует интеграции румынской этнической группы в украинское общество [12, с. 125, 128]. А собирается ли она интегрироваться и позволит ей это сделать румынские власти? На этот вопрос своими действиями дает ответ и сама румынская власть, и ее субъекты, которые являются членами языковой политической сети в Украине, которые много делают для того, чтобы больше украинских граждан, и не только румынского происхождения, получили румынское гражданство. Для этого в конце 2009 года парламент Румынии принял новую редакцию закона О гражданстве, в которой существует упрощенный порядок предоставления гражданства для жителей Молдовы и Украины. В этом смысле стоит отметить, что вместо того, чтобы предоставить молдаванам возможность самостоятельно решать культурно-политические проблемы, Румыния вмешалась в их внутренние дела, разъединила молдавскую общественность, навязала ей свои интересы и модель языковой политики, что, по мнению В. Коцур, привело к расколу Молдовы. Например, в статье 37 этого закона говорится: «Иностранцы граждане, лица без гражданства, а также их потомки, которые до 22 декабря 1989 были лишены румынского гражданства по разным причинам, имеют право вернуть гражданство Румынии». Согласно этому положению, получить румынское гражданство имеют право все жители Черновицкой области чьи родители, бабушки или дедушки к 28 июня 1940 проживали в этой местности и были гражданами Румынии. К этому следует добавить, что паспорт Румынии, которая является членом ЕС, дает возможность свободно передвигаться по Европе, что, по мнению Е. Рябинина, делает его желанным даже для тех граждан Украины, которые не являются этническими румынами и не испытывают никакого культурного единения с «исторической родиной» [10, с. 303].

Учитывая указанное, как отмечает Е. Рябинин, создаются условия для вторжения румынских войск на «свою» территорию для захвата Черновицкой области. К этому призывает румынская ежедневная газета *Adevarul* («Правда»), которая обращается к властям Румынии, чтобы она «защитила соотечественников, проживающих на территории Украины» и оккупировала «бывшие румынские территории», которыми являются Северная Буковина, Герцеский округ и Южная Бессарабия [10, с. 304].

Другое румынское издание сообщает, что «Украина – искусственное, неоднородное государство, появившееся на руинах СССР, к которому Румыния имеет наибольшие территориальные претензии, в результате чего оно может разделиться на две части в недалеком будущем, поскольку тихо сползает к реальной войне». В этом контексте Е. Рябинин делает вывод, который имеет два смысла: первый заключается в использовании мягкой силы странами, граничащими с Украиной, на территории которой проживает значительное количество этнических венгров, румын и русских. Это может привести к катастрофическим последствиям для Украины вроде ситуации с Крымом. Поэтому Украинское государство должно предоставить национальным меньшинствам такие условия, чтобы они считали проживания на территории Украины комфортным и безопасным [10, с. 305]. Перелом в отношениях между Румынией и Украиной произошел во время «революции достоинства», поскольку эти события румыны сравнивали с революцией против Чаушеску. В связи с этим они рассматривали украинцев как людей с развитым гражданским сознанием. Этому способствовали, во-первых, подписание в 1997 году между двумя государствами большого Договора о дружбе и добрососедстве, во-вторых, вступление в 2004 году Румынии в НАТО, поэтому она вынуждена была отбросить любые территориальные претензии к Украине и споры, касающиеся Черноморского шельфа и экономических зон в Черном море. Учитывая эти события, Бухарест вынужден был поддержать территориальную целостность Украины во время голосования на всех международных мероприятиях. Исходя из указанного, Т. Халавка делает вывод, что между Румынией и Украиной больше никаких спорных вопросов не осталось, если не считать сотни тысяч паспортов, которые выдали румынские политики жителям Черновицкой и Одесской областей [12, с. 136]. Однако, в культурно-политической позиции Румынии мы видим непоследовательность и двойную игру. Такой вывод подтверждается еще и тем, что проблема получать обучение и информацию на родном языке этническим украинцам Румынии не сдвинулась с места, о чем свидетельствуют такие румынские издания как «Наш голос», «Свободное слово» и «Украинский вестник», которые печатаются на украинском языке и доходят до украинских читателей. Для сравнения: на территории Черновицкой области распространяется 19 печатных периодических изданий на румынском языке, 2 из которых финансируются из государственного бюджета, 4 – из местных, а 13 – за счет

обществ и частных лиц [12, с. 129]. Что касается других СМИ, то на региональных студиях трех городов Клуж-Напока, Тимишоара и Яссы существуют еженедельные 15-20 минутные радиопередачи (13-17 ч. в год) на украинском языке, что является каплей в море по сравнению с тем, как обеспечивает украинская власть информацией румыноязычное меньшинство. Поэтому в Черновицкой облгостелерадиокомпании (общегосударственная форма собственности) создано румыноязычную редакцию, которая имеет 146 ч. ежегодного телеэфира и 121 ч. ежегодного радиоэфира (около 18% от общего объема). Есть передачи на румынском языке и на частных телеканалах области. То есть, в этом смысле Т. Халавка напоминает, что в области создано достаточно разветвленную сеть печатных и электронных СМИ для получения румынской общиной информации на родном языке, а его языковая структура соответствует этническому составу населения области [12, с. 94, 129]. Учитывая указанное, процесс институционализации украинской общины в Румынии, по мнению Т. Халавки, происходит со значительными сложностями, поскольку украинское общество не доверяет национально-культурным обществам, созданным в этом государстве, а образовательные учреждения на украинском языке через образовательную политику органов власти Румынии так и не были созданы. Все это свидетельствует об ускоренной ассимиляции этнических украинцев в этом государстве [12, с. 101, 103].

Выводы. Исходя из указанного, можно сделать такой вывод, что Украина, в отличие от Румынии, способствует румынской общине в изучении английского языка и в получении образования на родном языке. В то же время в украинской общине Румынии нет возможности изучать родной язык не через систему образования, ни через культурные и религиозные общины, которые из-за политики духовного руководства румынских церквей, которые направлены на румынизацию национальных меньшинств, не стали центрами возрождения украинства. Амбиции лидеров институтов Румынии диктуют им, как нужно действовать в отношении Украины и ее национальных меньшинств, чтобы достичь цели. Румыния меняют свою тактику на «мягкую силу», которая дает ей возможность давить на Украину, применяя политические, информационные, культурные, территориальные и др. методы, напоминая ей, что она является слабым государством, которое ассимилирует этнических венгров, румын и др. национальные меньшинства, умалчивая при этом, что дела украинского на-

ционального меньшинства на территории Румынии гораздо хуже. Исходя из указанного, понятие «румынизация» следует понимать как совокупность действий, условий и мер, направленных на: запрет использования украинского языка как родного языка украинцев на территории бывших метрополий; ассимиляцию таких украинских этнографических групп, которые являются русинами, гуцулами и др., которые волей судьбы оказались за пределами Украины. Это свидетельствует о том, что бывшие метрополии все еще надеются вернуть себе утраченные владения в Украине, а вместе с этим – былое величие вроде Великой Румынии.

Литература

1. Андрейко В. Украинско-румынские отношения в контексте вступления Румынии в Европейский Союз. Материалы международной научно-практической конференции «Румынско-украинские отношения: История и современность». VI Сессия. Сату Маре: Уездный музей Сату Маре, 2015.

2. Гетьманчук А. «Мягкая сила» Украины в регионе: инструмент эффективной внешней политики. Киев: Институт мировой политики, 2011.

3. Донченко С. Украинский национализм // Сборник статей и тезисов докладов по материалам VII Всеукраинской научно-практической конференции с международным участием «Развитие основных направлений социогуманитарных наук: проблемы и перспективы» / отв. за выпуск, профессор К.Ю. Богомаз. Каменское: ДГТУ, 2020.

4. Заремба А., Римаренко С. Роль внешних факторов в политизации языковых проблем. Языковая ситуация в Украине: между конфликтом и консенсусом. Киев: ИПиЕНД имени И.Ф. Кураса НАН Украины, 2008.

5. Круглашов А. Украинско-румынская граница: путь к решению противоречий. Политологические и социологические студии // Сборник научных трудов. Т. VI. Черновцы: Изд. дом «Букрек», 2008.

6. Куц А., Заблоцкий В. Языковая политика в Украине: анализ и внедрение. Харьков: ХНУ им. В. Каразина, 2007.

7. Петров М. Процесс формирования имиджа Украины в медийном пространстве современной Румынии: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Черновцы, 2007.

8. Петров М. Обеспечение прав украинской диаспоры в Румынии / Диаспора как фактор утверждения государства Украина в международном

сообществе. Первая международная научная конференция. Сборник докладов. Львов: Изд. «Сполом», 2006.

9. Рыбачук М. «Свои» и «чужие» в храме // Вече. 1996. №2.

10. Рябинин Е. Экзогенные факторы влияния на усиление этносепаратистских процессов в Украине // Вестник Мариупольского государственного университета. Серия: История. Политология, 2016. Вып. 16.

11. Украина: политическая история XX - начало XXI в. / Ред. совет В.М. Литвин и др. Киев: Парламентское изд-во, 2007.

12. Халавка Т. Государственное регулирование процессов межэтнической интеграции в приграничных регионах: теоретический аспект: канд. дис. ... кандидата наук по государственному управлению / Национальная академия государственного управления при Президенте Украины. Одесский региональный институт государственного управления. Одесса, 2015.

13. Matthew H. The language of the Moldovans: Romania, Russia, and identity in an exSoviet republic. Lanham: Lexington Books. Uneasy compromise: Language and education in Moldova. International journal of bilingual education and bilingualism, 2007. June 7. Vol. 11. №3-4.

References

1. Andreiko V. Ukrainsko-rumynskie otnosheniya v kontekste vstupleniya Rumynii v Evropeiskii Soyuz // Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Rumynsko-ukrainskie otnosheniya: Istoriya i sovremennost'». VI Sessiya. Satu Mare: Uezdnyi muzei Satu Mare, 2015.

2. Get'manchuk A. «Myagkaya sila» Ukrainy v regione: instrument effektivnoi vneshnei politiki. Kiev: Institut mirovoi politiki, 2011.

3. Donchenko S. Ukrainskii natsionalizm // Sbornik statei i tezisov dokladov po materialam VII Vseukrainskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem «Razvitie osnovnykh napravlenii so-tsiogumanitarnykh nauk: problemy i perspektivy» (g. Kamenskoe, 24-25 iyunya 2020 goda) / otv. za vypusk, professor K.Yu. Bogomaz. Kamenskoe: DGTU, 2020.

4. Zaremba A., Rimarenko S. Rol' vneshnikh faktorov v politizatsii yazykovykh problem. Yazykovaya situatsiya v Ukraine: mezhdru konfliktom i konsensusom. Kiev: IPIEND imeni I.F. Kurasa NAN Ukrainy, 2008.

5. Kruglashov A. Ukrainsko-rumynskaya granitsa: put' k resheniyu protivorechii. Politologicheskie i sotsiologicheskie studii. Sbornik na-uchnykh trudov. T. VI. Chernovtsy: Izd. dom «Bukrek», 2008.

6. Kuts A., Zablotskii V. Yazykovaya politika v Ukraine: analiz i vnedrenie. Khar'kov: KhNU im. V. Karazina, 2007.

7. Petrov M. Protsess formirovaniya imidzha Ukrainy v mediinom prostranstve sovremennoi Rumynii: Avtoref. dis. ... kand. polit. nauk. Chernovtsy, 2007.

8. Petrov M. Obespechenie prav ukrainskoi diaspory v Rumynii / Diaspora kak faktor utverzheniya gosudarstva Ukraina v mezhdunarodnom soobshchestve. Pervaya mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya. Sbornik dok-ladov. L'vov: Izd. «Spolom», 2006.

9. Rybachuk M. «Svoi» i «chuzhie» v khrame // Veche. 1996. №2.

10. Ryabinin E. Ekzogennye faktory vliyaniya na usilenie etnoseparatistskikh protsessov v Ukraine // Vestnik Mariupol'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya, 2016. Vyp. 16.

11. Ukraina: politicheskaya istoriya XX - nachalo XXI v. / Red. sovet V.M. Litvin I dr. Kiev: Parlamentskoe izd-vo, 2007.

12. Khalavka T. Gosudarstvennoe regulirovanie protsessov mezhnatsional'noi integratsii v prigranichnykh regionakh: teoreticheskiy aspekt: kand. dis. ... kandidata nauk po gosudarstvennomu upravleniyu / Natsional'naya akademiya gosudarstvennogo upravleniya pri Prezidente Ukrainy. Odesskii regional'nyi institut gosudarstvennogo upravleniya. Odessa, 2015.

13. Matthew H. The language of the Moldovans: Romania, Russia, and identity in an exSoviet republic. Lanham: Lexington Books. Uneasy compromise: Language and education in Moldova. International journal of bi-lingual education and bilingualism, 2007. June 7. Vol. 11. №3-4.

**В.Б. Салахова,
О.В. Киселева,
А.В. Кидинов**

**V. Salakhova,
O. Kiseleva,
A. Kidinov**

**ОЦЕНКА И РАЗВИТИЕ
КАДРОВОГО
ПОТЕНЦИАЛА
ГОСУДАРСТВЕННЫХ
СЛУЖАЩИХ В
КОНТЕКСТЕ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ ***

**EVALUATION AND
DEVELOPMENT OF
THE PERSONNEL
POTENTIAL OF
GOVERNMENT EMPLOYEES
IN THE CONTEXT OF
PROVIDING THE
NATIONAL SECURITY OF
THE RUSSIAN
FEDERATION**

Аннотация

В статье представлен комплексный теоретико-методологический анализ проблемы оценки и развития кадрового потенциала государственных служащих в контексте социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Объектом представленного в статье исследования является кадровый потенциал государственных служащих. Предмет исследования – оценка уровня развития кадрового потенциала государственных служащих. Теоретической и методологической основой исследования выступили общенаучные положения о целостном, системном и диалектическом подходах к исследованию, которые позволили оценить совокупность множества взаимосвязанных и взаимодействующих между собой элементов, образующих определенную целостность. Ведущими методами, используемыми в работе, являлись: методы структурного, сравнительного, статистического анализа; методы аналогий и экспертных оценок. Эмпирической базой проведенного в данной работе исследования и анализа явились данные о развитии кадрового потенциала на государственной гражданской службе в Российской Федера-

Abstract

The paper presents a comprehensive theoretical and methodological analysis of the problem of evaluating and developing the personnel potential of government employees in the context of socio-economic development and provision of the national security of the Russian Federation. The object of the research presented in the paper is the personnel potential of government employees in the context of socio-economic development and provision of the national security of the Russian Federation. The subject of the study is the assessment of the level of development of the personnel potential of government employees. The theoretical and methodological basis of the study was the general scientific provisions on the holistic, systemic, and dialectical approaches to research, which made it possible to evaluate the totality of a multitude of interrelated and interacting elements that form a certain integrity. The leading methods used in the work were: methods of structural, comparative, statistical analysis; methods of analogy and expert assessments. The empirical basis of the study and analysis carried out in this work was data on the development of human resources in the state civil service

ции, опубликованные на сайте Госслужба РФ, на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики, а также данные о развитии государственной службы в субъекте Российской Федерации (Ульяновская область). Полученные результаты исследования позволили структурировать понятие статуса государственных и муниципальных служащих, их прав и обязанностей; определить понятие кадрового потенциала на государственной гражданской службе; представить нормативно-правовую базу оценки уровня развития кадрового потенциала государственных служащих в Российской Федерации; определить условия для эффективного развития государственных служащих; изучить механизм оценки эффективности и результативности профессиональной служебной деятельности государственных гражданских служащих в Российской Федерации и развития кадрового потенциала; сформулировать предложения по совершенствованию методики оценки эффективности и результативности деятельности государственных гражданских служащих и использованию результатов оценки для стимулирования повышения результативности их деятельности в контексте социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Ключевые слова:

кадровый потенциал государственных служащих, система оценки кадрового потенциала, социально-экономическое развитие страны, национальная безопасность, государственная служба.

in the Russian Federation, published on the website of the State Service of the Russian Federation, on the official website of the Federal State Statistics Service, as well as data on the development of civil service in the constituent entity of the Russian Federation (the Ulyanovsk region). The obtained results of the study made it possible to structure the concept of the status of state and municipal employees, their rights and obligations; define the concept of human resources in the civil service; to provide a regulatory framework for assessing the level of development of human resources of government employees in the Russian Federation; determine the conditions for the effective development of government employees; study the mechanism for assessing the effectiveness and efficiency of professional service activities of government employees in the Russian Federation and the development of human resources; to formulate proposals for improving the methodology for evaluating the efficiency and effectiveness of the activities of government employees and using the results of the assessment to stimulate an increase in the effectiveness of their activities in the context of socio-economic development and provision of the national security of the Russian Federation.

Key words:

personnel potential of government employees, the personnel potential evaluation system, socio-economic development of the country, national security, state civil service.

* Статья подготовлена в рамках государственного задания ЦИПБ РАН № 0006-2021-0005.

В связи с быстро изменяющимися условиями социально-экономического развития перед органами государственной власти встают новые цели и задачи. Это обуславливает необходимость поиска новых, современных и эффективных механизмов государственного управления, повышения эффективности развития государственной службы и государственного управления в целом. Гражданское общество в целом, и отдельный гражданин в частности, ожидает от государственных служащих ис-

полнения эффективной, результативной и ответственной деятельности, которая в свою очередь определяется способностью высших должностных лиц государства обеспечивать реализацию профессиональной деятельности и исполнения политических решений. Достижение результативности деятельности на высоком профессиональном и компетентностном уровне зависит от множества показателей, в том числе и от существующего состояния государственного аппарата, а именно от его квалификации; опыта; знаний, умения и навыков в соответствующей деятельности; готовности к решению текущих и стратегических задач. Очевидно, что данный факт предполагает наличие определенного механизма для оценки уровня зрелости системы государственного и муниципального управления, а также диагностики деятельности органов государственной власти. В связи с вышесказанным, развитие государственной службы и, прежде всего, ее кадрового потенциала является актуальной проблемой для эффективной организации государства в контексте обеспечения национальной безопасности. Подтверждением этому служат труды многих отечественных и зарубежных ученых: А.В. Карпов, А.А. Карпов и Е.В. Маркова [18]; А.В. Лебедева, Е.В. Селезнева и Е.Г. Чирковская [21]; Е.В. Селезнева и Ю.К. Баркова [28]; Ю.К. Баркова, К.А. Клычникова, Е.В. Селезнева, Е.Г. Чирковская [9]; Ю.В. Снягин, Н.Ю. Снягина, О.Ю. Переверзина [29]; Н.Ю. Снягина [30], А.В. Bakker and S. Albrecht [36]; J.G. Caillier [38]; M.E. Compton and K.J. Meier [40]; L. Eldor and E. Vigoda-Gadot [41]; V. Khoreva and H. Wechtler [42]; H.J. Lee, H.G. Oh and S.M. Park [44]; Y.Y. Zheng, C.H. Wu and L. Graham [47] и др.

Однако, проведенный нами теоретический анализ современных работ по обозначенной проблематике показал, что авторами не рассмотрена в должной мере проблема взаимосвязи показателей эффективности профессиональной деятельности государственных служащих и уровня профессионального развития сотрудников государственных органов управления.

Целью настоящего исследования является изучение теоретических и практических аспектов оценки эффективности развития кадрового потенциала государственных служащих в контексте социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности страны.

Теоретические основы оценки уровня развития кадрового потенциала государственных служащих

Статус, права и обязанности государственных гражданских служащих в Российской Федерации. Кадровый потенциал на государственной службе.

Правовое положение государственного гражданского служащего определено Федеральным законом от 27.07.2004 №79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и включает в себя понятие «гражданский служащий», его права и обязанности, а также ограничения и запреты [4].

Стоит отметить, что несмотря на длительную историю развития системы государственной службы, законодательно определение государственного служащего появилось относительно недавно. В 1950-х гг. отмечалось, что государственный служащий – это лицо, выполняющее непосредственно или в качестве вспомогательного работника, постоянно или временно определенные служебные обязанности в государственном аппарате за установленное вознаграждение [22].

На сегодняшний день сформировалось следующее представление о государственных служащих как «о лицах, которые выделяются среди других работников государственных учреждений, так как замещают должности в государственном аппарате, осуществляют служебную деятельность от имени и по поручению государства и получают за это заработную плату из государственного бюджета в установленных порядке и размерах» [23].

В действующем Федеральном законе №79-ФЗ, гражданский служащий – это гражданин Российской Федерации, взявший на себя обязательства по прохождению гражданской службы [4]. Также в законе указано, что гражданский служащий осуществляет профессиональную служебную деятельность на должности гражданской службы в соответствии с актом о назначении на должность и со служебным контрактом и получает денежное содержание за счет средств федерального бюджета или бюджета субъекта Российской Федерации.

Права и обязанности государственных гражданских служащих – это определенная модель поведения, установленная государством в рамках государственно-служебных отношений [27]. Права и обязанности государственных гражданских служащих разделятся на общие и должностные. Общие – устанавливаются для всех категорий государственных гра-

жданских служащих и не зависит от их должности. Должностные – устанавливаются в зависимости от должности и включают перечень задач государственного органа и выражают его полномочия [32].

Существуют различные классификации прав государственного служащего. Так, Ю.Н. Стариков указывает на статусные, функциональные и социально-личностные права. Аналогичная классификация имеет место в положениях, закрепленных Законом о гражданской службе [31].

Д.Н. Бахрах среди всех прав государственных служащих выделяет два их вида: служебные и личные права. Служебные права связаны с выполнением должностных обязанностей (полномочий) и подразделяет их на 1) общеслужебные, 2) профессиональные и 3) должностные [11]. Относительно личных прав Д.Н. Бахрах указывает на то, что они косвенно обеспечивают эффективную деятельность государственного служащего. Так, по его мнению, государственный служащий будет лучше выполнять свою работу, если имеет личный интерес в получении за нее определенного вознаграждения, как материального (премии), так и нематериального (рост по карьерной лестнице) [11].

Основные общие права государственных гражданских служащих закреплены в ст. 14 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» в ст. 14.

Следует отметить, что права государственных гражданских служащих должны быть гарантированы государством. Гарантии прав и свобод обеспечиваются за счет взаимодействия государственных органов и государственных служащих в рамках применения правовых норм. «Обязанности государственного гражданского служащего – это мера установленной модели поведения, которая включает в себя активные (выполнение необходимых действий) и пассивные действия (требования, запрещающие выполнение определенных действий)» [10].

На государственных гражданских служащих возлагаются обязанности человека и гражданина, имеющие общеправовой характер, а также ряд специальных обязанностей, вытекающих из их административно-правового положения [14].

Государство или правительственный орган, нанимающий гражданина, возлагает на него соответствующие служебные обязанности в надежде, что эти обязанности будут выполняться качественно. Качество испол-

нения служебных обязанностей должно подтверждаться оценкой личных и профессиональных качеств государственных служащих.

Общие обязанности, установленные для государственных гражданских служащих, закреплены в ст. 15 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации».

Одной из важнейших задач в деятельности государственных служащих, от которой зависит вся их работа, является исполнение служебных обязанностей. Именно от этой задачи, следовательно, зависит деятельность всего государственного аппарата в целом [33].

Объективные социально-экономические процессы определяют необходимость сосредоточения государственного сектора на инновационном развитии, при этом особую роль играет человеческий капитал, эффективное развитие которого может расширить и увеличить возможности государственного управления, вывести его на новый уровень и обеспечить устойчивое социально-экономическое развитие всего общества.

С целью формирования кадрового потенциала государственной службы и рационального и эффективного его использования субъектами управления разрабатывается кадровая политика в государственной гражданской службе.

Основная цель кадровой политики – создание важнейшего ресурса государственного управления – высококвалифицированного, высокоморального профессионала, который в своей профессиональной деятельности действует в соответствии с нормами закона о государственной службе [13].

«Кадровый потенциал» включает в себя профессиональные знания, навыки и умения; уровень компетентности служащего; профессиональную мобильность; потребность в профессиональном саморазвитии и др. То есть определенные перечень способностей и возможностей, которыми должны обладать государственные гражданские служащие и с помощью которых они способны обеспечить эффективное и результативное функционирование той или иной организации [19].

В процессе выполнения своих непосредственных должностных обязанностей способности и возможности государственных гражданских служащих могут быть реализованы как в полной, так и не в полной мере. Наиболее эффективное использование кадрового ресурса (способностей и возможностей государственных служащих) является основной задачей в процессе управления кадровым потенциалом.

В связи с этим под управление кадровым потенциалом в организациях понимают наиболее полное использование способностей и возможностей государственных служащих для повышения эффективности и результативности их деятельности.

С понятием кадрового потенциала в государственной гражданской службе тесно связано понятие кадровый резерв.

Кадровый резерв государственной гражданской службы – это формируемые на основании установленных критериев группы высококвалифицированных и компетентностном специалистов, готовых в силу своих профессиональных, деловых и личностных черт занять более высокие должности.

Однако практика формирования кадрового резерва на государственной гражданской службе показывает, что очень часто при новых назначениях представителей кадрового резерва на вакантные должности не приглашают. Данный факт вызывает ряд противоречий: от вопроса о целесообразности его формирования в целом, до вопроса – почему при новых назначениях не принимается во внимание его наличие? Рассматривая данные противоречия, очевидным представляется тот факт, что сложившаяся ситуация относительно применимости кадрового резерва необходимо менять. Такой вывод обусловлен тем, что формирование и использование кадрового резерва имеет ряд преимуществ: создание конкурентной среды среди государственных служащих; профессиональное развитие; заинтересованность в более высоких результатах [20].

Результаты отечественных и зарубежных исследований в рамках проблемы кадрового резерва государственной гражданской службы показали, что наиболее эффективным методом управления человеческими ресурсами является аттестация – оценка эффективности деятельности должностного лица на государственной службе [12]. Однако как научная, так и управленческая практика показывают, что на сегодняшний день еще не разработаны достаточно обоснованные критерии комплексной оценки кадровой политики. В то же время, проведенный теоретический анализ проблемы оценки уровня развития кадрового потенциала государственных служащих, представленной в первом параграфе нашей работы, позволяет говорить о том, что определение эффективности и результативности работы государственных и муниципальных служащих – одна из самых сложных и еще не решенных задач.

Нормативно-правовые основы оценки уровня развития кадрового потенциала государственных служащих в Российской Федерации

В соответствии со ст. 47 Федерального закона от 27.07.2004 «О государственной гражданской службе» №79-ФЗ «в должностном регламенте должны быть указаны показатели эффективности и результативности профессиональной служебной деятельности государственных служащих» [4].

Нормативную правовую основу данной деятельности обеспечивают:

– Федеральный закон от 27.07.2004 №79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [4];

– Федеральный закон от 27.05.2003 №58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» [5];

– Указ Президента РФ от 07.05.2012 №601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» [1];

– Указ Президента РФ от 01.02.2005 №110 «О проведении аттестации государственных гражданских служащих Российской Федерации» [2];

– Указ Президента Российской Федерации от 21.02.2019 №68 «О профессиональном развитии государственных гражданских служащих Российской Федерации» [3];

– Постановление Правительства Российской Федерации от 12.12.2012 №1284 «Об оценке гражданами эффективности деятельности руководителей территориальных органов федеральных органов исполнительной власти (их структурных подразделений) с учетом качества предоставления ими государственных услуг, а также о применении результатов указанной оценки как основания для принятия решения о досрочном прекращении исполнения соответствующими руководителями своих должностных обязанностей» [7];

– Письмо Минтруда России от 14.06.2016 №18–1/10/В-3980 «О Методике всесторонней оценки профессиональной служебной деятельности государственного гражданского служащего» [8].

В соответствии со ст. 62 Федерального закона от 27.07.2004 №79-ФЗ, профессиональное развитие гражданского служащего направлено на поддержание и повышение гражданским служащим уровня квалификации, необходимого для надлежащего исполнения должностных обязанностей. Профессиональное развитие гражданского служащего осуществляется в течение всего периода прохождения им гражданской службы [4].

Согласно ст. 14 Федерального закона №79-ФЗ, гражданский служащий имеет право на профессиональное развитие в установленном законодательством порядке [4].

Ст. 15 Федерального закона №79-ФЗ обязывает гражданского служащего поддерживать уровень квалификации, необходимый для надлежащего исполнения должностных обязанностей [4].

Профессиональное развитие гражданского служащего осуществляется на системной основе и заключается в приобретении им новых знаний и умений, развитии его профессиональных и личностных качеств в целях поддержания и повышения уровня квалификации, необходимого для надлежащего исполнения должностных обязанностей.

Следует, однако, отметить, что на сегодняшний день не существует специальных правовых норм и системы разработанных и применяемых показателей оценки эффективности работы государственных служащих. В связи с чем развитие эффективности государственной службы требует совершенствования правового регулирования данной сферы.

В Федеральном законе №79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» определены два вида показателей: 1) обобщенные и 2) специфические [4]. Данные показатели, несомненно, должны найти свое отражение в должностных регламентах гражданских служащих.

1. Специфические показатели утверждаются правовым актом государственного органа в соответствии с особенностями его задач и полномочий. Соответствующие методы оценки профессиональных, деловых, морально-психологических и организационных качеств внедрены во многих государственных органах;

2. Обобщенные показатели эффективности и результативности деятельности государственных органов, принятия и исполнения управленческих и иных решений, а также правового, организационного и документационного обеспечения исполнения указанных решений утверждаются соответственно Президентом Российской Федерации и Правительством Российской Федерации.

Однако несмотря на актуальность данной проблемы, соответствующие нормативные правовые акты еще не опубликованы. В связи с чем содержание должностных регламентов, определяющих деятельность государственного гражданского служащего остается актуальной проблемой.

Анализ условий для развития кадров на государственной службе

Обозначив процесс развития кадрового потенциала как элемент кадровой политики на государственной службе, включающего в себя профессиональное развитие гражданских служащих, необходимого для надлежащего исполнения должностных обязанностей и достижения целей социально-экономического развития государства, рассмотрим сформированные на сегодняшний день условия для развития кадров на государственной службе.

Профессиональное развитие кадров на государственной службе является одной из задач кадровой политики государства, в связи с чем формируется государственный заказ на дополнительное профессиональное образование федеральных государственных гражданских служащих.

Целевыми направлениями профессионального развития государственных служащих в формах дополнительного профессионального образования и иных мероприятий являются получение предметных знаний и умений, необходимых для исполнения служебных обязанностей, развитие профессиональных и личностных качеств, получение знаний и умений в области технологий управления стратегического планирования.

На рис. 1 представлены данные о структуре дополнительного профессионального образования федеральных государственных гражданских служащих по ветвям власти в 2019 году.

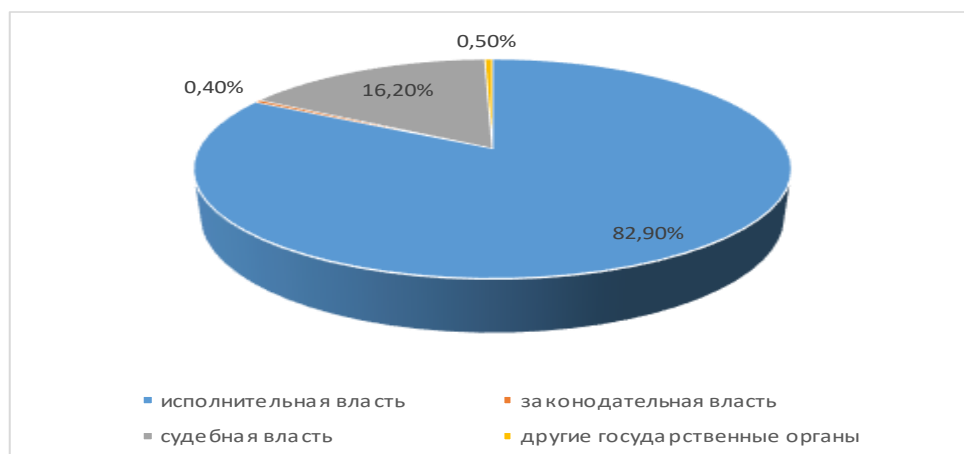

Рис. 1 – Дополнительное профессиональное образование федеральных государственных служащих по ветвям власти в 2019 году (данные с официального сайта Федеральной службы государственной статистики)

Как видно из рис. 1 именно государственные служащие, занимающие должности в органах исполнительной власти, в основном получают дополнительное образование. Это, несомненно, связано с тем, что именно в государственных органах исполнительной власти занимают должности наибольшее количество государственных служащих, но также и с тем, что именно государственные служащие в органах исполнительной власти постоянно должны быть знакомы с изменениями в законодательстве, отражающими изменения социально-экономических условий развития государства.

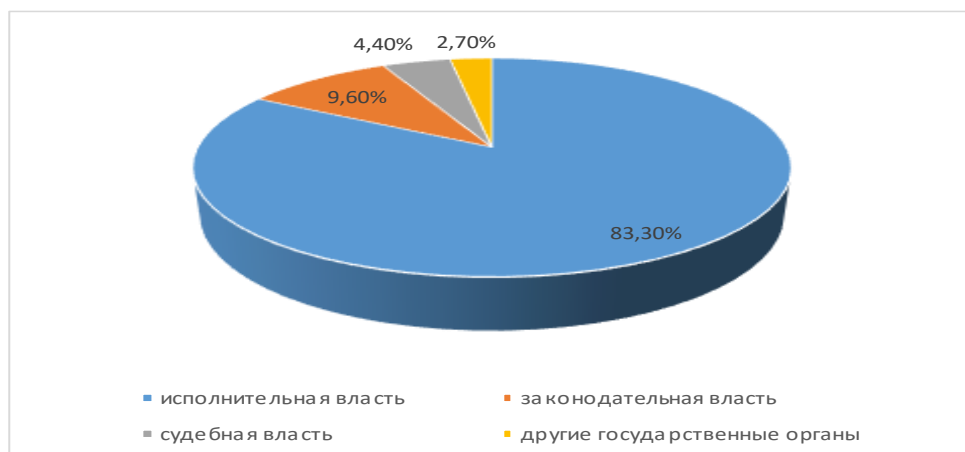

Рис. 2 – Дополнительное профессиональное образование государственных служащих в органах власти субъектов Российской Федерации по ветвям власти в 2019 году (данные с официального сайта Федеральной службы государственной статистики)

Данные рис. 2 говорят об аналогичной структуре дополнительного образования государственных служащих в субъектах РФ: наибольший удельный вес государственных служащих, обучившихся по программам дополнительного образования в субъектах РФ занимает должности в исполнительных органах государственной власти.

На рис. 3 представлена структура дополнительного образования государственных служащих по видам обучения. Как видно из рис. 3 наибольший удельный вес занимает повышение квалификации.

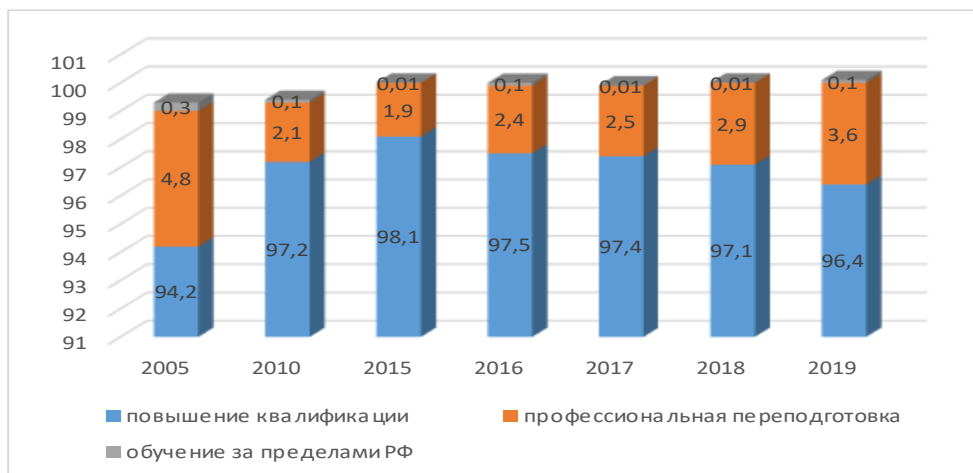

Рис. 3 – Виды дополнительного профессионального образования государственных гражданских служащих (в % от численности от числа обученных на конец года). (данные с официальной сайт Федеральной службы государственной статистики)

В табл. 1 приведены данные об объемах государственного заказа на дополнительное профессиональное образование госслужащих в 2016–2021 гг.

Представленные данные (табл. 1 и рис. 4 и 5) говорят о снижении количества числа государственных служащих, прошедших обучение по программам дополнительного профессионального образования и о снижении объема финансирования государственного заказа.

	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Число федеральных государственных служащих, направленных на обучение по программам ДПО человек	37686	36358	15625	15120	14786	12201
Объем финансирования государственного заказа на обучение по программам ДПО федеральных государственных служащих, (тыс. рублей)	265904,7	250267,0	98354,1	125039,7	102080,9	101596,5

Табл. 1 – Государственный заказ на дополнительное профессиональное образование федеральных государственных гражданских служащих

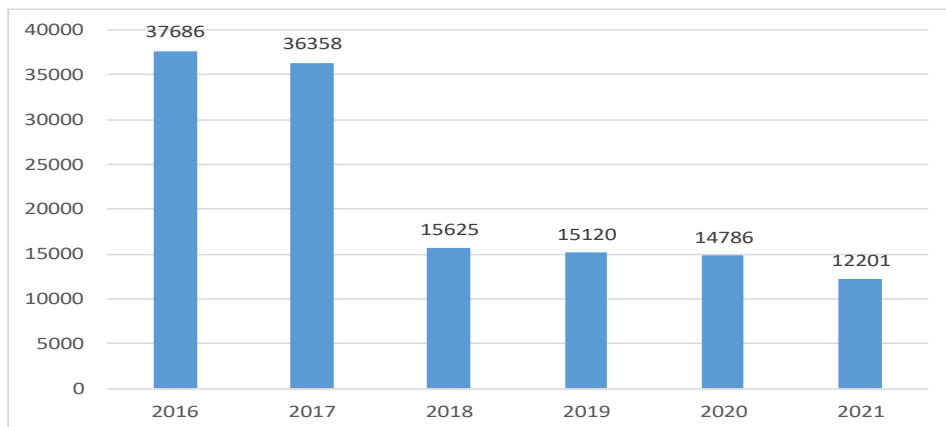

Рис. 4 – Число федеральных государственных гражданских служащих, направляемых на обучение по программам ДПО (чел.)

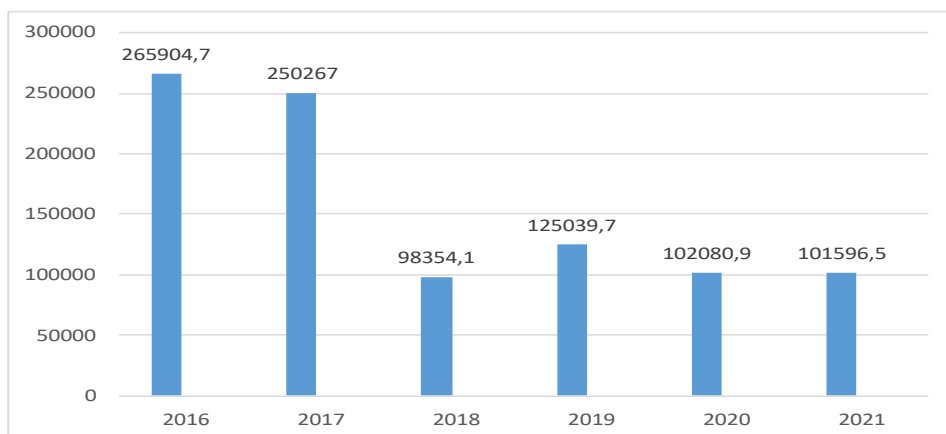

Рис. 5 – Объем бюджетного финансирования обучения федеральных государственных служащих (тыс. руб.)

Такая тенденция не соответствует современным требованиям к эффективности государственного управления, к требованию профессионального развития государственных служащих и развитию кадрового потенциала государственной службы в целом. Постоянно меняющиеся условия социально-экономического развития, а также связанные с этим изменения в законодательстве требуют регулярного обучения государственных служащих, постоянного повышения своей квалификации. Однако

реалии реализации государственной кадровой политики в области государственной службы показывают обратное.

Анализ динамики, состава и структуры кадров на государственной службе в Российской Федерации

Понимая под кадровым потенциалом государственной службы совокупность способностей и возможностей государственных служащих, обеспечивающих решение задач в сфере государственного управления, проведем анализ динамики, состава и структуры кадров на государственной службе в Российской Федерации.

В табл. 2 приведена численность работников государственных органов и органов местного самоуправления Российской Федерации в 2012–2019 гг.

	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
В государственных органах, органах местного самоуправления и избирательных комиссиях муниципальных образований Российской Федерации - всего	1572,2	1548,1	2211,9	2176,4	2146,3	2173,0	2156,3	2158,0
В федеральных государственных органах - всего	813,3	793,3	1454,3	1434,1	1409,7	1438,6	1427,7	1440,1
В государственных органах субъектов Российской Федерации - всего	262,1	264,7	264,3	261,9	259,3	262,2	259,3	256,7
В органах местного самоуправления и избирательных комиссиях муниципальных образований - всего	496,7	490,1	493,3	480,4	477,2	472,2	469,2	461,1

Табл. 2 – Численность работников государственных органов и органов местного самоуправления Российской Федерации (данные с официального сайта Федеральной службы государственной статистики)

Данные табл. 2 показывают неоднозначную тенденцию в численности государственных и муниципальных служащих в Российской Федерации.

На рисунке 6 отобразена динамика показателя численность работников государственных органов и органов местного самоуправления на

10000 человек постоянного населения в РФ. Как видно значение этого показателя также растет.

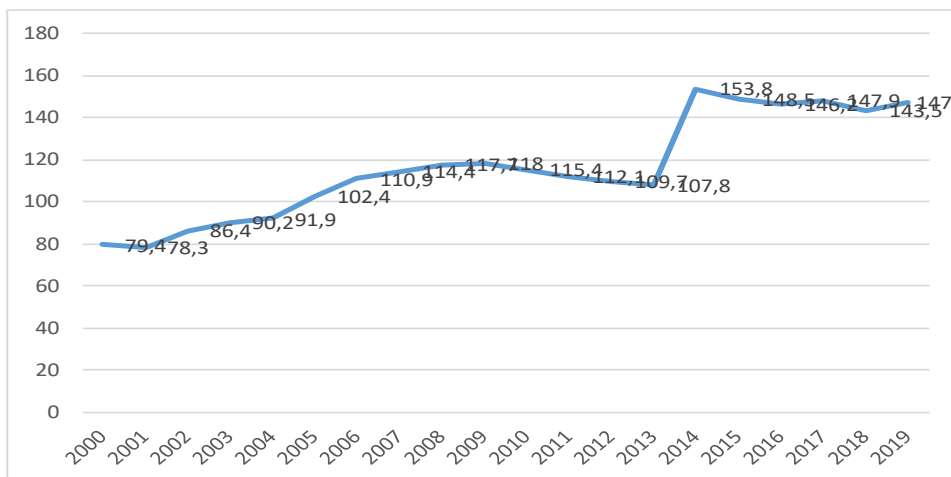

Рис. 6 – Численность работников государственных органов и органов местного самоуправления на 10000 человек постоянного населения в РФ., чел. (данные с официального сайта Федеральной службы государственной статистики)

В табл. 3 представлена показатели численности работников федеральных органов исполнительной власти (данные с официального сайта Федеральной службы государственной статистики). В представленной таблице данные приведены в сопоставлении с такими же данными по странам Англии и США. Таким образом, видно, что в России данный показатель максимален. В целом удельный вес расходов на государственное управление в общей сумме расходов бюджета не превышает 1,3%.

Показатели	Всего, тыс. человек Total, thou. persons	На 1000 человек населения Per 1000 population	На 1000 занятых Per 1000 employed
Россия	1203,4	8	17
Соединенное Королевство (Великобритания)	370	6	12
США	2079	6	14

Табл. 3 – Численность сотрудников органов государственной власти в различных странах (данные 2018 года)

На рис. 7 представлен состав работников гражданской службы по возрасту и категориям должностей на 1 октября 2019 года (в % от общей численности работников соответствующей группы) (данные с официального сайта Федеральной службы государственной статистики).

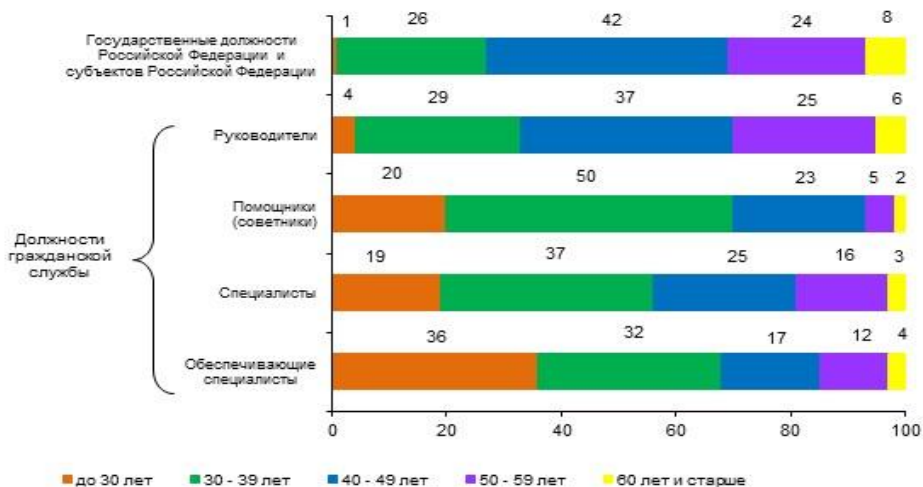

Рис. 7 – Состав государственных служащих в РФ по возрасту и категориям должностей на 1 октября 2019 года (в % от общей численности работников соответствующей группы)

Как видно из рис. 7, среди государственных служащих РФ и субъектов РФ преобладают служащие в возрасте от 40 до 49 лет. Это может служить фактом высокого профессионализма государственных служащих и достаточно высокого потенциала дальнейшего повышения их квалификации. Поскольку именно в этом возрасте государственные служащие имеют достаточно большой опыт профессиональной деятельности, и в то же время, не утратили способность к дальнейшему обучению.

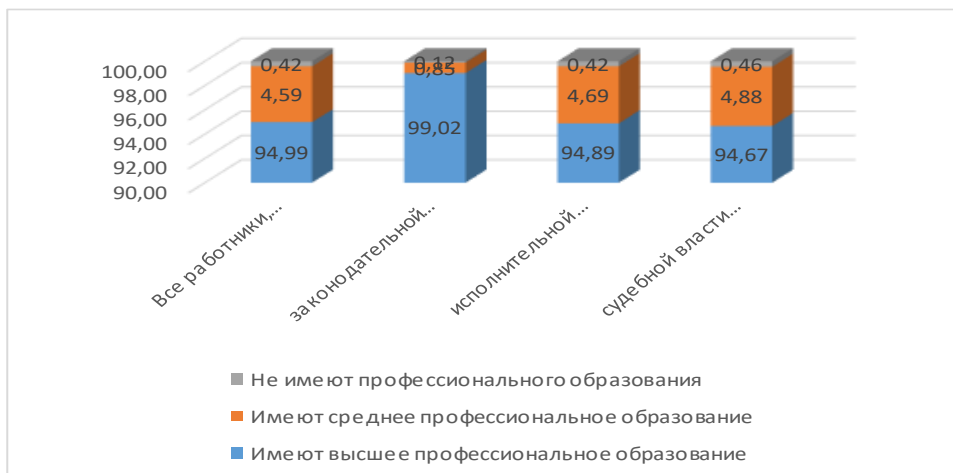

Рис. 8 – Состав государственных и муниципальных служащих Российской Федерации, по уровню образования на 1 октября 2019 года (в % от общего числа государственных служащих) (рассчитано автором по данным Официального сайта Федеральной службы государственной статистики)

На рис. 8 представлен состав государственных и муниципальных служащих Российской Федерации, по уровню образования, ветвям власти и уровням управления. Как видно из рисунка, подавляющее большинство государственных и муниципальных служащих имеет высшее профессиональное образование, что также свидетельствует о высоком потенциале государственной гражданской службы.

Высокая привлекательность государственной службы в Российской Федерации обусловлена несколькими факторами, один из которых является достаточно высокий уровень оплаты труда.

На рисунке 9 представлена динамика расходов Федерального бюджета на общегосударственные расходы за период 2015–2019 гг. Ежегодный средний темп роста расходов составляет 106,5 %.

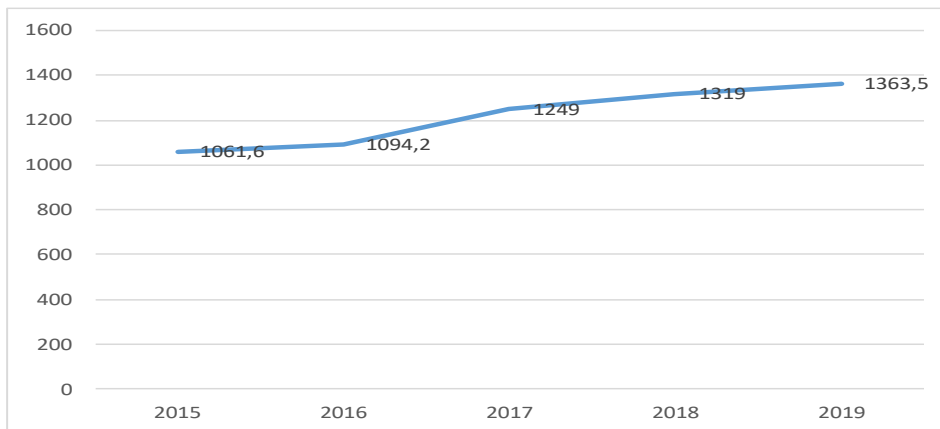

Рис. 9 – Динамика расходов бюджетов различных уровней на общегосударственные расходы в 2015-2019 гг. (млрд руб.)

По данным Федеральной службы государственной статистики заработная плата в сфере государственного управления и обеспечения государственной безопасности, социального обеспечения превышает средний размер заработной платы в целом по экономике. Это видно из представленных данных на рис. 10.

Рис. 10. Динамика среднемесячной начисленной заработной платы работников в РФ в целом и в области государственного управления и обеспечения военной безопасности, социального обеспечения в 2010–2019 гг. (руб.)

На региональном уровне наблюдается значительное расхождение (на 43,8%) заработной платы гражданских служащих органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации с территориальными органами федеральных органов исполнительной власти. Также значительна дифференциация заработной платы гражданских и муниципальных служащих по субъектам Российской Федерации и уровням управления, что продемонстрировано на рис. 11.

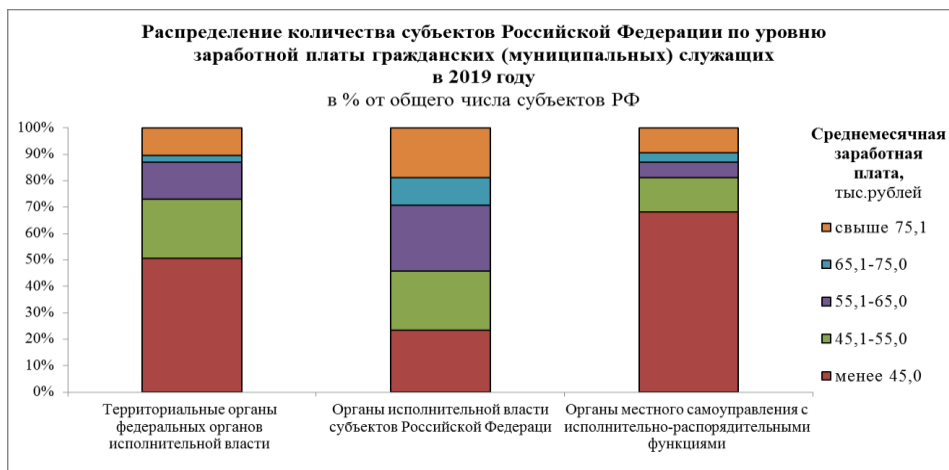

Рис. 11 – Распределение субъектов РФ по уровню заработной платы гражданских и муниципальных служащих в 2019 году (в % от общего числа субъектов РФ)

Проведя анализ состояния кадров государственной службы в Российской Федерации нами выявлен факт достаточно высокой привлекательности государственной службы с точки зрения оплаты труда. Расходы бюджета на содержание государственных органов растут, в связи с чем возникает проблема оценки эффективности и результативности деятельности государственных служащих, а также оценки развития кадрового потенциала на государственной службе.

Далее рассмотрим методики оценки результативности и эффективности труда государственных служащих, а также методики оценки их профессионального развития, используемые сегодня.

Использование системы оценки эффективности деятельности государственных гражданских служащих в целях дальнейшей мотивации их труда.

Одним из основных направлений совершенствования кадровой политики в области государственного управления является использование механизмов оценки эффективности и результативности деятельности государственных гражданских служащих. Данное направление отражено в Указе Президента Российской Федерации от 07.05.2012 №601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» [1].

Следует определить само понятие эффективности и результативность их деятельности.

В общем понимании под эффективностью понимается превышение достигнутого эффекта или результатов над произведенными затратами. Результативность же характеризует достижение более высоких результатов по сравнению с заданными. Для оценки эффективности и результативности, таким образом необходимы сформулировать количественные критерии, характеризующие результаты деятельности [15].

Рассматривая сферу государственного управления как совокупность государственных услуг, оказываемых государственными органами обществу в целом и каждому гражданину в отдельности, эффективность деятельности госслужащих можно соотнести с такими критериями, как клиентоориентированность, качество услуг, сроки оказания государственных услуг, снижение расходов, связанных с оказанием государственных услуг. С другой стороны, эффективность государственного управления можно рассмотреть с технической точки зрения, и говорить уже о необходимости не столько ориентации на конкретного потребителя государственных услуг, сколько на соответствие качества государственных услуг стандартам [34].

Необходимость проведения оценки эффективности и результативности государственных служащих закреплена законодательно. Так, согласно п. 3. ст. 24 №79-ФЗ в состав должностного оклада гражданского служащего включаются надбавки, связанные с результативностью и эффективностью труда. Показатели результативности и эффективности труда госслужащих должны включаться в должностной регламент (п. 2. ст. 47 №79-ФЗ) и могут включаться в служебный контракт (п. 4. ст. 24 №79-ФЗ) [4].

Министерством труда и социальной защиты РФ разработана Методика всесторонней оценки профессиональной служебной деятельности гражданского служащего. Данная методика описывает механизм оценки деятельности государственного служащего непосредственным руководством.

Эта методика является частью Методического инструментария по внедрению системы комплексной оценки профессиональной служебной деятельности госслужащих, разработанного также Минтрудом.

Методика носит универсальный характер. К сожалению, учитывая особенности условий, целей и задач профессиональной деятельности государственных служащих в различных сферах государственного управления, представляется достаточно сложно организовать и провести индивидуальную оценку госслужащих. Это предусматривает разработку индивидуального для каждого гражданского служащего набора личностных, профессиональных качеств, разработку измеримых критериев их оценки.

Целями проведения оценки эффективности и результативности деятельности государственных служащих могут выступать принятие решения о материальном стимулировании деятельности госслужащих, продвижении по службе в порядке должностного роста, их дальнейшего профессионального развития.

Для оценки исполнения государственным служащим его должностных обязанностей в соответствии со ст. 48 Федерального закона №79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» для государственных служащих 1 раз в три года предусмотрено обязательное проведение аттестации [4].

Результаты аттестации государственных служащих выражаются в принятии одного из трех решений: соответствие занимаемой должности, несоответствие занимаемой должности, соответствие занимаемой должности при условии получения дополнительного профессионального образования.

При проведении аттестации государственных служащих непосредственным руководством готовится мотивированный отзыв о деятельности госслужащих на основе проведения всесторонних оценок его профессиональной деятельности.

Результаты данных оценок могут использоваться при принятии решения о материальном стимулировании государственных служащих, о дальнейшем продвижении по службе, о необходимости его обучения по программам дополнительного профессионального образования.

Методикой проведения всесторонней оценки эффективности и результативности деятельности государственных гражданских служащих предусматривается присвоение соответствующих оценок «А – очень вы-

сокий уровень», «Б – высокий уровень», «В – достаточный уровень», «Г – недостаточный уровень», или «Д – неудовлетворительный уровень».

Оценки выставляются путем оценки руководителем деятельности государственного служащего и соответствия результатов его деятельности определенным критериям.

В процессе оценки деятельности государственных служащих непосредственный руководитель учитывает объем, качество и сроки выполнения гражданским служащим определенного вида работ, процесс и результат решения профессиональных задач, подготовки документов. Также оценивается уровень знаний и умений госслужащих, связанные непосредственно с исполнением его служебных обязанностей. Анализу подвергается также его служебное поведение во взаимосвязи с другими государственными служащими, находящимися как непосредственно в его подчинении, так и не находящимися в подчинении, во взаимосвязи с другими государственными органами, иными организациями, гражданами.

ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ	
Комплексная оценка гражданского служащего	⇒ Оценка квалификации гражданского служащего ⇒ Оценка профессиональных качеств ⇒ Оценка эффективности и результативности профессиональной служебной деятельности
Методический инструментарий по внедрению системы комплексной оценки профессиональной служебной деятельности государственных гражданских служащих, Минтруд РФ 2013 г.	

Рис. 12 – Подходы к оценке эффективности деятельности государственных гражданских служащих

На основе предоставленных непосредственным руководителем частных оценок выставляется всесторонняя оценка эффективности деятельности государственного служащего.

Анализируя данную методику, напрашивается вывод о ее одностороннем субъективном характере. Данный субъективный характер содержится в отношении непосредственного руководства к деятельности сотрудника. В данной методике не прослеживаются каких-либо количест-

венных критериев и оценки соответствия результатов деятельности государственных служащих данным количественным критериям.

Согласно положениям методики уровень полученной оценки влияет на размер поощрений и вознаграждений, а также размер премии. Если государственный служащий получает всестороннюю оценку «А», то ему выплачивается премия в максимальном размере, и он может получать поощрения и вознаграждения также в максимальном размере; если оценку «Б», то государственный служащий получает премию за выполнение особо важных и сложных заданий в повышенном размере, оценка «В» - премия в обычном размере, оценка «Г» - в пониженном размере. Таким образом, мы видим, что результаты всесторонней оценки имеют связь с размерами материального стимулирования деятельности государственных служащих.

Результаты оценки также сказываются и на возможности карьерного роста государственных служащих. Повышение в должности для государственного служащего возможно только в том случае, если он получает в результате оценки только всестороннюю оценку «А» или «Б».

Весьма спорным является факт наличия в данной методике так называемых «квот» оценки. Согласно положениям методики, задаются условные рамки количества гражданских служащих в структурном подразделении органа государственной власти, которые могут получить оценки «А», «Б» и «В». Этот фактор снижает конкуренцию между гражданскими служащими и снижает заинтересованность в результатах труда, не стимулирует к более эффективному и результативному исполнению своих обязанностей.

В дальнейшем рассмотрим основные направления совершенствования системы оценки эффективности и результативности деятельности государственных служащих, что является основой оценки кадрового потенциала государственной службы.

Проблемы оценки деятельности государственных служащих в РФ

Ранее в нашей работе рассмотрена методика оценки профессиональной деятельности государственного гражданского служащего (Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации). Среди подобных методов выделяют и другие: метод управления по целям, графический метод шкалы рейтинга, метод вынужденного набора, описатель-

ный метод, метод анкет и прочее. Сравнительная характеристика данных методов приведена в табл. 4.

Определенный опыт оценки результативности и эффективности государственных служащих накоплен и в органах государственной власти субъектов Российской Федерации.

Например, государственные гражданские служащие Ульяновской области сдают аттестацию и квалификационный экзамен в виде:

- тестирования в электронной форме на знание законодательства и общих компетенций;
- собеседования по аттестационным билетам, в состав которых включены вопросы по профессиональным сферам и практическое задание по менеджменту (решение ситуационных задач, кейсов).

В течение 2020 года для государственных гражданских служащих Ульяновской области проведены такие оценочные процедуры, как аттестация и квалификационные экзамены. За 2020 год аттестацию прошло 232 государственный гражданский служащий, в 2019 году 416 служащих.

Классные чины государственной гражданской службы в течение 2020 года присвоены 304 гражданским служащим, из них 39 – по результатам квалификационного экзамена, а годом ранее были присвоены 409 гражданским служащим, из них 66 – по результатам квалификационного экзамена, в 2018 году 367 из них 53 по результатам квалификационного экзамена.

Рассмотрев практику оценки эффективности деятельности государственных служащих, представляется возможным выделить основные проблемы применения этих методов:

- прямая связь критериев оценки с должностными обязанностями государственных служащих;
- преимущественно качественная оценка результативности и эффективности труда государственных служащих, поскольку количественно оценить результаты их деятельность весьма проблематично;
- высокая субъективность оценки;
- отсутствие учета специфики деятельности при формировании критериев оценки.

Выявленные проблемы оценки эффективности и результативности труда государственных служащих обуславливают необходимость поиска путей дальнейшего совершенствования методик комплексной оценки профессиональной деятельности государственных служащих.

Наименование метода	Краткая характеристика
Метод управления по целям	Основан на оценке достижения сотрудником целей, которые были установлены на определенный период времени, т. е. на количественном определении целей и времени их достижения, а также на регулярном обсуждении достигнутых и не достигнутых целей
Графический метод шкалы рейтинга	Основывается на оценке по четырех-бальной шкале, где «4» — это отлично, а «0» - неудовлетворительно. Данным методом оценивается не только количество, и качество работы, но и различные черты характера специалиста, необходимые для замещения той или иной должности, например, коммуникативность, ответственность, коммуникабельность и др.
Метод вынужденного выбора	Основан на расчете специального индекса, отражающего эффективность деятельности служащего, а также на отборе характерных для конкретного специалиста качеств, отражающих эффективную и неэффективную работу.
Описательный метод	Дает возможность фиксировать и оценивать повседневное поведение служащего, его инициативность, а также поведение и реакцию на нестандартные ситуации. Основан на описании сферы деятельности специалиста, его умений и навыков, требующих улучшения, а также основных достижений и сильных сторон специалиста.
Метод анкет	Основан на использовании анкет с вопросами, ответы на которые позволяют описать деятельность государственного гражданского служащего. Недостатком данного метода является субъективный характер оценки деятельности государственных и муниципальных служащих.

Табл. 4 – Сравнительная характеристика методов оценки эффективности и результативности деятельности государственных служащих

Но наиболее важной проблемой использования всех обозначенных ранее методик является акцентирование внимание на оценке текущих знаний и умений, компетенций государственных служащих. Проблеме профессионального развития в данных методиках уделяется недостаточное внимание.

Конечно, в соответствии с методикой оценки всесторонней оценки профессиональной служебной деятельности государственного гражданского служащего Минтруда РФ при получении всесторонней оценки «Б», «В» или «Г» рекомендуется направлять государственного служащего на обучение по дополнительным образовательным программам. Однако самому профессиональному развитию государственных служащих уделяется незначительное внимание.

Профессиональное развитие государственных гражданских служащих осуществляется на системной основе и заключается в приобретении гражданским служащим новых знаний и умений, развитии его профессио-

нальных и личностных качеств в целях поддержания и повышения уровня квалификации, необходимого для надлежащего исполнения должностных обязанностей (Указ Президента Российской Федерации от 21.02.2019 №68 «О профессиональном развитии государственных гражданских служащих Российской Федерации») [3].

Актуальные тренды в современном государственном управлении, связанные с клиентоориентированностью, менеджериализмом и партисипативностью обуславливают необходимость формирования новой системы требований к деятельности государственных гражданских служащих. Такими требованиями по результатам мировых научных исследований являются ориентация на потребности общества, открытость и честность, способность выявлять и реализовывать ожидания граждан, самостоятельность в принятии решений стратегическое мышление в отношении перспективы развития государственных услуг.

По результатам опроса граждан, проводимого в октябре 2020 года в Ульяновске очень важными качествами для государственных гражданских служащих с точки зрения граждан являются:

- оперативность принятия решений;
- исполнительность и ответственность;
- ориентация на интересы общества;
- порядочность;
- доступность и открытость.

Как важные качества для государственных служащих граждане отмечали высокую компетентность, профессионализм, открытость новому, самостоятельность, мобильность, способность коммуницировать с гражданами и др. Развитие таких качеств у государственных служащих, а также адаптация их мышления к изменяющимся принципам государственного управления требует постоянного развития новых навыков и умений, формирования новых компетенций [29; 30; 35; 37; 39; 43; 45; 46].

В целях содействия профессиональному развитию государственных служащих при Правительстве Ульяновской области создан Корпоративный Университет Ульяновской области. Корпоративный Университет Ульяновской области предлагает государственным служащим наиболее актуальные программы дополнительного профессионального образования, позволяющие им усовершенствовать знания и умения, приобрести новые компетенции.

В целях содействия профессиональному развитию государственных служащих при Правительстве Ульяновской области создан Корпоративный Университет Ульяновской области. Корпоративный Университет Ульяновской области предлагает государственным служащим наиболее актуальные программы дополнительного профессионального образования, позволяющие им усовершенствовать знания и умения, приобрести новые компетенции.

Основная задача кадровой политики и развития государственных служащих сегодня состоит в формировании чиновника нового типа – эффективного и результативного государственного служащего. Достижению данной цели способствует прохождение обучения государственных служащих по различным программам дополнительного образования.

Организационный механизм профессионального развития государственных служащих включает в себя:

- определение потребности в обучении, формирование заявок на дополнительное образование государственных служащих, формирование государственного заказа;
- планирование закупок, организация и проведение государственных закупок, заключение контрактов на оказание образовательных услуг;
- реализация программ, направленных на обучение;
- мониторинг обучения и оценка его эффективности.

Определение потребности в обучении государственных служащих должно происходить исходя из результатов комплексной всесторонней оценки деятельности государственных служащих, а также по результатам аттестации.

Весьма важным фактором эффективной организации процесса профессионального развития государственных служащих является вопрос размещения государственного заказа и заключение государственных контрактов на обучение по программам дополнительного образования.

Согласно Федеральному закону от 5.04.2013 №44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд» заключение контракта по программам дополнительного образования государственных и муниципальных служащих возможно по результатам одним из следующих способов: электронным аукционом, конкурсом в электронной форме, запросом котировок в электронной форме, закупкой у единственного поставщика [6]. Наиболее распространенным способом определения поставщика (подрядчика, исполнителя) со-

гласно №44-ФЗ является аукцион в электронной форме. Единственным критерием определения победителя по результатам проведения аукциона в электронной форме является цена контракта. К сожалению, при проведении аукциона, происходит существенное снижение начальной максимальной цены контракта, тогда не приходится говорить о качестве оказываемых услуг по дополнительному образованию государственных служащих. Качественные характеристики товаров, работ и услуг при проведении процедуры закупок учитывается только в случае конкурса. Таким образом, в целях повышения качества получения услуг по обучению государственных служащих по программа дополнительного образования целесообразно при планировании государственных закупок предусмотреть именно открытый конкурс в электронной форме как способ определения поставщика (подрядчика, исполнителя), что существенно повысит результативность процесса обучения госслужащих.

Наиболее востребованными на сегодняшний день программами дополнительного образования государственных служащих, по данным портала Госслужба, являются программы по темам: «Современные технологии в государственном управлении» и другие.

В целях достижения эффективности расходов бюджета на осуществление профессионального развития государственных служащих необходимо осуществлять контроль и оценку эффективности итогов обучения.

В табл. 5 приведены критерии оценки эффективности и результативности обучения государственных служащих по программам дополнительного образования.

Критерии оценки	Результаты оценки /шкала оценки	
1. Реакция	91–100	Высокий уровень
	71–90	Выше среднего
	51–70	Средний уровень
	0-50	Низкий уровень
2. Научение	Неуд. - 40%	Высокий уровень
	Удовл. - 60%	Выше среднего
	Хор. - 80%	Средний уровень
	Отл. - 100%	Низкий уровень
3. Изменение в поведении	91–100	Высокий уровень
	70–90	Выше среднего
	50–69	Средний уровень
	0-49	Низкий уровень

Табл. 5 – Оценка результативности обучения государственных служащих

В табл. 5 представлены возможные результаты оценки результативности обучения по критериям реакция, научение, изменение в поведении государственных служащих.

В табл. 6 представлены возможные инструменты оценки результативности и эффективности обучения государственных служащих.

Инструменты оценки	Применение	Примечание
Анкетирование	1 уровень	В начале обучения (анкета ожидания), по итогам обучения (удовлетворенность курсами)
Интервьюирование	1 уровень	Сразу после обучения
Тестирование	2 уровень	Входное, итоговое
Кейс-метод	3 уровень	Решение практической задачи
Опросный лист	3 уровень	Отсроченная оценка путем изучения мнений непосредственных руководителей госслужащих, прошедших обучение

Табл. 6 – Инструменты оценки результативности и эффективности государственных служащих

Однозначно, что результаты обучения не сразу сказываются на показателях эффективности государственных служащих, поэтому, на наш взгляд, целесообразно осуществлять отсроченную оценку влияния обучения на результаты деятельности и профессиональное продвижение государственных служащих через 2–3 месяца после прохождения обучения.

В табл. 7 приведены возможные показатели и критерии отсроченной оценки результативности и эффективности обучения государственных служащих.

Показатели оценки	Критерии оценки
Профессиональная компетентность	Взросла / осталась на прежнем уровне
Качество подготовки проектов документов, исполнения поручений руководителя	улучшилось/ осталось на прежнем уровне
Интенсивность труда, самостоятельность при выполнении должностных обязанностей, рациональное использование служебного времени	увеличилось/ осталось на прежнем уровне
Исполнительская дисциплина, степень ответственности за результаты деятельности	повысилась/ осталась на прежнем уровне
Мотивация к совершенствованию своей профессиональной деятельности	возросла/ осталась на прежнем уровне
Социальная компетентность (налаживание отношений, коммуникации, деловое партнерство)	улучшилось/ осталось на прежнем уровне
Состоялось профессиональное (должностное) повышение	да/ нет

Табл. 7 – Критерии отсроченной оценки результативности и эффективности обучения государственных служащих

В 2019 году в Ульяновской области прошли обучение 1444 федеральных государственных служащих, что составляет 24,8% от общей численности федеральных государственных гражданских служащих по Ульяновской области, в том числе по программа профессиональной переподготовки – 43 государственных служащих (3,0%), по программам повышения квалификации – 1401 государственных служащих (97%).

Государственные гражданские служащие Ульяновской области в 2019 году получили дополнительное профессиональное образование в количестве 559 госслужащих (3,7% от общего числа), из них по программа профессиональной переподготовки – 29 государственных служащих (5,2%), по программам повышения квалификации – 530 государственных служащих (94,8%).

Как мы видим, на уровне субъекта Российской Федерации интенсивность профессионального развития государственных служащих существенно ниже, чем у федеральных государственных служащих. Это, безусловно объясняется недостаточностью финансового обеспечения программ профессионального развития государственных служащих на региональном уровне.

По результатам оценки результативности обучения государственных служащих в 2019 году среди госслужащих Ульяновской области получены следующие результаты, представленные на рис. 13.

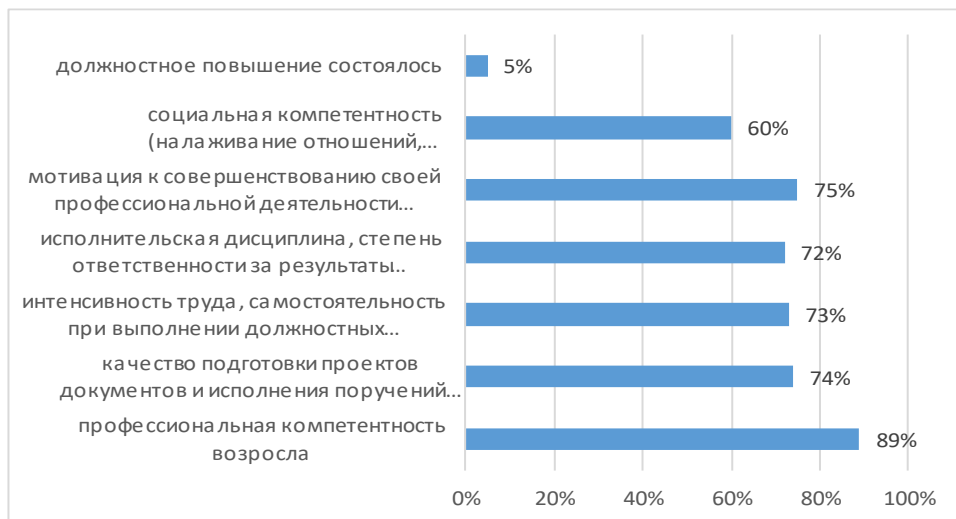

Рис. 13 – Результаты оценки результативности и эффективности обучения государственных служащих Ульяновской области

Как видно, по подавляющему большинству параметров итоги обучения государственных служащих Ульяновской области признаны результативными и эффективными. Хотелось бы, чтобы и на продвижение по службе данный фактор оказывал большее влияние.

По результатам проведенного в нашей работе исследования выявлена важная роль профессионального развития государственных служащих.

Современные государственные гражданские служащие должны соответствовать требованиям современного общества: инновационного, цифрового, динамично меняющегося.

Проведенный анализ динамики числа федеральных государственных служащих, обучающихся по программам дополнительного профессионального образования в рамках государственного заказа показал отрицательную тенденцию. За последние 5 лет объем государственного заказа на дополнительное профессиональное образование государственных служащих снижается, также, как и объем финансирования таких программ.

Такая тенденция не соответствует современным требованиям к эффективности государственного управления, к требованию профессионального развития государственных служащих и развитию кадрового потенциала государственной службы в целом. Постоянно меняющиеся условия социально-экономического развития, а также связанные с этим из-

менения в законодательстве требуют регулярного обучения государственных служащих, постоянного повышения своей квалификации. Однако реалии реализации государственной кадровой политики в области государственной службы показывают обратное.

Одним из основных направлений совершенствования кадровой политики является использование механизмов оценки эффективности и результативности деятельности государственных гражданских служащих в целях дальнейшего стимулирования их деятельности.

Рассмотрев практику оценки эффективности деятельности государственных служащих, представляется возможным выделить основные проблемы применения этих методов: прямая связь критериев оценки с должностными обязанностями государственных служащих; преимущественно качественная оценка результативности и эффективности труда государственных служащих, поскольку количественно оценить результаты их деятельность весьма проблематично; высокая субъективность оценки; отсутствие учета специфики деятельности при формировании критериев оценки.

Выявленные проблемы обуславливают необходимость поиска путей дальнейшего совершенствования механизма комплексной оценки их профессиональной деятельности. При организации обучения по программам дополнительного образования государственных служащих необходимо тщательно планировать такое обучение на основе проведенной оценки результативности и эффективности деятельности государственных служащих.

Для повышения эффективности расходования бюджетных средств и повышения качества обучения государственных служащих целесообразно предусматривать размещение государственного заказа через проведение открытого конкурса, а не аукциона.

Завершающим этапом профессионального развития государственных служащих должна стать оценка результативности и эффективности их обучения. Такая оценка может быть осуществлена на основе таких критериев, как профессиональная компетентность, качество подготовки проектов документов, исполнения поручений руководителя, самостоятельность при выполнении должностных обязанностей, рациональное использование служебного времени, степень ответственности за результаты деятельности, социальная компетентность и другие.

Литература

1. Указ Президента РФ от 07.05.2012 №601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления». URL: <http://base.garant.ru/70170942/> (дата обращения 14.04.2021).
2. Указ Президента РФ от 01.02.2005 №110 «О проведении аттестации государственных гражданских служащих Российской Федерации». URL: <http://base.garant.ru/187828/> (дата обращения 14.04.2021).
3. Указ Президента РФ от 21.02.2019 №68 «О профессиональном развитии государственных гражданских служащих Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318654/942772dce30cfa36b671bcf19ca928e4d698a928/ (дата обращения 14.04.2021).
4. Федеральный закон от 27.07.2004 №79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/ (дата обращения 14.04.2021)
5. Федеральный закон от 27.05.2003 №58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации». URL: <http://old.donland.ru/Donland/Pages/RenderHtml.aspx?mid=134227&itemId=336> (дата обращения 14.04.2021)
6. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (дата обращения 14.04.2021).
7. Постановление Правительства Российской Федерации от 12.12.2012 №1284 «Об оценке гражданами эффективности деятельности руководителей территориальных органов федеральных органов исполнительной власти (их структурных подразделений) с учетом качества предоставления ими государственных услуг, а также о применении результатов указанной оценки как основания для принятия решения о досрочном прекращении исполнения соответствующими руководителями своих должностных обязанностей». URL: <http://base.garant.ru/70282224/> (дата обращения 14.04.2021).
8. Письмо Минтруда России от 14.06.2016 №18–1/10/В-3980 «О Методике всесторонней оценки профессиональной служебной деятельности государственного гражданского служащего». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_280040/ (дата обращения 14.04.2021).

9. Баркова Ю.К., Клычникова К.А., Селезнева Е.В., Чирковская Е.Г. Взаимосвязь образовательной и управленческой успешности руководителей // Science and world. 2019. №11(75). Vol. II.

10. Бахрах Д.Н. Административное право России. М., 2015. 700 с.

11. Бахрах Д.Н. Государственная служба в Российской Федерации. Москва: Издательство Государственной юридической академии, 2017.

12. Берглезова Т.В. Понятие кадрового потенциала и его влияние на эффективность деятельности промышленного предприятия // Корпоративный менеджмент. URL: <http://www.cfin.ru/bandurin/article/sbrn08/07.shtml> (дата обращения 14.04.2021).

13. Винокурова А.Ю. Кадровый потенциал государственной и муниципальной службы // Актуальные проблемы права: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Москва, ноябрь 2014 г.). Москва: Буки-Веди, 2014.

14. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. Москва, 2018.

15. Горохов В.Г. Проблема измерения продуктивности отдельных ученых и целых институтов // Управление большими системами. Специальный выпуск 44: «Наукометрия и экспертиза в управлении наукой». 2013.

16. Груздев В.С. Правовой статус госслужащих Российской Федерации и организационно-правовые основы функционирования системы подготовки, переподготовки и повышения их квалификации: дис. ... канд. юр. наук. Москва, 2013.

17. Добробаба М.Б. Содержательная характеристика служебноделиктных правоотношений // Актуальные проблемы российского права. 2013. №11.

18. Карпов А.В., Карпов А.А., Маркова Е.В. Психология принятия решения в управленческой деятельности // Метасистемный подход. Ярославль: ЯрГУ; М.: Издательский дом РАО, 2016.

19. Кузнецова И.В. Управление кадровым потенциалом в промышленности: дис. ... канд. экон. наук. Москва, 2003.

20. Куршиева Н.М. Современное состояние и динамика формирования кадрового потенциала государственной и муниципальной службы // Вопросы управления. 2013. №1(22).

21. Лебедева А.В., Селезнева Е.В., Чирковская Е.Г. Взаимосвязь фактов биографии и профиля управленческой готовности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2019. №4.

22. Марьян А.В. Административно-правовой статус государственных гражданских служащих в Российской Федерации. Москва: Щит-М, 2016.
23. Моргулец П.А. Понятие, сущность и виды статуса государственных гражданских служащих // Молодой ученый. 2018. №50(236).
24. Осеев А.А. Эмпирические модели структуры личностных качеств руководителей: аффективный тип социального действия М. Вебера (результаты прикладных исследований) // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2016. Т. 22. №2.
25. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11191>. (дата обращения 14.04.2021).
26. Портал «Госслужба». URL: <https://edu.gossluzhba.gov.ru/education-additional>. (дата обращения 14.04.2021).
27. Прибытко Ю.А. О правовом статусе государственных гражданских служащих // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2019. №4.
28. Селезнева Е.В., Баркова Ю.К. Социальная направленность личности и ценностные стратегии руководителей системы государственной службы // Вопросы управления. 2019. №4(40).
29. Снягин Ю.В., Снягина Н.Ю., Переверзина О.Ю. Проблемы повышения эффективности реализации государственной кадровой политики на основе стандартизации требований к специалистам по оценке управленческих кадров // Вестник экспертного совета. 2019. №4(19).
30. Снягина Н.Ю. Национальная безопасность и система образования в современных условиях // Образование личности. 2020. №1-2.
31. Стариков Ю.Н. Государственная служба и служебное право. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2018.
32. Хориноев А.О. Правовой статус государственного служащего - помощника судьи // Администратор суда. 2013. №3.
33. Шерстобоев О.Н. Обязанность государственных и муниципальных служащих уведомлять обо всех случаях склонения к коррупционному правонарушению: некоторые проблемы реализации // Конституционное и муниципальное право. 2017. №5.
34. Шитова И.А. Цели и задачи оценки эффективности деятельности государственных служащих // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие. IV Очередной Всероссийский социологический конгресс. 23–25 октября 2019 года. Уфа, 2019.

35. Andrews C. Integrating public service motivation and self-determination theory: a framework. *Int. J. Public Sect. Manag*, 29. 2016.
36. Bakker A.B., Albrecht S. Work engagement: current trends. *Career Develop. Int.* 2018. 23.
37. Breugh J., Ritz A., Alfes K. Work motivation and public service motivation: disentangling varieties of motivation and job satisfaction. *Public Manag. Rev.* 2018. 20.
38. Caillier J.G. Testing the influence of autocratic leadership, democratic leadership, and public service motivation on citizen ratings of an agency head's performance. *Public Perform. Manag.* 2020. Rev. 190.
39. Ciobanu A., Androniceanu A., Lazaroiu G. An Integrated Psycho-Sociological Perspective on Public Employees' Motivation and Performance. *Frontiers in psychology.* 2019. 10.
40. Compton M.E., Meier K.J. Managing social capital and diversity for performance in public organizations. *Public Admin.* 2016. 94.
41. Eldor L., Vigoda-Gadot E. The nature of employee engagement: rethinking the employee-organization relationship. *Int. J. Hum. Resour. Manag.* 2017. 28.
42. Khoreva V., Wechtler H. HR practices and employee performance: the mediating role of well-being. *Employee Relat.* 2018. 40.
43. Kjeldsen A.M., Hansen J.R. Sector differences in the public service motivation-job satisfaction relationship: exploring the role of organizational characteristics. *Rev. Public Pers. Admin.* 2018. 38.
44. Lee H.J., Oh H.G., Park S.M. Do trust and culture matter for public service motivation development? Evidence from public sector employees in Korea. *Public Pers. Manage.* 2020. 49.
45. Miao Q., Eva N., Newman A., Schwarz G. Public service motivation and performance: the role of organizational identification. *Public Money Manage.* 2019. 39.
46. O'Leary C. Public service motivation: a rationalist critique. *Public Person. Manag.* 2019. 48.
47. Zheng Y.Y., Wu C.H., Graham L. Work-to-non-work spillover: the impact of public service motivation and meaningfulness on outcomes in work and personal life domains. *Public Manag. Rev.* 2020. 22.

References

1. Ukaz Prezidenta RF ot 07.05.2012 №601 «Ob osnovnykh napravleniyakh sovershenstvovaniya sistemy gosudarstvennogo upravleniya». URL: <http://base.garant.ru/70170942/> (data obrashcheniya 14.04.2021).
2. Ukaz Prezidenta RF ot 01.02.2005 №110 «O provedenii attestatsii gosudarstvennykh grazhdanskikh sluzhashchikh Rossiiskoi Federatsii». URL: <http://base.garant.ru/187828/> (data obrashcheniya 14.04.2021).
3. Ukaz Prezidenta RF ot 21.02.2019 №68 «O professional'nom razvitii gosudarstvennykh grazhdanskikh sluzhashchikh Rossiiskoi Federatsii». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318654/942772dce30cfa36b671bcf19ca928e4d698a928/ (data obrashcheniya 14.04.2021).
4. Federal'nyi zakon ot 27.07.2004 № 79-FZ «O gosudarstvennoi grazhdanskoj sluzhbe Rossiiskoi Federatsii». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/ (data obrashcheniya 14.04.2021)
5. Federal'nyi zakon ot 27.05.2003 №58-FZ «O sisteme gosudarstvennoi sluzhby Rossiiskoi Federatsii». URL: <http://old.donland.ru/Donland/Pages/RenderHtml.aspx?mid=134227&itemId=336> (data obrashcheniya 14.04.2021)
6. Federal'nyi zakon ot 05.04.2013№ 44-FZ «O kontraktnoi sisteme v sfere zakupok dlya obespecheniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh nuzhd». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (data obrashcheniya 14.04.2021).
7. Postanovlenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 12.12.2012 №1284 «Ob otsenke grazhdanami effektivnosti deyatel'nosti rukovoditelej territorial'nykh organov federal'nykh organov ispolnitel'noi vlasti (ikh strukturnykh podrazdelenij) s uchetom kachestva predostavleniya imi gosudarstvennykh uslug, a takzhe o primenenii rezul'tatov ukazannoj otsenki kak osnovaniya dlya prinyatiya resheniya o dosrochnom prekrashchenii ispolneniya sootvetstvuyushchimi rukovoditelyami svoikh dolzhnostnykh obyazannostej». URL: <http://base.garant.ru/70282224/> (data obrashcheniya 14.04.2021).
8. Pis'mo Mintruda Rossii ot 14.06.2016 №18–1/10/V-3980 «O Metodike vsestoronnei otsenki professional'noj sluzhebnoj deyatel'nosti gosudarstvennogo grazhdanskogo sluzhashchego». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_280040/ (data obrashcheniya 14.04.2021).
9. Barkova Yu.K., Klychnikova K.A., Selezneva E.V., Chirkovskaya E.G. Vzaimosvyaz' obrazovatel'noi i upravlencheskoj uspešnosti rukovoditelej // Science and world. 2019. №11(75). Vol. II.
10. Bakhrakh D.N. Administrativnoe pravo Rossii. Moskva, 2015. 700 s.
11. Bakhrakh D.N. Gosudarstvennaya sluzhba v Rossiiskoi Federatsii. Moskva: Izdatel'stvo Gosudarstvennoj yuridicheskoi akademii, 2017.
12. Berglezova T.V. Ponyatie kadrovogo potentsiala i ego vliyanie na effektivnost' deyatel'nosti promyshlennogo predpriyatiya // Korporativnyi menedzhment. URL: <http://www.cfin.ru/bandurin/article/sbrn08/07.shtml> (data obrashcheniya 14.04.2021).
13. Vinokurova A.Yu. Kadrovyy potentsial gosudarstvennoi i munitsipal'noj sluzhby // Aktual'nye problemy prava: materialy III Mezhdunar. nauch. konf. (g. Moskva, noyabr' 2014 g.). Moskva: Buki-Vedi, 2014.

14. Vitruk N.V. Obshchaya teoriya pravovogo polozheniya lichnosti. Moskva, 2018.

15. Gorokhov V.G. Problema izmereniya produktivnosti otdel'nykh uchenykh i tselykh institutov // Upravlenie bol'shimi sistemami. Spetsial'nyi vypusk 44: «Naukometriya i ekspertiza v upravlenii naukoj». 2013.

16. Gruzdev V.S. Pravovoi status gossluzhashchikh Rossiiskoi Federatsii i organizatsionno-pravovye osnovy funktsionirovaniya sistemy podgotovki, perepodgotovki i povysheniya ikh kvalifikatsii: dis. ... kand. jur. nauk. Moskva, 2013.

17. Dobrobaba M.B. Soderzhatel'naya kharakteristika sluzhebnodeeliknykh pravootnoshenii // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. 2013. №11.

18. Karpov A.V., Karpov A.A., Markova E.V. Psikhologiya prinyatiya resheniya v upravlencheskoj deyatel'nosti // Metasistemnyi podkhod. Yaroslavl': YarGU; M.: Izdatel'skii dom RAO, 2016.

19. Kuznetsova I.V. Upravlenie kadrovym potentsialom v promyshlennosti: dis. ... kand. ekon. nauk. Moskva, 2003.

20. Kurshieva N.M. Sovremennoe sostoyanie i dinamika formirovaniya kadrovogo potentsiala gosudarstvennoi i munitsipal'noi sluzhby // Voprosy upravleniya. 2013. №1(22).

21. Lebedeva A.V., Selezneva E.V., Chirkovskaya E.G. Vzaimosvyaz' faktov biografii i profilya upravlencheskoj gotovnosti // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki. 2019. №4.

22. Mar'yan A.V. Administrativno-pravovoi status gosudarstvennykh grazhdanskikh sluzhashchikh v Rossiiskoi Federatsii. Moskva: Shchit-M, 2016.

23. Morgulets P.A. Ponyatie, sushchnost' i vidy statusa gosudarstvennykh grazhdanskikh sluzhashchikh // Molodoi uchenyi. 2018. №50(236).

24. Oseev A.A. Empiricheskie modeli struktury lichnostnykh kachestv rukovoditelei: affektivnyi tip sotsial'nogo deistviya M. Vebera (rezul'taty prikladnykh issledovaniĭ) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 18. Sotsiologiya i politologiya. 2016. T. 22. №2.

25. Ofitsial'nyi sait Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11191>. (data obrashcheniya 14.04.2021).

26. Portal «Gossluzhba». URL: <https://edu.gossluzhba.gov.ru/education-additional>. (data obrashcheniya 14.04.2021).

27. Pribytko Yu.A. O pravovom statuse gosudarstvennykh grazhdanskikh sluzhashchikh // Munitsipal'naya sluzhba: pravovye voprosy. 2019. №4.

28. Selezneva E.V., Barkova Yu.K. Sotsial'naya napravlennost' lichnosti i tsennostnye strategii rukovoditelei sistemy gosudarstvennoi sluzhby // Voprosy upravleniya. 2019. №4(40).

29. Sinyagin Yu.V., Sinyagina N.Yu., Pereverzina O.Yu. Problemy povysheniya effektivnosti realizatsii gosudarstvennoi kadrovoi politiki na osnove standartizatsii trebovanii k spetsialistam po otsenke upravlencheskikh kadrov // Vestnik ekspertnogo soveta. 2019. №4(19).

30. Sinyagina N.Yu. Natsional'naya bezopasnost' i sistema obrazovaniya v sovremennykh usloviyakh // Obrazovanie lichnosti. 2020. №1-2.

31. Starilov Yu.N. Gosudarstvennaya sluzhba i sluzhebnoe pravo. Moskva: Norma: INFRA-M, 2018.

32. Khorinoyev A.O. Pravovoi status gosudarstvennogo sluzhashchego - pomoshchnika sud'i // Administrator suda. 2013. №3.

33. Sherstoboev O.N. Obyazannost' gosudarstvennykh i munitsipal'nykh sluzhashchikh uvedomlyat' obo vsekh sluchayakh skloneniya k korrupsionnomu pravonarusheniyu: nekotorye problemy realizatsii // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. 2017. №5.

34. Shitova I.A. Tseli i zadachi otsenki effektivnosti deyatel'nosti gosudarstvennykh sluzhashchikh // Sotsiologiya i obshchestvo: global'nye vyzovy i regional'noe razvitie. IV Ocherednoi Vserossiiskii sotsiologicheskii kongress. 23–25 oktyabrya 2019 goda. Ufa, 2019.

35. Andrews C. Integrating public service motivation and self-determination theory: a framework. *Int. J. Public Sect. Manag.* 29. 2016.

36. Bakker A.B., Albrecht S. Work engagement: current trends. *Career Develop. Int.* 2018. 23.

37. Breugh J., Ritz A., Alfes K. Work motivation and public service motivation: disentangling varieties of motivation and job satisfaction. *Public Manag.* 2018. Rev. 20.

38. Caillier J.G. Testing the influence of autocratic leadership, democratic leadership, and public service motivation on citizen ratings of an agency head's performance. *Public Perform. Manag.* 2020. Rev. 190.

39. Ciobanu A., Androniceanu A., Lazaroiu G. An Integrated Psycho-Sociological Perspective on Public Employees' Motivation and Performance. *Frontiers in psychology.* 2019. 10.

40. Compton M.E., Meier K.J. Managing social capital and diversity for performance in public organizations. *Public Admin.* 2016. 94.

41. Eldor L., Vigoda-Gadot E. The nature of employee engagement: rethinking the employee-organization relationship. *Int. J. Hum. Resour. Manag.* 2017. 28.

42. Khoreva V., Wechtler H. HR practices and employee performance: the mediating role of well-being. *Employee Relat.* 2018. 40.

43. Kjeldsen A.M., Hansen J.R. Sector differences in the public service motivation-job satisfaction relationship: exploring the role of organizational characteristics. *Rev. Public Pers. Admin.* 2018. 38.

44. Lee H.J., Oh H.G., Park S.M. Do trust and culture matter for public service motivation development? Evidence from public sector employees in Korea. *Public Pers. Manage.* 2020. 49.

45. Miao Q., Eva N., Newman A., Schwarz G. Public service motivation and performance: the role of organizational identification. *Public Money Manage.* 2019. 39.

46. O'Leary C. Public service motivation: a rationalist critique. *Public Person. Manag.* 2019. 48.

47. Zheng Y.Y., Wu C.H., Graham L. Work-to-non-work spillover: the impact of public service motivation and meaningfulness on outcomes in work and personal life domains. *Public Manag.* 2020. Rev. 22.

Д.И. Каминченко

D. Kaminchenko

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ
INSTAGRAM: АНАЛИЗ
СОДЕРЖАНИЯ ИМИДЖА
РЕГИОНАЛЬНОГО
ЛИДЕРА В ПОЛИТИКО-
КОММУНИКАТИВНОМ
ПОЛЕ ПОПУЛЯРНОЙ
ИНТЕРНЕТ-ПЛАТФОРМЫ**

**POLITICAL INSTAGRAM:
ANALYSIS OF THE IMAGE
OF A REGIONAL LEADER
IN THE POLITICAL AND
COMMUNICATIVE FIELD
OF A POPULAR INTERNET
PLATFORM**

Аннотация

В статье рассматриваются особенности содержания политического имиджа регионального политического лидера в политико-коммуникативном поле популярной Интернет-платформы поддержки социальных медиа Instagram. В работе с помощью ненаправленного количественного типа контент-анализа изучаются текстовые записи, размещенные на официальной Интернет-странице губернатора Нижегородской области Г.С. Никитина в Instagram. Визуализация результатов контент-анализа осуществлена в виде облака тегов и построения тематических графов. Результаты исследования показывают, что для содержания политического имиджа регионального лидера свойственно проявление трех идентификационных маркеров – локационного, деятельностно-тематического и инструментально-деятельностного. Особенно активно проявляется именно локационный идентификационный маркер. Среди наиболее часто используемых тем в имидже лидера отражены, в первую очередь, тематика развития социальной сферы и инфраструктуры области. С позиций инструментально-деятельностного идентификационного маркера в имидже лидера демонстрируется приверженность командным принципам работы и интенсивная интеграция с представителями общегосударственных органов государственной власти, а также – активное и эффективное вовлечение общества в

Abstract

The author of the paper examines the features of the political image content of a regional political leader in the political and communicative field of the popular Internet platform for supporting social media Instagram. In this research there is an analysis of the textual messages posted on the official webpage of the governor of the Nizhny Novgorod region G.S. Nikitin on Instagram. An undirected quantitative type of content analysis is the main empirical research method, that has been used in the paper. The visualization of the results of content analysis is carried out in the form of a tag cloud and construction of thematic graphs. The results of the study show that the content of the political image of a regional leader is characterized by the manifestation of three identification markers - location, activity-thematic and instrumental-activity. The location identification marker is especially active manifested in the studied information array. Among the most frequently used topics, the leader's image comprises, first of all, the topics of the development of the social sphere and infrastructure of the region. From the standpoint of an instrumental-activity identification marker, in the leader's image there is a demonstration of an adherence to the team principles of work and intensive integration with representatives of federal government bodies, as well as active and effective involvement of society in solving significant issues of regional development. There is a reflection of a

решение значимых вопросов развития региона. В имидже руководителя отражен детальный и целостный подход к решению важнейших вопросов развития общества. В целом в работе делается вывод о целомом и системном характере содержательно-смыслового наполнения рассматриваемого имиджа политического лидера. Основные содержательные компоненты имиджа политического лидера находятся в системном взаимодействии друг с другом.

detailed and holistic approach to solving the most important issues of the development of society in the leader's image. In general, the paper concludes that the integral and systemic nature of the content-semantic content of the considered image of the political leader is made. The main content components of the image of a political leader are in systemic interaction with each other.

Ключевые слова:

политический имидж, политический лидер, региональный лидер, идентификационный маркер, Instagram, социальные медиа, Интернет, контент-анализ, облако тегов, тематический граф.

Key words:

political image, political leader, regional leader, identification marker, Instagram, social media, Internet, content analysis, tag cloud, thematic graph.

Современные социальные медиа оказывают существенное воздействие на различные сферы функционирования общества. Неслучайно в научном сообществе на основе подробного анализа разных интернет-платформ социальных медиа предпринимаются шаги по усовершенствованию существующих теорий и моделей массовой коммуникации [14]. Как отмечают ученые, с ростом популярности «YouTube», «Instagram» и «Snapchat» в коммуникативном поле социальных медиа произошел сдвиг в сторону визуальных образов [24, р. 1]. Появление подобных интернет-платформ в целом усилило роль визуального контента в повседневной жизни людей [22, р. 2]. Кроме того, они предоставляют пользователям качественные инструменты для личного самовыражения и взаимодействия друг с другом [23, р. 160].

Особое место среди современных интернет-платформ социальных медиа занимает Instagram, который становится крайне популярным среди интернет-аудитории [15, р. 108]. В России, согласно данным Фонда «Общественное мнение», опубликованным 22 марта 2021 года, данная интернет-платформа поддержки социальных сетей по своей популярности вплотную приблизилась к лидерам – «ВКонтакте» и «Одноклассникам» [6]. В США, по данным исследовательского центра «Пью» («Pew Research Center»), 40% среди опрошенного исследователями взрослого населения США когда-либо пользовались Instagram, причем представители американской молодежи в возрастной категории от 18 до 24 лет особенно склонны сообщать об использовании ими Instagram (76%) [10].

Instagram позволяет своим пользователям мгновенно делиться изображениями в информационном поле данной интернет-платформы, предоставляя при этом возможности для редактирования самих изображений (например, с помощью цифровых фильтров [28, р. 8]). Перед пользователем Instagram открывается целый ряд функционально-технологических инструментов коммуникации, например, селфи (являющееся, по замечанию А. Калиандро и Дж. Грэхема, «нишевым явлением в более широком контексте жанров Instagram» [12, р. 1], Live Streaming, Instagram Stories (подобные функции, по мнению ученых, открыли ряд возможностей для средств массовой информации, которые начинают сегодня экспериментировать с различными способами повествования [30, р. 3], (гео)теги, упоминания других пользователей и т.д. Учитывая широкий функционально-технологический набор инструментов, предоставляемых данной интернет-платформой, неслучайно, что Э. Серафинелли пишет о том, что Instagram способствовал появлению новых социальных практик обмена и сохранения визуальных воспоминаний [26, р. 9].

Особую роль Instagram способен выполнять и в процессах политической коммуникации, способствуя реализации целого ряда разнообразных политических функций: от информирования пользователей о деятельности политического лидера или организации до их мобилизации для участия в важнейших событиях для политических акторов (а в ряде случаев – и для самого общества) и т.д. Обращая внимание на значимость в рамках данной интернет-платформы как текстовых, так и фото-, и видеоизображений, отмечаем в этой связи особую роль, которую Instagram способен выполнять для построения и поддержания имиджа политического лидера. На изучение содержательных аспектов имиджа регионального политического лидера в информационно-коммуникативном поле набирающей популярность в политике интернет-платформы Instagram и направлена данная работа.

Несмотря на широкую популярность среди интернет-аудитории изучаемой в работе интернет-платформы Instagram и её постепенное вовлечение в процессы политической коммуникации на различных уровнях, научному анализу политической роли Instagram отведено пока недостаточно внимания. При этом потенциал использования данной интернет-платформы в политических целях представляется крайне существенным. Среди основных направлений исследований политической роли Instagram выделяются следующие: анализ роли указанной интернет-платформы в ходе избирательных

кампаний [13; 16; 17; 18; 21], использование Instagram политическими лидерами в своей текущей деятельности (в пред- или постэлекторальные периоды) [3; 5; 8; 9; 19; 25], вопросы политического самовыражения индивидов и групп в рамках Instagram [11; 20; 27] и др.

В одной из своих научных работ К. Филлимонов, У. Руссмани и Я. Свенссон, изучая примеры использования Instagram в ходе парламентских выборов в Швеции 2014 года, фокусируют внимание на обозначенной интернет-платформе как инструменте стратегической политической коммуникации. В частности, они проанализировали, как именно применялась данная интернет-платформа политическими акторами, в контексте 4 направлений: (1) трансляция предвыборных сообщений, (2) мобилизация сторонников, (3) управление имиджем партии и (4) дополнение информации о политическом акторе, представленной в других СМИ [13, р. 3]. Проведя исследование, ученые пришли к заключению о том, какой коммуникативной стратегии в рамках Instagram придерживались в ходе избирательной кампании основные политические игроки. В целом они отмечают, что партии не использовали весь спектр специфических свойств политической коммуникации, доступных внутри изучаемой интернет-платформы. Например, партии христианских демократов и либералов использовали в ходе рассмотренной избирательной кампании «традиционную коммуникационную стратегию»: обе политические стороны использовали Instagram, как правило, исключительно для трансляции предвыборных сообщений, а не для мобилизации своих сторонников. При этом Социал-демократическая партия, Партия зеленых и Левая партия в ходе предвыборной кампании в Instagram сделали особый акцент именно на мобилизации сторонников в рамках данной интернет-платформы [13, р. 9].

К. Либхарт и П. Бернхардт проанализировали предвыборную активность кандидата в президенты Австрии А. ван дер Беллена перед президентскими выборами 2016 года. Ученые отмечают, что за исследуемый ими период времени, персональная интернет-страница А. ван дер Беллена регулярно обновлялась, а тематика записей была хронологически привязана к соответствующим мероприятиям предвыборной кампании кандидата, выполняя функцию «визуального дневника» (visual diary), посвященного предстоящим событиям. На интернет-странице политика размещались не только фотографии и короткие видеоролики, но и графические материалы, и анимированная графика (GIF) в корпоративном стиле предвыборной кампании. Кроме

того, в записях политического лидера в Instagram регулярно использовался текст и хэштеги, что обеспечивало определенный контекст для размещаемых сообщений [17, р. 19].

В исследовании С. Маркос Гарсии, Н. Вионникофф-Бенет и А. Касеру Риполлес проводится сравнительный анализ содержания сообщений в Facebook и Instagram, размещенных основными политическими партиями и их лидерами в Валенсии во время региональных выборов 2019 года в Испании [18, р. 86]. На основании проведенного анализа ученые делают вывод о том, что в содержании сообщений партий и лидеров, получивших наибольшее количество «лайков» на обеих платформах социальных медиа, политические субъекты в основном делятся с интернет-аудиторией информацией о текущих темах повестки дня и своими программными предложениями [18, р. 104-105]. Ученые также обратили внимание на то, что визуальный контент, посвященный рабочим будням политика (например, выступление на митинге, участие в дебатах или официальный визит), оказал большее влияние на пользователей (вызвав больший интерес со стороны аудитории), чем контент, освещающий личную жизнь кандидата [18, р. 105].

В одной из своих работ С.Дж. Тёрнболл-Дугарте задается вопросом о том, с какой целью политические партии Испании использовали Instagram в ходе избирательных кампаний 2015 и 2016 гг.: (а) как средство продвижения своих основных кандидатов, (б) как канал для трансляции своих политических позиций и программ или (в) в качестве инструмента мобилизации своих сторонников [29, р. 1-2]? Проведя контент-анализ записей политических партий в Instagram, автор сделал вывод о неоднородном характере содержания партийных сообщений на данной интернет-платформе. Вместе с тем он приходит к заключению о том, что записи, целями которых изначально выступали мобилизация голосующих и продвижение основных партийных лидеров в интернет-пространстве, оказали более эффективное влияние на электорат, чем записи, нацеленные на продвижение непосредственно партийных брендов и партийной политики в целом. Последующее фокусирование внимания именно на первых двух функциях, по мнению С.Дж. Тёрнболл-Дугарте, позволит политическим партиям усилить своё влияние в коммуникативном поле социальных медиа [29, р. 12-13].

Андерс Олаф Ларссон, анализируя особенности использования интернет-платформ Instagram и Twitter в ходе избирательной кампании в Норвегии в 2015 году, приходит к выводу о том, что по сравнению с интернет-

платформой Instagram содержание записей в Twitter были более сопряжены с новостными событиями описываемыми в авторитетных СМИ, в частности, содержание контента Twitter-сообщений было в большей степени связано с телевизионными дебатами или интервью политических лидеров, посвященных предстоящим выборам, чем контент записей в Instagram [16, р. 9]. Ученый также обращает внимание на то, что в ходе рассматриваемой им избирательной кампании особая активность в информационно-коммуникативном поле Twitter была отмечена на интернет-страницах относительно не крупных политических партий, в то время, как в информационном пространстве Instagram подобная тенденция выявлена не была [16, р. 5]

Дж. Пармли и Н. Роман в своей научной работе фокусируют внимание на нескольких исследовательских вопросах, среди которых вопрос о том, что побуждает пользователей Instagram подписываться на интернет-страницы политических лидеров [21, р. 3]. По итогам проведенного ими исследования было установлено, что основным побуждающим мотивом подписки на того или иного политического лидера в Instagram является поиск информации/инструкции (рекомендации, совета), которые позволили бы индивиду глубже понять тот или иной вопрос, быть в курсе информационной повестки дня, найти больше сведений о политическом лидере, а также – которые способны помочь индивиду определиться с тем, как голосовать на выборах [21, р. 3].

С точки зрения анализа использования Instagram политиками в их текущей политической деятельности (в пред/постэлекторальные периоды) выделим работу А. Сампьетро и С. Санчес-Кастильо, в которой исследуется информационный массив, состоящий из визуального и текстового типа контента, содержащегося в 259 записях, размещенных в течение 2018 года в личном профиле в Instagram Сантьяго Абаскаля, лидера испанской политической партии «Голос» («Vox»). Ученые отмечают, что за исследованный ими период времени Абаскаль использовал Instagram как, своего рода, личный, визуальный дневник («визуальный дневник» - выражение, использованное в работе К. Либхарт и П. Бернхардт [17, р. 19]), в котором он комментировал свою публичную повестку дня: интервью, мероприятия, встречи и митинги. Фактически, тексты сообщений почти всегда содержали ссылку на город, в котором он должен был находиться в то время, как если бы наблюдатель следил за его активностью [25, р. 180].

Д. О`Коннелл осуществил контент-анализ записей в Instagram, сделанных всеми 534 членами Конгресса США, которые заседали в течение

первых 6 месяцев 115-й сессии. Он сделал вывод о том, что в записях Конгрессменов, как правило отражены сюжеты, посвященные выполнению ими текущей профессиональной деятельности. Почти 70% всех сообщений, размещенных американскими политиками, посвящены какой-либо деятельности, связанной с их парламентской работой. Кроме того, около 41,38% сообщений – это фотографии или видео, снятые в округе Колумбия (по сравнению с 27,24% записей, сделанных в тех районах, которые представляют сами парламентарии). О`Коннелл также отмечает, что избиратели часто появляются в содержании записей, размещаемых парламентариями в Instagram: в среднем почти 29% от общего числа всех записей включают в себя упоминания об избирателях [19, р. 8].

Применительно к теме изучения Instagram как канала для политического самовыражения индивидов и групп обратим внимание на ряд научных работ, среди которых исследование, проведенное Дж.Дж. Омена, Э.Т. Рабелью и А.Г. Минц. В рамках данного исследования анализируется использование хэштегов в информационно-коммуникативном поле Instagram в ходе демонстраций, происходивших в марте 2016 года в Бразилии на фоне призывов к отставке президента Дилмы Русеф [20, р. 2]. Ученые установили, какие хэштеги использовались наиболее активно в сообщениях, размещенных пользователями в Instagram в период проведения различных акций протеста. Причем, им удалось установить особенности применения хэштегов как меньшинством наиболее заметных/вовлеченных пользователей (с высокими показателями вовлеченности, формируемыми на основе подсчета количества «лайков» и комментариев, которые собирают их записи), так и большинством обычных пользователей [20, р. 8].

В исследовании, проведенном С.П. Калдейра и опубликованном в текущем году в журнале «Media and Communication», на основе эмпирических данных (интервью молодых пользователей Instagram) анализируется политический потенциал данной интернет-платформы. Согласно результатам проведенного интервью, некоторые из его участников отметили, что они используют Instagram как в целях потребления политически-ориентированного контента, так и для акцентирования внимания интернет-аудитории на широком спектре политических проблем, создавая и публикуя [11, р. 12-13].

Основная цель исследования Ф. Суарес-Карбальо, Х.-Р. Мартин-Санроман, Н. Мартинса заключается в анализе изображений, созданных испанскими женщинами-профессиональными иллюстраторами в честь Между-

народного женского дня (8 марта), опубликованных в Instagram в 2019 и 2020 годах. Главная задача указанной научной работы состоит в том, чтобы с помощью систематического и поддающегося количественной оценке метода исследовать возможное существование определенных закономерностей в особенностях выражения и содержания этих сообщений, выявляя наиболее важные значения или темы, а также - формальные ресурсы, используемые женщинами-иллюстраторами [27, р. 354].

Завершая теоретический обзор, отмечаем, что в исследованиях политической роли Instagram нередко акцентируется внимание как на разных форматах данных (фото, видео, текстовые и графические материалы), так и на тематике записей, размещаемых в Instagram. Вместе с тем, несмотря на складывающийся пласт научных работ по теме изучения политической роли Instagram анализу использования данной интернет-платформы в текущей деятельности политических лидеров ещё не уделено достаточного объема внимания со стороны научного сообщества. В русскоязычных исследованиях можно встретить ряд работ, в которых анализируются практики использования обозначенной интернет-платформы в деятельности политических, прежде всего, региональных лидеров. Например, В.В. Сельников рассматривает методы работы в социальных медиа руководителей ряда субъектов Российской Федерации: Валентина Коновалова (Республика Хакасия), Дмитрия Артюхова (Ямало-Ненецкий автономный округ), Антона Алиханова (Калининградская область) и Бату Хасикова (Республика Калмыкия) [5]. А.А. Пасс, С.М. Смирнова и А.С. Шишкова изучают содержание официальной интернет-страницы в Instagram губернатора Челябинской области А.Л. Текслера [3]. Контент Instagram-страницы А.Л. Текслера анализируется и в работе Е.Л. Сытых и А.В. Кравцовой [8]. Вместе с тем, учитывая популярность Instagram среди руководителей российских регионов, актуализируется задача комплексного изучения практик использования региональными лидерами указанной интернет-платформы. Поэтому в данной работе проводится анализ официальной интернет-страницы одного из региональных лидеров в Instagram.

Концептуально-теоретическую основу исследования составляет концепт политического имиджа. Комплексное политологическое определение понятия «имидж» представлено в одной из работ В.А. Ачкасовой и К.В. Корнеевой. Они рассматривают имидж как «целостный, качественно определенный образ органов государственной власти, который устойчив и воспроизводится в массовом сознании в виде совокупности свойств и черт,

качеств представителей органов власти, взятых в единстве политических, мировоззренческих, нравственных, психологических, биографических и внешних качеств, определяемых предпочтениями населения» [1, с. 160]. Т.Н. Пищева полагает, что под имиджем обычно подразумевают «специально сконструированное и растиражированное отражение личности политика (власти, партии, страны и т.д.)» [4, с. 47].

Формирование и распространение содержательно-смысловых свойств и черт имиджа политического деятеля происходит в современном информационно-коммуникативном поле, подверженном непрерывным технологическим изменениям и обновлениям. Это оказывает серьезное воздействие и на процессы конструирования и поддержания определенного имиджа политика. Политико-коммуникативное поле Instagram является современной площадкой для функционирования имиджа политического лидера и организации. Говоря об основных направлениях воздействия Instagram на политический имидж лидера А.С. Леготина выделяет «увеличение уровня узнаваемости», повышение лояльности к политику со стороны аудитории (потенциального электората), «управление репутацией и обратная связь», а также то, что интеграция Instagram с другими социальными медиа «позволяет расширить свое воздействие на аудитории других площадок» [2, с. 395].

Базовый эмпирический метод проводимого исследования – ненаправленный количественный контент-анализ. Данный выбор обусловлен спецификой поставленных в работе задач, связанных с изучением политического имиджа в коммуникативном поле социальных медиа (интернет-платформы Instagram). Информационный массив для осуществления контент-анализа составили текстовые записи, размещенные на официальной Интернет-странице губернатора Нижегородской области Г.С. Никитина в Instagram в период с 25 декабря 2019 года (первая публикация губернатора на его официальной интернет-странице) по 16 июня 2021 года. Всего в текстовой выборке для проведения анализа – 311 текстовых записей. Повторимся, при проведении количественного контент-анализа использовались исключительно текстовые записи, которые сопровождали (раскрывали и дополняли) фото-, видео- или графический контент.

Основной единицей контент-анализа в данном исследовании выступают наиболее часто встречающиеся во всем информационном массиве лексемы (это соответствует требованиям ненаправленного типа контент-анализа), а единицей счета – записи, размещаемые главой области (содержание ком-

ментариев к сообщениям губернатора не рассматривалось). Обработка результатов текстового анализа и визуализация его итогов (построение облака тегов и тематических графов) проведены при помощи программы «PolyAnalyst 6.5».

Для сопоставления популярности используемых в текстовом массиве лексем использовался сравнительный анализ.

Отдельно отметим выбор объекта исследования. Официальная интернет-страница губернатора Г.С. Никитина в Instagram для изучения выбрана неслучайно. Согласно данным «Центра политической конъюнктуры», опубликованным в мае 2021 года, в рейтинге Интернет-страниц глав субъектов РФ в Instagram (сформированном на базе 6 критериев, среди которых: число подписчиков, количество лайков, комментариев, показатель вовлеченности, разнообразие хештегов и функциональность (использование разных форматов представления информации: фотографии, видео и т.д.) интернет-страница Г.С. Никитина занимает четвертое место. Более того, интернет-страница губернатора возглавляет рейтинг Instagram-страниц глав регионов по среднему количеству лайков и по среднему количеству комментариев (причем, по данному показателю Instagram-страница главы области существенно опережает аналогичные показатели Instagram-страниц руководителей других областей, представленных на рассматриваемой интернет-платформе). По нашему мнению, в данном конкретном случае оба индикатора, взятые в совокупности, свидетельствуют, прежде всего, о высоком показателе интереса интернет-аудитории к записям, размещенным на Instagram-странице, а также - о степени одобрения контента этих сообщений.

Наиболее часто используемой лексемой, встречающейся в сообщениях, размещенных на официальной интернет-странице регионального лидера стало слово «область» (использовано в 100 записях главы региона), далее – «регион» (встречается в 73 сообщениях), «город» (представлено в 65 записях), «поддержка» (присутствует в текстах 59 сообщений), «жизнь» и «житель» (встречаются в 51 сообщении, соответственно). Подробные данные приведены в табл. 1.

Таблица 1. Частота встречаемости отдельных слов в сообщениях, размещенных на официальной интернет-странице губернатора Нижегородской области Г.С. Никитина в Instagram (по количеству сообщений)

Слово	Количество записей, где встречается слово
«Область»	100
«Регион»	73
«Город»	65
«Поддержка»	15
«Жизнь»	51
«Житель»	51
«Дом»	48
«Фото»	46
«Проект»	41
«Район»	40
«Режим»	40
«Доктор»	40
«Закон»	38
«Организация»	36
«Больница»	35
«Контроль»	33
«Развитие»	33
«Учреждение»	33
«Программа»	32
«Победа»	31

Ещё один статистический показатель – это суммарная частота использования той или иной лексики. Чаще остальных в сообщениях использовалось слово «область» (136 раз), далее – «город» (112), «регион» (106), «поддержка» (98), «дом» (85), «школа» (72), «проект» (71), «жизнь» (66), «житель» (65). Подробные данные отражены в табл. 2.

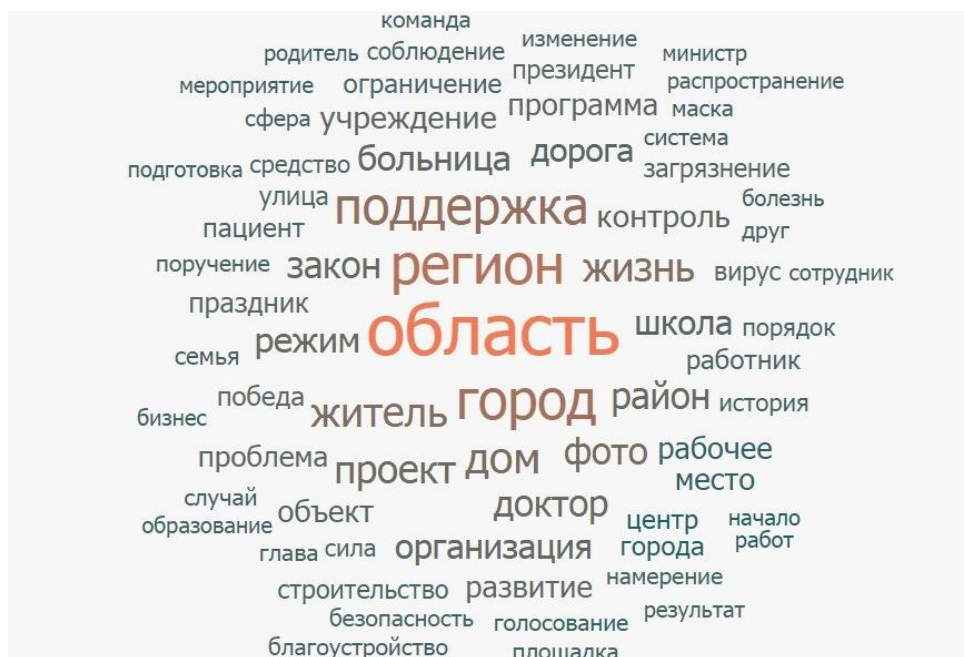
Таблица 2. Частота встречаемости отдельных слов в сообщениях, размещенных на официальной интернет-странице губернатора Нижегородской области Г.С. Никитина в Instagram (по суммарной частоте использования)

Слово	Общая частота встречаемости во всех записях
«Область»	136
«Город»	112
«Регион»	106
«Поддержка»	98
«Дом»	85
«Школа»	72
«Проект»	71
«Жизнь»	66
«Житель»	65
«Закон»	61
«Больница»	61

«Дорога»	61
«Доктор»	59
«Район»	58
«Организация»	55
«Президент»	54
«Фото»	54
«Режим»	53
«Победа»	50
«Контроль»	48

На основании совокупного учета двух выше обозначенных статистических показателей построено облако тегов, где в качестве ключевых слов представлены основные лексемы, используемые в сообщениях, размещенных на официальной Интернет-странице губернатора Нижегородской области в Instagram. Чем более крупным и выделенным шрифтом изображен определенный тег, тем выше его значимость в изученном текстовом массиве. Облако соответствующих тегов представлено на рисунке 1.

Рисунок 1. Облако ключевых слов в сообщениях, размещенных на официальной интернет-странице губернатора Нижегородской области Г.С. Никитина в Instagram (построено на основе совокупности двух показателей: по количеству сообщений, где встречается лексема и по общей частоте встречаемости во всех сообщениях)

Согласно данным облака тегов, основными являются следующие ключевые слова: «область», «регион», «город», «поддержка», «жизнь», «житель», «дом», «фото», «проект», «район», «закон», «больница», «доктор», «школа», «организация», «программа», «учреждение», «дорога», «контроль», «объект», «развитие». Интерпретация результатов представлена в следующей части работы.

Анализ структуры и особенностей имиджа политического лидера целесообразно проводить с помощью выделения ряда идентификационных маркеров, задействованных самим политиком и его командой при формировании содержательно-смыслового наполнения имиджа. В данном исследовании предварительно выявленные ключевые слова позволяют установить основные идентификационные маркеры имиджа политического лидера в коммуникативном поле Instagram. Наиболее ярко в имидже регионально-го лидера представлены локационные идентификационные детерминанты. Их составляют такие слова, как «область», «регион», «район» и «город». Активное применение в процессе конструирования имиджа политика локационных идентификационных маркеров может свидетельствовать о преобладании нацеленности на содержательно-смысловую интеграцию образа политика с коллективной территориальной идентичностью рассматриваемой общности (в данном случае – региона). Это способно усилить восприятие обществом политика «как своего», составляющего единое целое с обществом, что особенно важно в случаях, когда лидер только начинает выполнять обязанности руководителя или приехал в тот или иной регион из другого региона. Успешное использование локационных идентификационных маркеров способно повысить степень лояльности общества, жителей конкретного региона к политическому лидеру.

Ещё один тип идентификационных маркеров, используемых при построении имиджа политика – деятельностно-тематический. Анализ деятельностно-тематических идентификационных маркеров позволяет установить основные направления активности, внимание на которых акцентируется в содержательно-смысловом наполнении имиджа политика. В данном исследовании обозначенный тип идентификационных маркеров представлен следующими словами: «школа», «больница», «доктор», «дом», «дорога». Выделенные ключевые слова символизируют о нацеленности регионального лидера на освещение и решение вопросов социального и инфра-

структурного развития области. Отметим при этом, что немалая доля записей была посвящена мерам по борьбе с распространением коронавирусной инфекции в Нижегородской области, что отчасти объясняет наличие в облаке тегов и среди наиболее распространенных таких слов, как: «доктор» и «больница».

Инструментально-деятельностные идентификационные маркеры раскрывают набор конкретных рычагов и механизмов, которые, согласно собственному конструируемому имиджу, политик готов использовать для достижения поставленных им/перед ним целей. В символично-смысловом содержании имиджа лидер может проявлять себя, например, как политик, преимущественно ориентированный на директивные и/или совещательные, индивидуальные и/или коллективные рычаги управления. В его имидже может быть сделан акцент на разных правилах упорядочивания общественной жизни и степени их имплементации в процессы функционирования общества, например, на законе, традициях, обычаях и т.д.

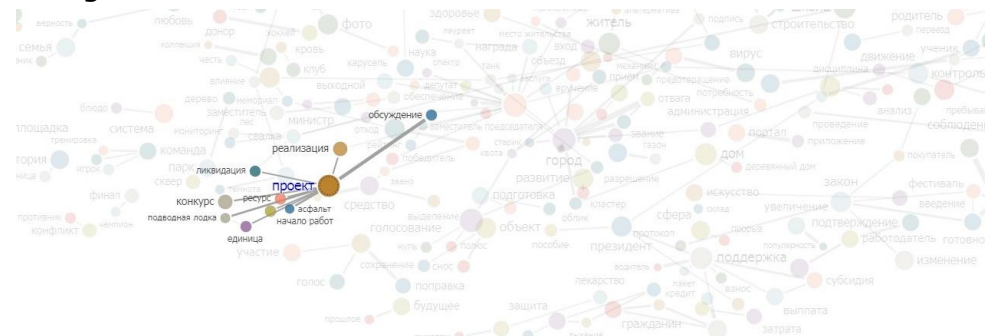
Среди выделенных ключевых тегов следует отметить ряд слов, отвечающих за проявление обозначенного типа идентификационных маркеров: «поддержка», «проект», «закон», «программа», «контроль». С содержательно-смысловой стороны наполнения имиджа использованный набор ключевых слов свидетельствует о том, что регион, граждане и сам политик (со стороны руководства и избирателей) получает поддержку для развития конкретных программ и проектов, подразумевающих коллективную работу. Вместе с тем, в деятельности самого политика, в выполнении и реализации программ развития и поддержки граждан очевидная и важная роль отводится контролю и соответствию нормам принятого в стране законодательства.

Любопытным выглядит тематический граф к ключевому слову «поддержка» (являющимся одним из многочисленных узлов/вершин графа). Тематический граф представлен на рисунке 2 (в нем из всего общего тематического графа выделен граф, посвященный указанному ключевому слову). Между данной вершиной установлена устойчивая и крепкая связь с другим ключевым словом (узлом) – «президент». Это символизирует об акцентуации командно-интегративного аспекта в содержательно-смысловом наполнении имиджа регионального лидера и относительно заметном проявлении в рассматриваемом имидже управленческо-интегративного компонента в рамках инструментально-деятельностного идентификационного маркера. Лидер подчеркивает наличие устойчивой

деятельностного маркера). Во-первых, подчеркивается коллективный характер разработки, обсуждения и принятия решений. Во-вторых, делается акцент на вовлеченности общества в практики обсуждения значимых решений и демонстрируется учет мнения граждан при принятии подобных решений. В результате, в имидже политика обращается внимание на значимость делиберативных общественных практик.

В тематическом графе, представленном на рисунке 3, помимо вершины «обсуждение» отражены и другие вершины-ключевые слова (хотя степень их взаимосвязи с основным для данного графа ключевым словом «проект» ниже), среди которых, например: «конкурс», «начало работ», «реализация». Использование подобных тегов в контексте ключевого слова «проект» свидетельствует о пристальном и детализированном внимании к конкретным вопросам и проектам. Глава региона подробно останавливается на всем ходе проектной работы, от конкурса на его выполнение до реализации. С точки зрения содержательно-смыслового наполнения имиджа политика это во многом говорит об использовании конструктивного и холистического подхода к решению вопросов развития области.

Рисунок 3. Тематический граф к ключевому слову «проект» в текстах сообщений, размещенных на официальной интернет-странице губернатора Нижегородской области Г.С. Никитина в Instagram

Текстовый анализ записей, размещенных на официальной интернет-странице главы Нижегородской области Г.С. Никитина в Instagram, позволил установить особенности содержательно-смыслового наполнения имиджа регионального руководителя, формируемого в рамках указанной интернет-платформы. Отталкиваясь от анализа проявления трех идентификационных маркеров – локационного, деятельностно-тематического и инстру-

ментально-деятельностного – можно сделать вывод о том, какие особенности свойственны имиджу рассматриваемого политического лидера в обозначенном сетевом коммуникативном поле. Во-первых, в содержании имиджа закономерно присутствует идентификация лидером себя с управляемой им территорией (при этом отмечаем интенсивное проявление данной идентификации). Во-вторых, основными тематическими направлениями, представленными в содержании имиджа лидера, являются социальная сфера (в первую очередь, в таких областях, как сферы образования и здравоохранения) и развитие инфраструктуры области (прежде всего, строительство дорог и других объектов). В-третьих, с точки зрения механизмов управленческой работы демонстрируется преобладание коллективных решений, работа в команде (в частности, подчеркивается тесная интеграция в рамках общефедеральной элиты) и вовлечение общества в принятие значимых для общественного развития решений. В содержании имиджа подчеркивается наличие поддержки со стороны руководства страны и жителей области. Поддержка со стороны руководства страны во многом трансформируется в поддержку реализации различных программ, при выполнении которых акцентируется особое внимание на наличии контроля за их выполнением. Серьезный акцент в содержательно-смысловом наполнении имиджа регионального лидера сделан и на значимости соответствия выполняемых действия законодательным нормам.

Для содержания рассмотренного в работе имиджа политического лидера свойственны комплексность и системность. Содержательно-смысловое наполнение имиджа регионального лидера составляют элементы, относимые к трем типам идентификационных маркеров – локационному, деятельностно-тематическому и инструментально-деятельностному. Причем обозначенные компоненты взаимосвязаны между собой, что подчеркивает цельный и системный характер содержания имиджа. В частности, решение вопросов инфраструктурного развития той или иной территории области может быть связано с обращением граждан (например, 10 февраля 2020 года на интернет-странице главы области появилось сообщение, посвященное решению вопроса с переправой через реку Ока в Тумботино Павловского района Нижегородской области после обращения граждан) и через взаимодействие с федеральным руководством (например, в записи от 22 января 2021 года губернатор рассказывает о встрече с заместителем председателя Правительства РФ Т.А. Голиковой, где глава региона доло-

жил о строительстве «Школы 800» и об участии «региона в программе создания новых мест в школьных учреждениях на последующие годы»).

Набирающая популярность в современном обществе Интернет-платформа Instagram становится важным институциональным компонентом политической коммуникации. Политические лидеры и политические организации сегодня активно используют функционирующие в рамках данной интернет-платформы технологические инструменты для выполнения ряда функций, например, освещение собственной публичной деятельности или мобилизация своих сторонников. Вместе с тем, формируемое с помощью Instagram политико-коммуникативное поле представляет собой пространство, где активно конструируются и функционируют различные политические имиджи, тем более что полиформатный характер контента, предусмотренный данной интернет-платформой, открывает лидерам и их командам широкий набор инструментов для построения эффективного политического имиджа. Проведя текстовый анализ записей, размещенных на официальной интернет-странице губернатора Нижегородской области Г.С. Никитина в Instagram, сделан вывод о целостном и комплексном характере имиджа регионального руководителя. В его имидже в системном взаимодействии представлены элементы, относящиеся к локационным, деятельностно-тематическим и инструментально-деятельностным идентификационным маркерам. Целостное и системное отображение обозначенных идентификационных маркеров во многом свидетельствует об эффективной работе по формированию имиджа и способно оказать положительное воздействие на аудиторию, общество.

Выбранное в данной работе направление исследований (ввиду растущей популярности Instagram среди политических лидеров) остается крайне актуальным. В дальнейшем на основании результатов проведенного исследования может быть осуществлен сравнительный анализ особенностей использования Instagram разными региональными лидерами в России. Кроме того, интересным выглядит научная рефлексия на тему соотношения характера политического имиджа лидеров в Instagram со статистическими данными уровня их поддержки в обществе в целом. Одним из ограничений осуществленного исследования является то, что в ходе анализа был задействован исключительно текстовый формат данных, хотя контент Instagram составляют и другие форматы данных, среди которых, фото-, видео-, графические изображения и т.д. Впрочем, изученные текстовые данные со-

держат в себе подробное описание и существенное дополнение к размещаемым губернатором Нижегородской области записям в Instagram (в этой связи, отметим, что значительную часть всех сообщений главы региона составляют именно длинные тексты). Кроме того, при проведении исследования не анализировались тексты комментариев к записям губернатора Нижегородской области, так как, на наш взгляд, для достижения поставленной в работе цели (изучение содержания политического имиджа регионального лидера) достаточно осуществить анализ сообщений, размещенных непосредственно главой региона. Вместе с тем изучение содержания комментариев к записям главы региона позволяет выявить общественную реакцию и восприятие аудиторией различных особенностей содержания имиджа политического лидера.

Литература

1. Ачкасова В.А., Корнеева К.В. Репутация и имидж власти. Медиастратегии формирования // Управленческое консультирование. 2017. №1.

2. Леготина А.С. Использование "Instagram" в работе по имиджированию политика // Устойчивое развитие России: вызовы, риски, стратегии. материалы XIX Международной научно-практической конференции: к 25-летию Гуманитарного университета. 2016.

3. Пасс А.А., Смирнова С.М., Шишкова А.С. Instagram-аккаунт губернатора Челябинской области Алексея Текслера как эго-документ и средство политической коммуникации // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2021. №1.

4. Пищева Т.Н. Политические образы: проблемы исследования и интерпретации // Полис. Политические исследования. 2011. №2.

5. Сельников В.В. Использование социальных сетей в современной политической коммуникации (на примере социальной сети Instagram) // Ямальский вестник. 2019. №4(18).

6. Социальные сети и мессенджеры: Какими социальными сетями и мессенджерами пользуются россияне? // Фонд «Общественное мнение». 22.03.2021. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14555> (дата обращения 06.04.2021).

7. сторис успеха: рейтинг глав регионов в Instagram // Официальный сайт «Центра политической конъюнктуры». 06.05.2021. URL: <https://cpkr.ru/issledovaniya/tsifrovye-portrety-glav-rossiyskikh->

regionov/storis-uspekha-reyting-glav-regionov-v-instagram/ (дата обращения 06.05.2021).

8. Сытых Е.Л., Кравцова А.В. Социальные сети как политический ресурс (на примере Instagram-аккаунта губернатора Челябинской области А.Л. Текслера) // Научный ежегодник Центра анализа и прогнозирования. 2020. №1(4).

9. Филиппова Е.Ю. Социальные медиа как пространство для центр-региональных политических отношений: случай Испании // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. 2019. №1.

10. Auxier B., Anderson M. Social Media Use in 2021 // Pew Research Center, April 2021. URL: <https://www.pewresearch.org/internet/2021/04/07/social-media-use-in-2021/> (дата обращения 06.05.2021).

11. Caldeira S.P. "It's not just Instagram models": Exploring the gendered political potential of young women's Instagram use // Media and Communication. 2021. Vol. 9. №2.

12. Caliandro A, Graham J. Studying Instagram beyond selfies // Social Media + Society. 2020.

13. Filimonov K., Russmann U., Svensson J. Picturing the Party: Instagram and Party Campaigning in the 2014 Swedish Elections // Social Media + Society. 2016.

14. French M., Bazarova N.N. Is Anybody out there?: Understanding masspersonal communication through expectations for response across social media platforms // Journal of Computer-Mediated Communication. 2017. Vol. 22. №6.

15. Johnson B.K., Potocki B., Veldhuis J. Is that my friend or an advert? The effectiveness of Instagram native advertisements posing as social posts // Journal of Computer-Mediated Communication. 2019. Vol. 24. №3.

16. Larsson A.O. Top users and long tails: Twitter and Instagram use during the 2015 Norwegian Elections // Social Media + Society. 2017. April-June. Vol. 5. №2.

17. Liebhart K., Bernhardt P. Political storytelling on Instagram: Key aspects of Alexander Van der Bellen's successful 2016 presidential election campaign // Media and Communication. 2017. Vol. 5. №4.

18. Marcos García S., Viunnikoff-Benet N., Casero Ripollés A. What is there in a 'Like'? Political content in Facebook and Instagram in the 2019

Valencian regional election // *Debats. Journal on Culture, Power and Society*. 2020. Vol. 5.

19. O’Connell D. #Selfie: Instagram and the United States Congress // *Social Media + Society*. October 2018.

20. Omena J.J., Rabello E.T., Mintz A.G. Digital Methods for Hashtag Engagement Research // *Social Media + Society*. July 2020.

21. Parmelee J.H., Roman N. Insta-Políticos: Motivations for Following Political Leaders on Instagram // *Social Media + Society*. 2019. April-June. Vol. 5. Nº2.

22. Rathnayake Ch., Ntalla Ir. «Visual affluence» in social photography: Applicability of image segmentation as a visually oriented approach to study Instagram hashtags // *Social Media + Society*. April 2020.

23. Riesmeyer C., Hauswald J., Mergen M. (Un)Healthy behavior? The relationship between media literacy, nutritional behavior, and self-representation on Instagram // *Media and Communication*. 2019. Vol. 7. Nº2.

24. Russmann U., Svensson J. Introduction to visual communication in the age of social media: Conceptual, theoretical and methodological challenges // *Media and Communication*. 2017. Vol. 5. Nº4.

25. Sampietro A., Sánchez-Castillo S., Building a political image on Instagram: A study of the personal profile of Santiago Abascal (Vox) in 2018 // *Communication & Society*. 2020. Vol. 33. Nº1.

26. Serafinelli E. Networked remembrance in the time of Insta-memories // *Social Media + Society*. July 2020.

27. Suárez-Carballo, F., Martín-Sanromán, J.-R., Martins, N. An analysis of feminist graphics published on Instagram by Spanish female professionals on the subject of International Women’s Day (2019-2020) // *Communication & Society*. 2021. Vol. 34. Nº2.

28. Thelander A., Cassinger C. Brand new images? Implications of Instagram photography for place branding // *Media and communication*. 2017. Vol. 5. Nº4.

29. Turnbull-Dugarte S.J. Selfies, policies, or votes? Political party use of Instagram in the 2015 and 2016 spanish general elections // *Social Media + Society*. 2019. April-June. Vol. 5. Nº2.

30. Vázquez-Herrero J., Direito-Rebollal S., López-García X. Ephemeral Journalism: News Distribution Through Instagram Stories // *Social Media + Society*. October. 2019.

References

1. Achkasova V.A., Korneeva K.V. Reputatsiya i imidzh vlasti. Mediastategii formirovaniya // Upravlencheskoe konsul'tirovanie. 2017. №1.
2. Legotina A.S. Ispol'zovanie "Instagram" v rabote po imidzhirovniyu politika // Ustoichivoe razvitie Rossii: vyzovy, riski, strategii. materialy XIX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii: k 25-letiyu Gumanitarnogo universiteta. 2016.
3. Pass A.A., Smirnova S.M., Shishkova A.S. Instagram-akkaunt gubernatora Chelyabinskoi oblasti Alekseya Tekslera kak ego-dokument i sredstvo politicheskoi kommunikatsii // Magistra Vitae: elektronnyi zhurnal po istoricheskim naukam i arkhologii. 2021. №1.
4. Pishcheva T.N. Politicheskie obrazy: problemy issledovaniya i interpretatsii // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2011. №2.
5. Sel'ninov V.V. Ispol'zovanie sotsial'nykh setei v sovremennoi politicheskoi kommunikatsii (na primere sotsial'noi seti Instagram) // Yamal'skii vestnik. 2019. №4(18).
6. Sotsial'nye seti i messendzhery: Kakimi sotsial'nymi setyami i messendzherami pol'zuyutsya rossiyane? // Fond «Obshchestvennoe mnenie». 22.03.2021. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14555> (data obrashcheniya 06.04.2021)
7. Storis uspekha: reiting glav regionov v Instagram // Ofitsial'nyi sait «Tsentra politicheskoi kon'yunktury». 06.05.2021. URL: <https://cpkr.ru/issledovaniya/tsifrovye-portrety-glav-rossiyskikh-regionov/storis-uspekha-reyting-glav-regionov-v-instagram/> (data obrashcheniya 06.05.2021).
8. Sytykh E.L., Kravtsova A.V. Sotsial'nye seti kak politicheskii resurs (na primere Instagram-akkaunta gubernatora Chelyabinskoi oblasti A.L. Tekslera) // Nauchnyi ezhegodnik Tsentra analiza i prognozirovaniya. 2020. №1(4).
9. Filippova E.Yu. Sotsial'nye media kak prostranstvo dlya tsentrrregional'nykh politicheskikh otnoshenii: sluchai Ispanii // Vestnik Permskogo federal'nogo issledovatel'skogo tsentra. 2019. №1.
10. Auxier B., Anderson M. Social Media Use in 2021 // Pew Research Center, April 2021. URL: <https://www.pewresearch.org/internet/2021/04/07/social-media-use-in-2021/> (data obrashcheniya 06.05.2021)
11. Caldeira S.P. "It's not just Instagram models": Exploring the gendered political potential of young women's Instagram use // Media and Communication. 2021. Vol. 9. №2.
12. Caliandro A, Graham J. Studying Instagram beyond selfies // Social Media + Society. 2020.
13. Filimonov K., Russmann U., Svensson J. Picturing the Party: Instagram and Party Campaigning in the 2014 Swedish Elections // Social Media + Society. 2016.
14. French M., Bazarova N.N. Is Anybody out there?: Understanding masspersonal communication through expectations for response across social media platforms // Journal of Computer-Mediated Communication. 2017. Vol. 22. №6.

15. Johnson B.K., Potocki B., Veldhuis J. Is that my friend or an advert? The effectiveness of Instagram native advertisements posing as social posts // *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2019. Vol. 24. Nº3.
16. Larsson A.O. Top users and long tails: Twitter and Instagram use during the 2015 Norwegian Elections // *Social Media + Society*. 2017. April-June. Vol. 5. Nº2.
17. LiebhartK., Bernhardt P. Political storytelling on Instagram: Key aspects of Alexander Van der Bellen’s successful 2016 presidential election campaign // *Media and Commucation*. 2017. Vol. 5. Nº4.
18. Marcos García S., Viunnikoff-Benet N., Casero Ripollés A. What is there in a ‘Like’? Political content in Facebook and Instagram in the 2019 Valencian regional election // *Debats. Journal on Culture, Power and Society*. 2020. Vol. 5.
19. O’Connell D. #Selfie: Instagram and the United States Congress // *Social Media + Society*. October 2018.
20. Omena J.J., Rabello E.T., Mintz A.G. Digital Methods for Hashtag Engagement Research // *Social Media + Society*. July 2020.
21. Parmelee J.H., Roman N. Insta-Políticos: Motivations for Following Political Leaders on Instagram // *Social Media + Society*. 2019. April-June. Vol. 5. Nº2.
22. Rathnayake Ch., Ntalla Ir. «Visual affluence» in social photography: Applicability of image segmentation as a visually oriented approach to study Instagram hashtags // *Social Media + Society*. April 2020.
23. Riesmeyer S., Hauswald J., Mergen M. (Un)Healthy behavior? The relationship between media literacy, nutritional behavior, and self-representation on Instagram // *Media and Communication*. 2019. Vol. 7. Nº2.
24. Russmann U., Svensson J. Introduction to visual communication in the age of social media: Conceptual, theoretical and methodological challenges // *Media and Communication*. 2017. Vol. 5. Nº4.
25. Sampietro A., Sánchez-Castillo S., Building a political image on Instagram: A study of the personal profile of Santiago Abascal (Vox) in 2018 // *Communication & Society*. 2020. Vol. 33. Nº1.
26. Serafinelli E. Networked remembrance in the time of Insta-memories // *Social Media + Society*. July 2020.
27. Suárez-Carballo, F., Martín-Sanromán, J.-R., Martins, N. An analysis of feminist graphics published on Instagram by Spanish female professionals on the subject of International Women’s Day (2019-2020) // *Communication & Society*. 2021. Vol. 34. Nº2.
28. Thelander A., Cassinger C. Brand new images? Implications of Instagram photography for place branding // *Media and communication*. 2017. Vol. 5. Nº4.
29. Turnbull-Dugarte S.J. Selfies, policies, or votes? Political party use of Instagram in the 2015 and 2016 spanish general elections // *Social Media + Society*. 2019. April-June. Vol. 5. Nº2.
30. Vázquez-Herrero J., Direito-Rebollal S., López-García X. Ephemeral Journalism: News Distribution Through Instagram Stories // *Social Media + Society*. October. 2019.

**В.А. Посульченко,
А.С. Фалина**

**V. Posulchenko,
A. Falina**

**ПРЕДПОСЫЛКИ
ФОРМИРОВАНИЯ
ПОЛИТИЧЕСКОГО
ИНТЕРНЕТ-АКТИВИЗМА
В КОНТЕКСТЕ
ЭКОЛОГИЧЕСКОГО
ЛОББИЗМА**

**PREREQUISITES FOR THE
FORMATION OF
POLITICAL INTERNET
ACTIVISM IN THE
CONTEXT OF
ENVIRONMENTAL
LOBBYING**

Аннотация

Раскрыты условия институционализации интернет-активизма на примере анализа деятельности групп интересов социально-экологической направленности. Обоснован тезис, что под экологическим интернет-лоббизмом следует понимать социально-ориентированную деятельность человека, направленную на продвижение экологических интересов с помощью современных технологий, в том числе на основе цифровых методов лоббирования для оказания давления на государственные органы власти. Экологический активизм в современной России связан ситуативно возникшим или имеющим высокий риск возникновения, природным происхождением, мобилизующим массы на социально-политический протест. Онлайн среда упразднила социальные и политические барьеры, дав импульс развития интернет-активизму, не ограниченному системой общественных отношений оффлайн мира. Подобный дискурс позволил усилить экологическое лобби, расширить аудиторию латентных экологических активистов. Указанный дискурс требует дополнительного исследования ввиду стремительного развития интернет-сетей и кардинально меняющегося политического процесса. Доказано, что удовлетворение протестных настроений в интернете в контексте экологической повестки демонстрирует накопившуюся социальную напряженность вместе с решением общественно значимой проблемы охраны окружающей среды. Возросшая степень социальных притязаний на благоприятную окружающую среду и размытых социальных институтов влияния на

Abstract

The conditions of institutionalization of Internet activism on the example of analysis of activities of interest groups of socio-ecological orientation are disclosed. The thesis is justified that environmental Internet lobbying should be understood as a socially oriented human activity aimed at promoting environmental interests using modern technologies, including on the basis of digital lobbying methods to put pressure on state authorities. Environmental activism in modern Russia is associated with situationally arising or having a high risk of occurrence, natural incidents that mobilize the masses for socio-political protest. The online environment has abolished social and political barriers, giving impetus to the development of Internet activism, not limited by the system of public relations offline of the world. Such a discourse made it possible to strengthen the environmental lobby and expand the audience of latent environmental activists. This discourse requires further research in view of the rapid development of Internet networks and the radically changing political process. It has been proved that the satisfaction of protest sentiments on the Internet in the context of the environmental agenda demonstrates the accumulated social tension along with the solution of the socially significant problem of environmental protection. The increased degree of social claims to a favorable environment and blurred social institutions of

экологическую повестку в рамках современного политического процесса, так же повлияло на развитие «зеленых» интернет-сообществ, Telegram-каналов, представляющих альтернативный информационный поток.

influence on the environmental agenda within the framework of the modern political process also affected the development of green Internet communities, Telegram channels representing an alternative information stream.

Ключевые слова:

Россия, интернет-активизм, лоббизм, принятие политических решений, политический процесс, экологический активизм.

Key words:

Russia, Internet activism, lobbying, political decision-making, political process, environmental activism.

Развитие интернет-коммуникаций и интегрирование указанного инструментария в политическую действительность выступает фундаментальной особенностью общественного развития в XXI веке [18; 20; 21]. Ввиду снизившегося спроса граждан на участие в классических политических институтах, коммуникационные онлайн-площадки выступили релевантными механизмами объединения общества по широкому пулу социальных проблем, адресованных государству [3, с. 33-40; 4, с. 188-196; 5, с. 69-86]. Необходимо согласиться с позицией российских политологов О.Е. Комарова и А.В. Соколова – «Роль информационных технологий значительно возрастает, Интернет оказывает значительное влияние на современное государственное строительство, формирование условий для развития гражданского общества в спектре электронной демократии» [11, с. 151]. При этом «Государство, претерпевающее значительные трансформации в новых условиях, становится координатором развития отраслей информационной индустрии, участвует в построении информационного общества, деятельности его субъектов, безопасной и разумной интеграции человека в инновационное технологическое пространство» [7, с. 136].

Цифровая(виртуальная) консолидация широкий масс за счет доступности продуктов digital-сферы стала возможна в связи с процессами глобализации, предполагающей рост пользователей интернет-сетями [8, с. 8-13]. Абсолютное большинство россиян (79%) уже подключились к интернету, а к концу 2020 года, по мнению замглавы Минкомсвязи РФ Алексея Волина, число пользователей глобальной сетью в России должно превысить 100 млн человек [2]. Подобный рост виртуальной аудитории радикально трансформирует политический процесс, предлагая новую реальность для развития гражданского общества и социальной дискуссии. Прежде чем стать популярной коммуникативной технологией и много-

функциональным лоббистским инструментом групп давления, интернет-пространство прошло несколько этапов структурных изменений воспроизводства сайтов и медиа контента [22, с. 31–45].

На первых этапах интернет-площадки представляли собой цифровые платформы с низкими коммуникативными возможностями. В этот период развивается подход построения цифровой структуры web 1.0, представляющей скромный лоббистский потенциал ввиду ограниченного субъектного состава производителей контента и общей статичности цифровых площадок [13, с. 10-17]. Скорректировался технологический ландшафт с развитием web 2.0 и переходом к web 3.0, позволив расширить функциональность сайтов, а главное – дать возможность обычным пользователям производить собственный контент и оперативно делиться им с другими юзерами. Расширение пользовательского интереса предсказуемо возросло с появлением социальных сетей и мессенджеров, позволивших бесплатно коммуницировать и агрегировать гигабайты медиаконтента рядовым юзерам [15, с. 37-51; 16, с. 30-45].

В данном дискурсе определенный интерес представляет экологическое движение, как передовой институт гражданско-активистского интереса, активно интегрирующий возможности интернета в свои подходы лоббирования. В контексте настоящей статьи экологический интернет-лоббизм стоит понимать, как социально ориентированную деятельность, направленную на продвижение экологических интересов инициативными гражданами и соответствующими организациями с помощью различных цифровых методов лоббирования для оказания давления на государственные органы. Экологический активизм в России как правило связан ситуативно возникшим или имеющий высокий риск возникновения, природным происшествием, мобилизующим массы на социально-политический протест [10]. В контексте технологического прогресса глобальной сетей, дополнительного исследования требует система условий институционализации феномена экологического интернет-активизма и нового механизма политического участия граждан [6, с. 8-13].

Политизация интернет сферы дополнительно усилилась в следствие международной пандемии Covid-19. Продолжительные меры запрета массовых собраний, закономерно скорректировали лоббистскую повестку «зеленого» сообщества, выдвинув на передний план и без того прогрессирующие в последние годы технологии интернет лоббизма. Очевидно, в

современных реалиях дискурс онлайн продвижения своих интересов экологами становится основным и в результате исследований времени нахождения современного человека в интернете. Так, согласно докладу «Digital 2020» американского агентства «We Are Social», Россия попала в топ-15 стран, наиболее зависимых от интернета, — средний житель страны проводит в онлайн 7 часов 17 минут в сутки.

Субъекты экологического лоббизма за счет внедрения современных технологий продвижения интересов дополнительно усилили свои позиции в информационном пространстве, ввиду низкого потенциала гражданского участия в экологической политике государства, предусматривающей зачастую неэффективные механизмы общественного контроля разрабатываемых экополитических решений (публичных слушаний, результатов экологической экспертизы и т.д.). Сложившаяся ситуация естественным образом побудила гражданское общество к самоорганизации и расширению лоббистского инструментария в digital-сфере. Указанный тренд наглядно подверг модификации современные политические отношения, определив современный вектор политического участия населения в эпоху постмодерна с помощью интернет-сетей.

Анонимный формат коммуникации, оперативный доступ к информации, фактически отсутствующий риск санкций со стороны государства цементировали общественный интерес, заодно повысив политическую ликвидность digital-технологий для определенных групп интересов. Одним из таких сообществ является социально ориентированная общность экологов и гражданских активистов, заинтересованных в благополучной окружающей среде. На сегодняшний день «зеленые» группы давления выступают в авангарде интеграционных процессов внедрения современных технологий лоббирования с помощью различных интернет-ресурсов. Помимо расширения подходов лоббирования глобальная сеть представляет собой мощный электоральный бустер, позволяя «зеленым» расширять зоны влияния. Понятная социальная повестка и гуманистические конструкты «зеленой» идеологии эффективно мобилизуют широкие массы гражданско-активистской направленности [17]. Дополнительное использование социальные сетей и мессенджеров существенно увеличивает пропагандистский потенциал подобных кампаний.

С помощью профильных экологических групп «В контакте» ведется идеологическая «настройка» участников сообществ, освещается деятель-

ность «зеленых» активистов. Популярные мессенджеры WhatsApp, Telegram стали новой интеграционной ступенью для удобной коммуникации по большому кругу тем экологической политической полемики. Социальные сети и мессенджеры стали релевантными платформами для привлечения сторонников экологической повестки, выступив информационным и координационным центром лоббистских компаний. Повышение лоббистского потенциала теперь достигается не только сопровождением кампаний в СМИ, но и за счет индивидуального продвижения экологической повестки с помощью репостов участников групп и чатов, что значительно увеличивает охват распространения информации о экологических происшествиях или акциях «зеленых». Так, мобилизация онлайн пользователей способствовала развитию сначала региональной, а затем и федеральной политической дискуссии по поводу утечки дизельного топлива в Норильске.

Кейс норильской экологической катастрофы оказался нетривиальным как с точки зрения технологического сопровождения субъектами экологического лоббизма, так и публичной реакции властей, а именно, Президента РФ. Разлив дизельного топлива произошел 29 мая 2020 года, однако информационный вакуум начал наполняться подробностями с места событий только на следующий день с помощью социальных сетей. Характерной особенностью большинства современных отечественных экологических конфликтов является первичная латентность информационной повестки в медиа по возникающим эпизодам экологических ЧП. Указанный тренд сложился в результате оценки освещения ситуации аффилированными с государством федеральных телеканалов, радио и СМИ по мусорным проблемам в г. Волоколамске, г. Балашихе и т.д. Норильский случай экологической катастрофы не стал исключением. Подобный дискурс только подтверждает первичность ресурсов интернет сферы для быстрого информирования, их системную необходимость в постоянном возобновлении оперативного политического диалогового окна по актуальным социальным проблемам. На современном этапе именно ресурс стремительного и независимого информационного реагирования необходим для сбалансированного освещения экологического положения и развития гражданско-активистского движения. В условиях пандемии Covid-19 лоббистская деятельность норильского «зеленого» сообщества, а также крыла независимых гражданских активистов после природного происшествия была со-

средоточена на давлении в социальных сетях и мессенджерах. На следующий день после ЧП, появилась первая запись о разливе дизельного топлива в Telegram-канале «Борус» (аудитория более 15 тыс. подписчиков), сопровождавшаяся коротким видео с места происшествия. С этого момента активистами была развернута широкая компания по информационном сопровождению и распространению данных о ЧП на различных ресурсах в интернете.

Характерной особенностью рассматриваемой природоохранной кампании стало использование новой технической возможности социальной сети «ВКонтакте» - стриминга, т.е. потокового онлайн-вещания в прямом эфире, доступного для всех пользователей социальной сети с 2017 года. Указанный метод лоббирования помог расширить адресную аудиторию получателей контента, поскольку видео-трансляции пользователей с места норильских событий были доступны для просмотра во всех регионах России. Данный подход кардинально меняет информационный контур: теперь без редакционных правок, каких-либо эфирных ограничений любой пользователь социальной сети получил возможность вести свой, независимый репортаж с места событий. Усиление восприимчивости, эмоциональная сопричастность с событиями, происходящими прямо сейчас: дополнительно повышает релевантность нового лоббистского приема. Помимо информационной функции видео-эфира, очевидно усиление психоэмоционального аспекта, так необходимого для формирования мотивационного компонента портрета личности активиста. Таким образом, «зеленые» использовали новую технологию интернет-лоббирования: создание онлайн-трансляций в социальных сетях и мессенджерах для освещения экологических проблем и происшествий с автоматической конвертацией записей в видео контент, удобный для сохранения, потребления и дальнейшего распространения. Некоторые инициативные граждане использовали возможности квадрокоптеров для более объемной съемки экологического урона, нанесенного водным ресурсам субъекта. Перечисленные технико-технологические новшества, применённые активистами в освещении норильского ЧП, выделяют ракурс развития коммуникационного давления на власть. Теперь заинтересованным субъектам лоббизма необязательно участвовать в митингах, появились эффективные методы интернет-лоббирования с помощью производства разноформатного кон-

тента и самостоятельного его продвижения на различных сетевых платформах.

Своеобразный итог действиям властей Норильска и Красноярского края подвел В.В. Путин, узнавший о происшествии только спустя несколько дней: «Мы что, будем узнавать о чрезвычайных ситуациях из социальных сетей, что ли?» [14]. В контексте подобной реакции президента России можно говорить о легитимизации информационного лидерства интернет-платформ по норильскому экологическому конфликту и высокой политической ликвидности экологической лоббистской компании, развернутой активистами в социальных сетях. Таким образом активная и инициативная аудитория социальных сетей, трансформируется в профильную группу интересов, отстаивающую свое конституционное право на благоприятную окружающую среду.

Стоит учитывать, что рост пользовательского интереса к сайтам, социальным сетям, мессенджерам – это новый виток не только общественного развития, но и политического. Отечественная парадигма гражданского политического участия с момента формирования современной Российской государственности после распада СССР закрепила лидирующие позиции власти в формировании правил институциональных взаимоотношений государство-общество, тем самым ограничив степень влияния структур гражданского общества. Возможности интернета предсказуемо детерминировали указанные взаимоотношения, скорректировав мотивационно-ценностную структуру индивидуума, реконструировав предложенную государством систему взаимоотношений. Частный характер воспроизводства социальных сетей и ограниченный инструментарий контроля за информационным полем в интернете со стороны власти, позволяет аккумулировать независимое гражданское мнение и заниматься строительством внутри сетей гражданских квази-институтов. Таким образом, технологии позволили использовать новые, эффективные способы лоббирования, способствовал демократизации и развитию независимой политической дискуссии по экологической проблематике. Давление, оказываемое на власть в рамках цифровой среды, значительно скорректировало идеологический конструкт власть-гражданское общество-индивид [1; 17; 19]. Указанные изменения стимулировали изъятие независимого гражданского комментария на популярных площадках в интернете, смещая вектор отношений в пользу человека.

Естественная потребность человека в обретении собственной значимости, подробно описанная американским психологом Д. Карнеги, с развитием интернета очевидно приобрела новую коннотацию «цифрового» человека, получившего возможность самореализации в онлайн-пространстве. В интернете современный пользователь получил возможность стать лидером или популярным деятелем, авторитетным пользователем в рамках определенной, идеологически сформированной группы интернет-юзеров. Возможности современных коммуникационных онлайн-площадок с рейтингованием и распределением статусов пользователей, позволили в рамках конкретного интернет-сообщества получить определенную известность. А.Д. Яковлева характеризует эту особенность индивида как «потребность в социально-персональной значимости» [12, с. 110-120]. Информационные технологии и их компоненты в формате различных коммуникационных платформ поспособствовали формированию онлайн-овой и офлайн-овой идентичности, позволив индивиду конструировать желаемый образ себя, недоступный в обычной общественной жизни. Первоначально интернет-среда имела ограниченную сеть, где участники дискуссии, как правило, знали друг друга отсутствовала разница между репрезентацией индивидуума в реальной жизни и интернете, существовала предсказуемость сценариев поведения. Настоящий информационный дискурс, представленный анонимностью пользователей и отсутствием санкций со стороны государства, располагает к развитию любых идентичностей. В условиях повышения протестной повестки отечественной политической дискуссии предсказуемо растет число акторов-активистов в онлайн-пространстве, готовых подхватить близкие идеологические конструкты и продвигать их в социальных сетях, без каких-либо личных и законодательных ограничений, характерных для офлайна. Подобная тенденция положительно сказалась на развитии и электоральном наполнении онлайн-сообществ экологических интересов. Значительно расширились возможности онлайн-площадок привлекать «голоса» сомневающийся или игнорирующих массовые мероприятия в реальном мире.

Онлайн-среда, очевидно, упразднила социальные и политические барьеры, дав импульс развитию интернет-активизму, не ограниченному системой общественных отношений офлайн-мира. Подобный дискурс позволил усилить экологическое лобби, расширить аудиторию латентных экологических активистов. Это можно наблюдать по количеству произво-

дящихся демотиваторов и мемов, зачастую в жесткой манере высмеивающих власть и принятые политические решения. Для социальных сетей характерен естественный процесс развития политической дискуссии, поскольку государство до сих пор лишь подбирает удобные механизмы воздействия на общественное мнение в интернет-среде. Своеобразная инкорпорация властных структур в онлайн пространство наблюдается интеграцией чиновников в социальные сети, с помощью личных страниц, блогов и т.д. Очевидно, что на данном этапе государство не выработало достаточного количества технологий и подходов для корректировки информационного поля. Ограниченный результат приносят онлайн-представительства властных институтов в интернете.

Безрезультатная операция с блокировкой Telegram в России, свидетельствует об устоявшейся независимости и системности популярных интернет-платформ. Несогласованность линии борьбы с мессенджером подтверждает тезис о разбалансированности механизма политического менеджмента внутри системы власти в сфере интернет-технологий. В период силового и информационного давления на структуры Telegram, федеральные и региональные чиновники использовали возможности мессенджера в личных и политических целях.

Конкретизируя особенности формирования интернет-активизма в контексте продвижения экологических интересов, можно выделить следующие факторы развития подобного рода деятельности:

- реконструкция предложенных государством сценариев развития политической дискуссии ввиду технологического развития интернет-сетей и их компонентов. Смещение парадигмы политического лидерства в пользу индивида, способствует установлению свободы выбора волеизъявления и политического участия с помощью интернет-технологий, в обход сложившейся структуре взаимоотношений государство-гражданское общество-индивид;

- ограничение применения санкционных мер. Снижение риска наступления возможных негативных карьерных сценариев и силовых акций против личности вследствие открытой социальной позиции или политической ориентации;

- изменение «классической» парадигмы гражданского протестного политического участия, предусматривающей ментальное напряжения личности. Корректировка психоэмоционального аспекта политического

активизма, снижение неврологического стресса, характерного для политического участия офлайн;

- воспроизводство идентичностей, недоступных вне цифрового мира. Возможность конструирования собственной идентичности и закрепления статуса заметной фигуры в оппозиционном протестном движении онлайн, как инструмента достижения психологического удовлетворения;

- природные катаклизмы и эпидемии, влияющие на характер регионального и международного политического процесса. В условиях пандемии Covid-19 и запрета массовых собраний дополнительно усилилась политизация интернет-сферы.

Удовлетворение протестных настроений в интернете в контексте экологической повестки демонстрирует накопившуюся социальную напряженность вместе с решением общественно значимой проблемы охраны окружающей среды. Возросшая степень социальных притязаний на благоприятную окружающую среду и размытых социальных институтов влияния на экологическую повестку в рамках регионального политического процесса, так же повлияло на развитие «зеленых» интернет-сообществ, Telegram-каналов, представляющих альтернативный информационный поток.

В результате динамичных глобализационных изменений в сфере коммуникаций, коррекции подверглась устоявшаяся система общественных отношений и государственного участия в гражданском процессе. В этом смысле анализ развития отечественных экологических отношений позволяет прогнозировать рост протестного тренда в онлайн сфере, увеличения давления на онлайн-представительства государства.

Структурный прогресс коммуникационных систем, фундаментально скорректировал публичный политический процесс, позволил конструировать независимую гражданскую дискуссию социальной направленности внутри интернет-сетей. Подобный дискурс онлайн-влияния гражданских акторов в рамках социально-экологических конфликтов, закономерно меняет фундаментальные основы общественного участия в политике государства и корректирует механизмы принятия политико-управленческих решений, предложенные ретроспективой.

Литература

1. Арутюнов А.Г. Коммуникация в государственном управлении: актуальные вопросы и значимость // Актуальные проблемы современного общества: сборник научных статей по материалам Всероссийской (национальной) научной конференции. Орел, 2019.
2. Аудитория Рунета в 2020 году пробьет планку в 100 млн пользователей. URL: <https://rg.ru/2020/04/15/auditoria-runeta-v-2020-godu-probet-planku-v-100-mln-polzovatelej.html> (дата обращения 22.12.2020)
3. Володенков С.В., Ромашкина А.Б. Технологии интернет-коммуникации как инструмент влияния на функционирование современных институтов власти: актуальные вызовы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. №1.
4. Володенков С.В., Артамонова Ю.Д. Информационные капсулы как структурный компонент современной политической интернет-коммуникации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 53.
5. Володенков С.В. Роль информационно-коммуникационных технологий в современной политике // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2018. Т. 18. № 2.
6. Гришин О.Е. Экологическая безопасность в контексте концепции Smart City: технологический аспект // Современный город: власть, управление, экономика. 2020. Т. 1.
7. Дроботенко О.Н., Соколов Н.Н. К вопросу о применении постнеклассической методологии к процессу разработки и принятия политических решений в информационном обществе // PolitBook. 2021. №1.
8. Златанов Б.Г. Феномен политической глобализации // PolitBook. 2017. №4.
9. Иванов О.Б. Политические интересы в социально-политических конфликтах современной России // Власть. 2017. №7.
10. Каминская Т.Л. Коммуникативные тренды российского экологического PR // Мир русского слова. 2019. №2.
11. Комаров О.Е., Соколов А.В. Перспективы развития краудсорсинга как формы диалога органов управления и общества // PolitBook. 2021. №1.
12. Лысенко В.С. О главной потребности человека // Наука и школа. 2015. №2.

13. Масланов Е.В. К типологии коммуникационных площадок в сети Интернет // Политика и общество. 2019. №1.

14. «Мы будем узнавать о чрезвычайных ситуациях из соцсетей? У вас там все в порядке со здоровьем?»: Путин устроил разнос из-за ЧП в Норильске. URL: <https://www.kp.ru/daily/27138/4229655/> (дата обращения 12.01.2021)

15. Соколов А.В., Беляков А.А. Потенциал развития гражданской активности в социальных сетях (на примере Ярославской области) // PolitBook. 2019. №4.

16. Соколов А.В. Особенности коллективных действий в современной России: динамика, цифровизация и результаты // Социальные и гуманитарные знания. 2020. Т. 6. №1(21).

17. Сквоиков А.К. Гражданское общество и государство: механизм взаимодействия // PolitBook. 2016. №4.

18. Сучкова А.А. Институционализация лоббистской деятельности в России как фактор повышения эффективности взаимодействия общества и государства // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2018. №1.

19. Barber B. Strong Democracy: Participatory Politics for a New Age. Berkeley: Univ. of California Press. 2003.

20. Curran J., Fenton N., Freeman D. Misunderstanding the Internet. London: Routledge, 2016.

21. Hine C. Virtual Methods: Issues in Social Research on the Internet. Oxford: Berg Publishers. 2005.

22. Vining A.R. Building the firm's political lobbying strategy // Journal of Public Affairs. 2008. №10.

References

1. Arutyunov A.G. Kommunikatsiya v gosudarstvennom upravlenii: aktual'nye voprosy i znachimost' // Aktual'nye problemy sovremennogo obshchestva: sbornik nauchnykh statei po materialam Vserossiiskoi (natsional'noi) nauchnoi konferentsii. Orel, 2019.

2. Auditoriya Runeta v 2020 godu prob'et planku v 100 mln pol'zovatelei. URL: <https://rg.ru/2020/04/15/auditoria-runeta-v-2020-godu-probet-planku-v-100-mln-polzovatelej.html> (data obrashcheniya 22.12.2020)

3. Volodenkov S.V., Romashkina A.B. Tekhnologii internet-kommunikatsii kak instrument vliyaniya na funktsionirovanie sovremennykh institutov vlasti: aktual'nye vyzovy // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki. 2020. №1.

4. Volodenkov S.V., Artamonova Yu.D. Informatsionnye kapsuly kak strukturnyi komponent sovremennoi politicheskoi internet-kommunikatsii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya. 2020. № 53.

5. Volodenkov S.V. Rol' informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologii v sovremennoi politike // Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk. 2018. T. 18. №2.

6. Grishin O.E. Ekologicheskaya bezopasnost' v kontekste kontseptsii Smart City: tekhnologicheskii aspekt // Sovremennyi gorod: vlast', upravlenie, ekonomika. 2020. T. 1.

7. Drobotenko O.N., Sokolov N.N. K voprosu o primeneni postneklassicheskoi metodologii k protsessu razrabotki i prinyatiya politicheskikh reshenii v informatsionnom obshchestve // PolitBook. 2021. №1.

8. Zlatanov B.G. Fenomen politicheskoi globalizatsii // PolitBook. 2017. №4.

9. Ivanov O.B. Politicheskie interesy v sotsial'no-politicheskikh konfliktakh sovremennoi Rossii // Vlast'. 2017. №7.

10. Kaminskaya T.L. Kommunikativnye trendy rossiiskogo ekologicheskogo PR // Mir russkogo slova. 2019. №2.

11. Komarov O.E., Sokolov A.V. Perspektivy razvitiya kraudorsinga kak formy dialoga organov upravleniya i obshchestva // PolitBook. 2021. №1.

12. Lysenko V.S. O glavnoi potrebnosti cheloveka // Nauka i shkola. 2015. №2.

13. Maslanov E.V. K tipologii kommunikatsionnykh ploshchadok v seti internet // Politika i obshchestvo. 2019. №1.

14. «My budem uznavat' o chrezvychainykh situatsiyakh iz sotssetei? U vas tam vse v poryadke so zdorov'em?»: Putin ustroil raznos iz-za ChP v Noril'ske. URL: <https://www.kp.ru/daily/27138/4229655/> (data obrashcheniya 12.01.2021)

15. Sokolov A.V., Belyakov A.A. Potentsial razvitiya grazhdanskoj aktivnosti v sotsial'nykh setyakh (na primere Yaroslavskoi oblasti) // PolitBook. 2019. №4.

16. Sokolov A.V. Osobennosti kollektivnykh deistvii v sovremennoi Rossii: dinamika, tsifrovizatsiya i rezul'taty // Sotsial'nye i gumanitar-nye znaniya. 2020. T. 6. №1(21).

17. Skovikov A.K. Grazhdanskoe obshchestvo i gosudarstvo: mekhanizm vzaimodeistviya // PolitBook. 2016. №4.

18. Suchkova A. A. Institutsionalizatsiya lobbistskoi deyatel'nosti v Rossii kak faktor povysheniya effektivnosti vzaimodeistviya obshchestva i gosudarstva // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Sotsiologiya. Politologiya. 2018. №1.

19. Barber B. Strong Democracy: Participatory Politics for a New Age. Berkeley: Univ. of California Press. 2003.

20. Curran J., Fenton N., Freeman D. Misunderstanding the Internet. London: Routledge, 2016.

21. Hine C. Virtual Methods: Issues in Social Research on the Internet. Oxford: Berg Publishers. 2005.

22. Vining A.R. Building the firm's political lobbying strategy // Journal of Public Affairs. 2008. №10.

**Л. Донай,
М. Щеглов**

**L. Donaj,
M. Shcheglov**

**ТЕХНИКА
МИФОЛОГИЗАЦИИ В
ИНФОРМАЦИОННОЙ
ПОЛИТИКЕ РОССИИ:
К СЕМИОЗИСУ СТАТУСА
«ИНОСТРАННЫЙ АГЕНТ»**

**TECHNIQUE OF
MYTHOLOGIZATION IN
THE INFORMATIONAL
POLICY OF RUSSIA:
TOWARDS THE SEMIOSIS
OF THE «FOREIGN
AGENT» STATUS**

Аннотация

Авторы статьи описывают семиозис термина «иностранный агент», который в последние годы прочно вошел в правовое поле современной России. Статья основана на исследованиях термина «иностранный агент» в русскоязычных статьях Н.А. Купиной и Н.Н. Соколянской. Эмпирический материал статьи состоит из анализа словосочетания «иностранный агент» в Национальном корпусе русского языка, устном корпусе данных. Ключевой гипотезой авторов является предположение, что использование термина «иностранный агент» является примером дискредитации политических оппонентов. В качестве методологической основы в статье используется дискурсивная теория гегемонии Лакло-Муффа. В качестве метода анализа выбран структуралистский семиотический анализ Р. Барта. В статье доказывается, что семиотическая конструкция термина «иностранный агент» в публичном информационном дискурсе является мифом, который используется в публично-политическом дискурсе как техника дискредитации оппозиционных организаций в России путем эксплуатации дискурсивной гегемонии холодной войны, что формирует его мифическую сущность в публичном поле российской политики сегодня. Слабые стороны мифа «иностранный агент» также описываются как пустое означающее, воплощающее в своей особенности недостижимую полноту.

Abstract

The authors of this article describe the semiosis of the term «foreign agent», which in recent years has become firmly entrenched in the legal field of contemporary Russia. The article is based on studies of the term «foreign agent» in Russian articles of N.A. Kupina and N.N. Sokolyanskaya. The empirical material of the article is a sample of the «foreign agent» in the National Corpus of the Russian language, an oral corpus of data. The authors' key hypothesis is the assumption that the use of the term «foreign agent» is an example of discrediting political opponents. As a methodological basis, the article is based on the Laclau-Mouffe discursive theory of hegemony. R. Barthes' structuralist semiotic analysis is chosen as the method for the analysis of the term «foreign agent». The article proves that the semiotic construction of the term «foreign agent» in public information discourse is a myth which used in public political discourse as a technique for discrediting opposition organizations in Russia through the exploitation of the discursive hegemony of the Cold War, which forms its mythical essence in the public field of Russian politics today. Weaknesses of the «foreign agent» myth are also described as an empty signifier that embodies in its particularity an unattainable completeness.

Ключевые слова:

информационная политика, информационная автократия, иностранный агент, миф, семиозис, гегемонистская интервенция, дискурсивное поле.

Key words:

informational policy, informational autocracy, foreign agent, myth, semiosis, hegemonic intervention, discourse field.

In the public and legal discourse field of contemporary Russia, the phrase «foreign agent» has been actively used for almost 7 years. The latest version of the law 30.12.2020 №481-ФЗ extends the status of a «foreign agent», in addition to organizations, to individuals who carry out «on the territory of the Russian Federation in the interests of a foreign state ... political activity and (or) targeted collection of information in the field of military ..., which, when received by a foreign source, can be used against the security of the Russian Federation» [1]. This status wording is the subject of controversy over its negative perceptions and connotations.

In the article «Ideologeme «Foreign Agent»: Three Days in July 2012» («Идеологема «Иностранный агент»: три дня в июле 2012 год») N.A. Kupina made a historical and linguistic analysis of this term, and proved the ideological negative connotation of the phrase. In 2018, in the scientific journal «Bulletin of the North-Eastern State University» («Вестник Северо-Восточного государственного университета») in the article ««Foreign agent» in the mirror of linguistics» (««Иностранный агент» в зеркале лингвистики»), an attempt was made to prove the presence of negative connotations in the subjective perception of this legal term also through a historical and linguistic analysis, but the authors of both articles did not analyze the structure of this term, paying attention to the connotative meaning. In addition, the analysis was carried out exclusively from the standpoint of linguistics, without any political science methodology. A full-fledged structural analysis of this phrase from the standpoint of semiotics and political science has not been made. Consequently, the authors of the article aim to describe the semiosis of the term «foreign agent». To do this, it is necessary to solve the following tasks: firstly, to build a semiotic structure of this term; secondly, to determine the connotative meaning of the phrase; thirdly, to outline the role of this term in the discursive field of Russian politics.

The authors of this article proceed from the hypothesis that the semiotic construction «foreign agent» in public discourse is a myth used in public political discourse as a technique for discrediting opposition organizations.

The methodological basis of the article is the Laclau – Mouffe discursive theory of hegemony. The main method of analysis is the structuralist semiotic analysis of Roland Barthes.

Semantics of «foreign agent»

From the standpoint of semiotics, the term «foreign agent» in the legal field represents a system of signifier, signified and sign. However, in the field of public discourse, the term is supplemented by a secondary semiotic chain. In order to see this process, it is necessary to deconstruct the first level of the semiotic scheme.

The word combination «foreign agent» at the first level («language-object») can be decomposed as follows: «foreign agent» as a form of words – the combination of an adjective and a noun represents the signifier (denotative meaning); the signified (connotative meaning) will be the normative content, the definition of this phrase as an individual or legal entity carrying out political activities and (or) collecting information in the interests of a foreign source against the security of the Russian Federation. Then, under the sign in this system, we mean the following: «a foreign agent as a person carrying out political activities in the interests of a foreign source against the security of Russia». As Roland Barthes rightly noted, this three-term system will clearly manifest itself when we move to the second level of the semiotic chain.

	Language «A»	Signifier A	Signified A
Myth «B»		Sign A (meaning) <i>SIGNIFIER B</i> (form)	
	<i>SIGN B</i> (signification)		

For a simplified understanding of the second semiotic chain, the authors will use Barthes' terminology, in which «Sign A» will be called the meaning, «Significant B» – the form, «Signified B» – the concept, and «Sign B» – the signification.

Thus, during the transition of «Sign A» into «Signifying B», the transformation of meaning into form in the secondary semiotic system takes

place. The former meaning of «a foreign agent as a person carrying out political activities in the interests of a foreign source against the security of Russia» is being emasculated, practically losing any connection with the legal definition. However, the form does not completely replace the meaning: there is still a subtle meaning, which is most often expressed in the fact that the term «foreign agent» is an official definition that is used by the state in its legal apparatus and is expressed in the corresponding law. As Barthes emphasized, the form is not a symbol of the concept, since the form is too visual [3, p. 117].

Having become a form, «Signifier B» must be filled with new history, new definition, new intentions. In other words, the concept should make up for lost circumstances and knowledge in form. There must be a deformation of meaning into a concept. Moreover, the concept itself is not a literal knowledge of reality; it reflects only the perception of reality, formed from vague associations [3, p. 118]. Thus, the purified «foreign agent as a person carrying out political activities in the interests of a foreign source against the security of Russia» is filled with concepts formed from a series of associations of meaning and form, the discursive context of the message and historical memory. In this case, the concept will be «spy», «traitor», «the Other», «enemy». The authors will consider how the process of filling the concept with these categories takes place below, in the second part of the article.

When we have an idea of the content of form and concept, we can now imagine the signification. In order for us to represent it, it is necessary to read this myth from the position that Barthes calls dynamic. In other words, we must see the signifier of myth as an inseparable link between meaning and form [3, p. 127]. In this case, the term «foreign agent» is already filled with «espionage», «betrayal», «alienity», «hostility». For us, as readers of the myth, the «foreign agent» includes the remnants of a legal definition, and historical memory, and subjective perception. This also confirms the legal uncertainty and ambiguity of the law on foreign agents [14, p. 113-114]. Applying the terminology of Roland Barthes, we can say that there is a state of struggle of languages: juridical and legal and public everyday [4, p. 536]. Such an approach is very close to the discourse theory of Laclau and Mouffe. The positions of these languages in the communicative space are in an unequal position: the legal definition does not correspond completely to the mythical signification. With its media, publicity, the meaning of the myth acts

from the position of a visible strong language system, as previously noted, subordinating the form to its own concept.

As already indicated above, the concept in myth is formed by association, context, historical memory. Revealing the mechanism of association requires from us not only a historical-linguistic (i.e. contextual), but also an ontological analysis of the term.

Linguistic ontology. The word «foreign» («иностранный») in Russian consists of two roots: «ин» and «стран». The first root is associated with the common Slavic word «other» («иной»), the semantics of which is interpreted in terms of «other», «dissimilar» [10]. Let us dwell on this semantic definition, since it is one of the key ones. «Other» or «Иной» in philosophy is associated with the projection of the «I» on the «Other» or with the antagonism «I / Other». Any of these traditions, in one way or another, confirms the presence of tension between these concepts, since by their ontological nature they are opposed: there is «I» and «non-I» (how similar «non-I» was to «I»). As rightly emphasized by D.A. Alekseeva, reducing «the relationship of» I «and» Other «to the relationship of identities means to recognize the impossibility of meeting with the» Other «, violating the order of meaning:» Other «is deprived of otherness» [2, p. 16] and notes the radical difference between the «Other» and the «I».

In conjunction with the root of «стран» (country, state), we get the semantic meaning «a country that is not mine» or «another country». The tension indicated above occurs in view of the context of the use of the term «foreign agent»: this person is present in «my» country and not in another country, i.e. the «other» is present in the «I», makes penetration, intervention in the «I» without consent, without permission and approval. In this case, the term is endowed with negative connotations from the standpoint of the «foreign agent» ontology.

To study the context of the use of the word «agent» in public discourse, we will consider the list of the use of this word in the «National Corpus of the Russian Language», putting parameters on the search in the oral corpus [15]. The most common use of the word «agent» is in the meaning of «spy» («шпион»), «intelligence officer» («разведчик»); then, by a wide margin, there are «intermediaries» (e.g. «PR-agent», «construction-agent», «banks-agents») and «actor» (e.g. «the agent is the solar wind»). Moreover, the use of the meaning «spy» and «scout» occurs often both in the topic of

politics and the public sphere, and in private life. As a result, the contextual understanding of «agent» in public discourse (and even in private) will most often be perceived precisely in the meaning of «spy», «intelligence officer». So, semantically, we get the meaning of «foreign spy» or «foreign intelligence officer».

Soviet-period stabilization of the term. The negative connotation of this term was proved in the articles of N.A. Kupina and N.N. Sokolyanskaya, in which the definitions of the term «foreign agent» and «foreign spy» in Russian dictionaries were studied. After analyzing the Great Soviet Encyclopedia, a dictionary of synonyms of the Russian language, a legal encyclopedic dictionary, as well as the president's speeches and the text of the law itself, N.A. Kupina noted the ineradicability of Soviet ideological associations, as well as the historical memory «an agent is a spy, and therefore an enemy» in the term «foreign agent» [9, p. 46]. This indicates incomplete compliance with the hermeneutic requirements of the law, since «ideological marking is stronger than functional-stylistic» [9, p. 47]. N.N. Sokolyanskaya studied the history of the term «agent» in the Russian language through academic legal and linguistic dictionaries of interpretation and synonyms, collections of «walking» words, fiction and also noted the negative connotation of the phrase «foreign agent» [17, p. 28]. The author sees the reason for this in the ambiguity of the word «agent», derivational and semantic connections with «subversive work», synonymy with «informant», «snitch», «spy» and the connecting semantics «foreign» [17, p. 29].

The media-cultural context played a significant role in the formation and stabilization of negative connotations in the image of a foreign spy in the Soviet period: the entire film industry, all media were state-owned, so the state order could not help but influence the creative process. It follows from this that all published literary works, all films in one way or another contained an ideological load that formed a citizen of the country loyal to the government. The history of the relationship between the socialist and capitalist blocs during the Cold War has a large number of spy scandals, secret operations and myths about the subversive activities of foreign agents in different parts of the world. On their background, propaganda actions were formed, aimed at shaping the image of the enemy. Spy novels, movies and posters were designed to maintain the psychological stress that existed in society [20, p. 66]. For example, propaganda posters often used the plot

that the spy is always nerdy, and that people may not suspect that the interlocutor is a spy. As a consequence, it was also actively postulated not to spread gossip and chatter and to be always attentive and vigilant.

Of particular importance in media culture was given to such constructive signs as: physiological characteristics, behavior, clothing, language. For example, in Soviet films about Western spies classified in the diplomatic service, the roles of spy-diplomats were played by Baltic actors: «Western» appearance and accent were used by Soviet directors to create and fill images of the Western world [20, p. 68].

In the propaganda the image of a foreign spy in the USSR was often presented with the use of zoomorphic metaphors. This was especially common for the period of 1920-1950-s. In the analysis of Soviet propaganda D. Weiss deduced the parameters of the classification of animals. Among them we are interested in: ontological status (real-life animals / mythological), habitat (land, water, air), attitude towards humans (wild / domestic animals, useful / pests), emotional attitude (admiration / contempt, affection / disgust, hope / fear), attitude towards other animals (predator / prey), political axiology (friend / enemy) [19, p. 424]. The image of a spy was characterized by an enemy political axiology, a desire to arouse contempt and disgust. At the same time, D. Weiss also notes that in the menagerie of the camp of the image of enemies there was a fairly wide variety: animals (wolves, tigers, monkeys), domestic animals (dogs, pigs, chickens, sheep), reptiles (snakes, spiders, drones, fleas, flies, toads), fish (sharks, octopuses), birds (vultures). For example, in the propaganda of the period of the Great Patriotic War, German soldiers were portrayed as pigs, which appealed to Russian everyday speech, in which this animal has connotations of uncleanliness, rudeness and impudent behavior, ingratitude [19, p. 431].

Also, characteristic is the use of a double zoomorphic image, which appeals to the secrecy of spies. For example, in the famous Soviet poster, the enemy is hiding under the innocent image of a sheep, when his «real» zoomorphic essence is a wild wolf.

These material-visual techniques, as well as the dominance of spy novels and films in which heroes fight against enemy agents, helped to stabilize the concept of a spy and an agent as an enemy, since the terms scout («разведчик») were more used in relation to friendly characters.

Thus, the concept of the myth «foreign agent» deforms the previous meaning of the term, emasculating its legal definition and filling it with negative intentions, the history of the Cold War, spy-mania and notions of «traitors» and «enemies».

«Foreign agent» in the contemporary Russian discourse field of politics

This part will present the role of the term «foreign agent» in Russian politics through the prism of constructing a discourse around the above phrase. To do this, it is necessary to indicate step by step the main points of this political project through the prism of the discourse theory of Laclau and Mouffe.

Creation of the discourse «foreign agent». Any political is a discursive operation. Discourse creation is an articulation operation - any practice that establishes a relationship between elements in such a way that their essence changes with the change in the given practice [11, p. 105]. The studied example of the mythologization of the term «foreign agent» can be presented as an articulation of the connotations of the Soviet period and the current policy of the state in Russia, as a result of which the discourse of «foreign agent» is formed.

The main actor who initiated the formation of a new quality of this discourse was the state. As we have shown above, this phrase is closely related to the period of the Cold War spy mania, when such phrases were actively used in propaganda and even in the literature of the USSR. During the Soviet period, it was possible to form a solid hegemony of the meaning of this phrase, associated with the hostile actions of the capitalist countries.

Today we can observe an attempt to rehabilitate this term, an attempt to re-establish discursive hegemony through the exploitation of the connotations of the Soviet period. To this end, the state took several steps at once to «revive» the hegemony. Firstly, this term has received legal force, legality: it has become a household name in federal law. Secondly, with this change, it was given state support, political strength: it was endowed with legitimacy. Thirdly, the phrase turned out to be at the center of the public: it became a rumor for almost every media consumer.

Discourse informational environment. The important conditions for maintaining the state hegemony of the «foreign agent» discourse are two factors - the presence and reproduction of negative connotations of the term in the Soviet period and the discursive environment - a limited (or closed)

informational discourse field. By this the authors mean the information policy of a non-democratic state, where the political elite seeks to retain power by non-democratic institutions and methods, including state control of the largest television and Internet media.

According to the classification of Guriev and Treisman, Russia can be attributed to the states of information autocracies. Informational autocracies establish limited public discourse i.e. block access to the discussion to some of its participants, as well as to information. The technique of propaganda in information autocracies is subordinated to the goals of excluding organizations and individuals opposing the regime from the public space, as well as maintaining the status quo of the regime. In informational autocracies, the media become an instrument of non-democratic government for publishing and popularizing government decisions and have practically no influence on political decisions [18, p. 181]. Instead of terrorizing or instilling ideology in the population, rulers remain in power by making citizens believe they are competent and patriotic [7, p. 101]. Moreover, the tactic of the media is not selling truthful information, but satisfying emotions, such as national pride and a sense of security, a sense of national unity [18, p. 180]. To do this, the state has the tools to control any individual media, including changing the ownership of an organization, putting pressure on businesses that own media or buying advertising, or looking for a legal excuse to stop publishing or broadcasting if the media acquires unwanted powers [16, p. 9]. This control can be carried out by direct government intervention, but the most common tactic is cooptation and to attract loyal shareholders to key media companies, which, together with the risks of loss of benefits and harsh legal sanctions, strengthens self-censorship [18, p. 166].

The political myth, consisting of symbols, is used to clarify and justify specific power practices [13, p. 9]. The main function of the «foreign agent» discourse in Russian informational policy is to discredit unwanted opponents with negative connotations of the concept. The limited information environment created by the hybrid mode contributes to the mythologization of the term, since prejudices are formed under the conditions of restricting the presentation of information, persons and interests [5, p. 21]. It is also worth noting that the law itself imposes restrictions on the activities of persons and organizations recognized as «foreign agents» related to transactional bureau-

cratic costs, expressed in particular in the application for inclusion in the list of individuals performing the functions of a foreign agent [1].

Weaknesses of the «foreign agent» discourse. Nevertheless, the very structure of this discourse contains a threat to its hegemony. According to Laclau and Mouffe, any discursive hegemony has a counter-hegemony because any discourse is antagonistic. In fact, the term «foreign agent» is an empty signifier that embodies in its particularity an unattainable completeness [12, pp. 70-71]. The flexibility and variability of the associativity of the concept allow us to say that the consequences of the practice of using the «foreign agent» status will depend on the social actors that influence the articulation of this term. [8, p. 2529]. Today, the former Soviet connotations fill this meaning with a negative connotation, but the risk of losing this hegemony is great. It is related to the practice of using this term, which may diverge from the previous connotation: each subsequent «foreign agent» who does not look like a foreign spy requires more and more resources to maintain the negative connotation of the term. Moreover, there is a clear risk that this concept may become so overloaded with meanings that it will not make sense in itself: it will become «empty» precisely because it is too «overflowing». Nowadays linguists note the melioration of this term in youth discourse, as well as the consideration of this term as a modern euphemistic analogue of the «enemy of the people» [6, p. 210]. In addition, we shall not forget about the possibilities of creating your own media channels on the Internet, which allows you to undermine the state's monopoly on information, and therefore destroy the connotations of the Soviet period.

Research into the term «foreign agent» has shown that its semiotic structure represents a double semiotic chain which is typical for a myth. This means that in formal legal discourse the signified «foreign agent» will correspond to its legitimate definition as a single semiotic system, but in public discourse the term represents a myth filled with the concept associated with negative intentions, the history of the Cold War, and notions of «spies».

The negative connotations of the concept of myth is based on the associative series, which is formed both in the ontology of the term «foreign agent» (forming the idea of «the Other in I»), and in the context of the use of the words «agent» and «foreign agent» in public information discourse.

The formation of the «foreign agent» myth is an example of discrediting political opponents through the establishment of hegemony in political

discourse by endowing state legality with the law of a term that rose from the Soviet period, which formed its mythical essence in the public field of Russian politics today. The functionality of this discourse has also changed towards targeted repressions aimed at intimidating and discrediting political actors in the image. The main conditions for maintaining the state hegemony of this discourse are – the limitation of the public information space to opposition organizations and individuals, as well as the preservation of negative connotations of the Soviet period.

References

1. O merakh vozdeistviya na lits, prichastnykh k narusheniyam osnovopolagayushchikh prav i svobod cheloveka, prav i svobod grazhdan Rossiiskoi Federatsii. Federal'nyi zakon ot 28.12.2012. №272. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139994/db1ec10278959044da8a5c31b9fc00cc944f0b12/ (accessed 20.04.2021).

2. Alekseeva D.A. Conceptualizing the Other in Ontology: dissertation abstract: 09.00.01. MSU M.V. Lomonosov. Moscow, 2005.

3. Barthes R. Mythologies. NY., USA: The Noonday Press.

4. Barthes R. Selected works: Semiotics. Poetics. Moscow: Publishing group «Progress», «Univers», 1994.

5. Chernikh A.I. Media and democracy. St. Petersburg: Universitetskaya kniga, 2011.

6. Evstigneeva M.E. On the generational aspect of modern political discourse // *Sovremennoye pedagogicheskoye obrazovaniye*. 2021. №5.

7. Guriev S., Treisman D. Informational Autocrats // *The Journal of Economic Perspectives*. 2019. Vol. 33, №4(Fall 2019).

8. Huvila I. The Politics of Boundary Objects: Hegemonic Interventions and the Making of a Document // *Journal of The American Society for Information Science and Technology*. 2011. №62(12).

9. Kupina N.A. Ideologeme «Foreign Agent»: three days in July 2012 // *Politicheskaya lingvistika*. 2012. №3.

10. Krylov G.A. Etymological online dictionary. URL: <https://lexicography.online/etymology/krylov/%D0%B8/%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%B9> (дата обращения 20.04.2021).

11. Laclau E., Mouffe C. Hegemony and socialist strategy: Towards a radical democratic politics (2nd ed.). London: Verso, 2001.

12. Laclau E. On populist reason. London: Verso, 2005.
13. Lasswell H.D. Language of Politics // ed. H.D. Lasswell, N. Leites, etc. NY., US: G.W. Stewart Publisher Inc., 1949.
14. Lutsenko E.S. Category «Non-Profit Organization Performing the Functions of a Foreign Agent» in Russian legislation // Science and Education: Farming and Economy; Entrepreneurship; Law and Governance. 2018. №2(93).
15. National corpus of the Russian language. URL: https://processing.ruscorpora.ru/search.xml?lang=ru&sort=i_grtagging&lex1=%D0%B0%D0%B3%D0%B5%D0%BD%D1%82&g=i_doc&dpp=10&spp=50&text=lexgramm&kwsz=5&sem-mod1=sem&level1=0&p=4&mode=spoken&parent1=0&sr=1&spd=10&nodia=1&out=normal accessed 20.04.2021).
16. Petrov N., Lipman M. & Hale H.E. Three dilemmas of hybrid regime governance: Russia from Putin to Putin // Post-Soviet Affairs. 2014. №30:1.
17. Sokolyanskaya N.N. «Foreign agent» in the mirror of linguistics // Vestnik Severo-Vostochnogo universiteta. 2018. №29.
18. Treisman D. The new autocracy: Information, Politics, and Policy in Putin's Russia. Washington, D.C., US: The Brookings Institution, 2018.
19. Weiss D. Slavistische Linguistik. Tiere in der Sowjetpropaganda: verbale und graphische Stereotypen // ed. T. Berger, J. Raecke, T. Reuther. München, 2006.
20. Zobnina E.S. «I changed names, I changed cities»: the image of a spy in Soviet popular culture during the Ottepel' // Second Winter School in Humanities Informatics. Collection of abstracts. Kaliningrad: Immanuel Kant Baltic Federal University, 2018.

**А.А. Атаманенко,
Б.Г. Златанов**

**A. Atamanenko,
B. Zlatanov**

**СЕТЕВЫЕ СООБЩЕСТВА
И ТЕРАПЕВТИЧЕСКОЕ
ГОСУДАРСТВО:
ТОЛЕРАНТНОЕ
НЕПРИЯТИЕ В ЭПОХУ
ЦИФРОВИЗАЦИИ**

**NETWORK COMMUNITIES
AND THE THERAPEUTIC
STATE: TOLERANT
REJECTION IN THE AGE
OF DIGITALIZATION**

Аннотация

Статья фокусируется на рассмотрении феномена цифровой идентичности и ее функционирования в условиях современной государственной и международной политики. Выделена методология формирования новой плоскости национальной идентичности, рассмотрены побочные процессы этого формирования, его влияние на национально-политический контур современного политического образования. Рассмотрены процессы, происходящие внутри цифровой нации и сетевых сообществ. Выделены разделяющие цифровую нацию критерии и выявлен процесс цифровой маргинализации – исключения определенных членов идентичностного сообщества из взаимодействий в рамках сети и появление параллельных идентичностей, цифровой и физической. В контексте цифровой нации рассмотрен феномен терапевтического государства и его применимость к «излечению» социальных недугов периода цифровой трансформации государства и общества. Постоянная и постепенная дигитализация социального элемента идентичности позволяют изучить роль социальных медиа в формировании сетевых сообществ. Сопоставлены основные принципы терапевтического государства и особенности функционирования интернета как социального публичного пространства. Интернет как цифровое инструментальное поле предполагает качественно новое распределение ценностей и, соответственно, совершенно иные методы управления, обусловленные децентрализацией процессов и

Abstract

The article focuses on the phenomenon of digital identity and its functioning in the context of modern state and international politics. The methodology of forming a new plane of national identity is highlighted, side processes of this formation, its influence on the national-political contour of modern political education are considered. The processes occurring within the digital nation and network communities are analyzed. The criteria dividing the digital nation are highlighted and the process of digital marginalization is revealed - the exclusion of certain members of the identity community from interactions within the network and the emergence of parallel identities, digital and physical. In the context of a digital nation, the phenomenon of the therapeutic state and its applicability to the "cure" of social ailments during the digital transformation of the state and society are considered. The constant and gradual digitalization of the social element of identity allows us to study the role of social media in the formation of network communities. The basic principles of the therapeutic state and the functioning of the Internet as a social public space are compared. The Internet as a digital instrumental field implies a qualitatively new distribution of values and, accordingly, completely different management methods, due to the decentralization of processes and possible anonymity of users of the network space. In these conditions, it is necessary to appeal to the value apparatus created by the political economy of commentary. The publicity of

возможной анонимностью пользователей сетевого пространства. В этих условиях необходимо апеллировать к ценностному аппарату, созданному политэкономией комментария. Публичность интернета и обязательное создание дискуссионных площадок, способных аккумулировать решение, вынуждают государство быть на одном уровне с другими акторами сети и точно так же через цифровые аватары государственных институтов заслуживать доверие своих граждан. Необходимость постоянной и понятной обратной связи в том числе создает совершенно новые условия диалога государство-гражданин, а цифровая активация индивидуализирует взаимодействие с обществом, позволяя гражданину почувствовать себя частью изотимической системы, в которой каждый ощущает свое гражданское политическое достоинство.

the Internet and the mandatory creation of discussion platforms that can accumulate a solution force the state to be on a par with other network actors and in the same way, through the digital avatars of state institutions, earn the trust of their citizens. The need for constant and understandable feedback, including creating completely new conditions for dialogue between the state and the citizen, and digital activation individualizes interaction with society, allowing the citizen to feel part of the isotymic system in which everyone feels his civil political dignity. Nevertheless, such policy relies on a high degree of consciousness of each actor and a desire to come to a system of universal respect.

Ключевые слова:

идентичность, политика идентичности, цифровизация, сетевая теория управления, социальные медиа, сетевые сообщества, интернет, цифровая трансформация.

Key words:

identity, identity politics, digitalization, network management theory, therapeutic state, social media, network communities, the Internet, digital transformation.

Современное общество, подверженное тенденциям цифровизации и медиатизации, предъявляет совершенно иные, отличные от сравнительного недавнего времени, требования к самостоятельности идентичности. В связи с тем, что так или иначе происходит переход групповых взаимодействий в цифровую среду, некоторые члены национальных групп оказываются функционально неспособны полноценно участвовать в формировании политических и социально-экономических вопросов на институциональном уровне национальной сознания. В некотором смысле можем разделять категории национальной идентичности в физических ее проявлениях и в условиях сетевых сообществ, выделяя разные возможности потенциальной самоидентификации в одной из этих двух категорий. Изучение сферы политической социализации в обществе позволяет сказать, что на данный момент возникает феномен «цифровой маргинализации», когда переход из физического поля национальной идентичности в комбинированное с цифровым затруднен либо полностью не закончен. Этот переходный период порождает ослабление традиционных норм при не до

конца четкой фасилитации этих самых норм, транслированных в цифровое пространство. Данный процесс неразрывно связан с так называемыми «цифровыми аборигенами», которые родились после цифровой революции и во многом близки к цифровой интерпретации национальной идентичности, поскольку большая часть их интеракций происходит именно в условиях цифрового пространства. Социально-политический разрыв, созданный цифровой революцией, приводит к сильной ценностной дифференциации нативных жителей цифрового пространства и представителей более консервативного подхода к осознанию собственной идентичности. Собственно, это и порождает появление цифровых маргиналов, чуждых цифровой национальной общности. Такое разделение безусловно становится причиной нового типа кризиса идентичности, где причиной вступает сам алгоритм причисления и артикуляции нацией своей физической и цифровой уникальности.

Стоит отметить, что предметом кризиса выступает не сама модель причисления, а ее входные и выходные каналы. Рассматривая современную нацию в первую очередь как мы-сообщество, объединенное общим историко-социальным опытом и опытом политического самоуправления, можем сказать скорее о функциональном значении национальной идентичности. Цифровой аспект в данном случае предполагает учет самопричисления индивида в процессе коммуникации с представителями других мы-сообществ [3, с. 22-25]. Постепенно возникает такая ситуация, в которой политическая самоидентификация синхронизируется с национальной, более широкий масштаб приобретает явление параллельных идентичностей, поскольку сетевые сообщества менее подвержены условностям и формальному разграничению индивидов по общественному признаку. В случае цифрового и физического вариантов идентичности по факту используется одна и та же функциональная модель, однако изменяется причинно-следственная связь между элементами данной модели. Если физическая идентичность – это формат использования бытовых норм и практик определенного лингвокультурного и сообщества, выступающего субъектом политического процесса, на основе чего уже происходит ретрансляция данных практик в цифровые сети, то цифровая идентичность завязана на использовании коммуникационных механизмов, присущих сообществу, и публичной манифестации своей принадлежности к нему, исходя из которой могут последовать определенные значимые в

этом дискурсе действия за пределами виртуального пространства. На основе этого можем судить о идентичности в рамках международной глобальной политической сети, механизмы которой регулируют существующие отношения [6].

Затрагивая понятие сети, мы так или иначе должны проанализировать моменты архитектурной сложности в построении нации. Синергетика любой сети – это в первую очередь конкуренция и кооперация различных акторов, по отдельности неспособных справиться с решением определенных политических проблем, поэтому отличительной особенностью национального дизайна в цифровом пространстве можем называть большую нацеленность на конкретную проблематику и структуризацию уже вокруг этой проблематики. Такой подход предполагает первостепенную роль не институтов, а именно взаимодействий и взаимоотношений между отдельными субъектами политического пространства. Стоит сказать, что связи национальной сети охватывают далеко не только политический аспект, в связи с чем возникает более целостный и органичный поток сообщений, в сугубо физическом проявлении нации невозможный ввиду отсутствия соответствующих технологий и механизмов взаимодействия [9, с. 446-464]. Отдельно необходимо упомянуть о том, логика сети строится вокруг когнитивной идеи «креативного напряжения», согласно которой каждый ее участник способен совершить социально и политически значимое действие, последствия которого смогут ощутить все остальные субъекты сети. То есть речь идет о том, что каждый член нации выступает создателем интеллектуального контента, маркированного принадлежностью к данной нации, и может этот контент разместить на публичной площадке, доступ к которой имеется у значительно большей аудитории, чем в аналогичном случае в физическом пространстве. Данный базис предполагает достаточно широкий доступ в целом представителей нации к конкретным технологиям и частоту их использования. Основной конфликт этой парадигмы заключается в четко выраженном демографическом составе таких внутри- и межнациональных взаимодействий: в связи с тем, что основными пользователями социальных сетей выступают в основном люди в возрасте от 15 до 35 лет, что затрагивает возрастные группы, участие которых в политическом процессе может быть не до конца артикулировано. При этом из рассматриваемой модели исключаются группы иных возрастов, поскольку чисто статистически умение и желание пользоваться ме-

ханизмами виртуальных сетей у данной аудитории находятся на критически низком уровне. Можем сказать, что «креативное напряжение» при такой ситуации распределено неравномерно и неравнозначно, что вызывает трудности при необходимости консолидировать нацию с использованием единых для всех механизмов.

Складывающаяся ситуация вкупе с усиливающимися тенденциями мировой глобализации становится причиной кризиса национальных идентичностей нового характера. Теперь причина кризиса заключается не во внешних факторах, стремящихся привести нацию к обобщению с международным комьюнити, а в разных категориях сознания представителей одного и того же национального политического сообщества [7, с. 204–209]. В свое время еще классик-экономист Фридрих Лист в своей работе «Национальная система политической экономии» писал о необходимости интеллектуального и политического единства нации для эффективного функционирования всех процессов внутреннего и внешнего взаимодействия. Текущая же система выстраивается так, что в цифровом и физическом пространстве происходит образование качественно разных наборов фреймов. Их корреляция не так проста в связи с разными образами и разными коммуникационными механизмами. В связи с этим затрудняется агрегация мы-сообщества, так как фокус взаимодействий идет на различия, а не на сходства. Выходит, что очень многие социальные группы оказываются исключенными из процесса национального построения в аспекте сетевой идентичности. Это и есть явление цифровой маргинализации.

Суть любого политического управления состоит в разрешении конфликтных ситуаций, которые возникают во время взаимодействия значимых социальных групп. Собственно, тот разрыв, который возникает между реальной и виртуальной средами, как уже было установлено, происходит из-за того, что социальные матрицы фрагментируются и разделяются, то есть цифровые изменения становятся некомфортными для определенных людей. Получается, что вопрос снижения социального напряжения состоит в создании условий внутри страны, которые позволят каждому гражданину ощущать свою ценность и видеть свое место в общественных системах. На самом деле, интеллектуальная обработка данной проблематики уже не нова в общемировом академическом сообществе.

В своей новой работе «Идентичность. Стремление к признанию и политика неприятия» американский исследователь Френсис Фукуяма ис-

пользует понятие терапевтического государства как новую идею национального политического образования. С его точки зрения, современное государство «лечит» своих граждан от душевных и эстетических недугов, укрепляя чувство идентичности и позволяя гражданам ощущать достоинство. Принципы современной либеральной демократии действительно основаны на изотимии, то есть стремлению к признанию личного достоинства каждого члена общества вне сравнения его с другими индивидами [10]. Собственно, государственные институты в такой парадигме вполне вероятно могут выступать своеобразными медиаторами, чья обязанность сводится к созданию наиболее комфортных условий для каждого отдельного гражданина сообразно его запросам [12]. В этой ситуации возникает вопрос: способно ли терапевтическое государство поддерживать национальное единство и вести последовательную национальную политику? В аспекте цифровой трансформации эта задача в разы усложняется, поскольку в сложившихся условиях конструирование национальной идентичности и ее поддержание должны происходить в двух совершенно различных инструментальных плоскостях с их последующим совмещением. Сложность имплементации такой модели сопоставима, наверное, со строительством Вавилонской башни, когда каждый актер работает в своей функциональной плоскости и не может полностью разделить ценности других.

Сам по себе термин «терапевтическое государство» был введен в научный оборот в 1984 году и подразумевал превентивное устранение социального напряжения через деятельность государственных институтов. Данная модель может существовать только в условиях либеральной демократии, проявляясь в основном через институты образования и медицинского сопровождения [23]. Собственно, сама терминология располагает к ассоциациям с болезнями и их устранением. Еще более аллегоричной терминология становится, когда мы переносим ее в дигитальное пространство. Компьютерные вирусы, атаки на персональные данные – это уже не столько технический, сколько социальный понятийный аппарат. Последствия столкновения с данными вещами выливаются в точно такую же общественную патологию, как после преступления. Собственно, мы видим, что и на законодательном уровне большая часть государств создает нормативную базу для взаимодействия человек-человек в виртуальном пространстве [24].

Так какой же «недуг» становится центральным для современных национальных государств? Влияние глобализации, ТНК, хаотизация миграционных процессов и усиление сепаратистских настроений по всему миру ставит под угрозу политическую идентичность любого общественно-образованного образования [1, с. 17-19]. Все большая и большая фрагментация общества на отдельные группы, которые очень часто функционируют в диаметрально противоположных ценностных парадигмах, препятствует формированию единого мы-сообщества. К примеру, турок-мигрант в Германии, живущий там на протяжении десяти лет, все равно чувствует себя больше турком, нежели немцем. Во многом это обусловлено и тем, что уже сформированные сообщества не принимают новые группы в процессы взаимодействия, препятствуя ассимиляции [4, с. 115,125]. Такие процессы могут происходить и внутри уже сформированных мы-сообществ, поскольку любой социальный прогресс предполагает развитие и изменение ценностного и функциональных аппаратов. При радикальных переходах, конечно, формируются антагонистические отношения, которые и порождают маргинализацию определенных слоев населения. Часто можем встретить модель, когда сначала условно «прогрессивная» группа выпадает за рамки социальных взаимодействий и принятия достоинства, а затем уже наиболее консервативные группы обнаруживают себя несколько исключенными из типичных паттернов взаимодействия. Такой «маятник» требует постоянной поддержки, регулирования, поскольку в ином случае процесс рискует прийти к крайней форме кризиса [5].

В этой ситуации терапевтическое государство может выступить в роли инженера идентичности, который фокусируется на бэкграунде самоуправления и общих чертах всех групп при конструировании единой государственной идентичности. Собственно, британский исследователь Д. Кэннадин в своей работе «The Undivided Past» говорит о том, что нам свойственно фокусироваться не на наших сходствах, а на различиях, хотя их по факту заметно меньше. Связано это с тем, что желание выделить себя в уникальную группу внутри сообщества часто берет верх над альтруистическими мотивами. Однако практика показывает, что в ситуации, когда индивид-альтруист проигрывает индивиду-эгоисту, сообщества альтруистов в любом случае оказываются заметно успешнее сообществ эгоистов. Как раз модель терапевтического государства позволяет совершить поворот в методологии выстраивания мы-сообщества, повысить степень

интегративности любого сообщества и при этом минимизировать культурные и политические ущемления отдельных групп [11].

Безусловно, сама по себе модель представляется достаточно многообещающей и инновационной. Тем не менее, очень остро встает проблема фактической имплементации выделенных принципов в систему государственного управления, публичной политики, работу общественных объединений. Модель терапевтического государства уязвима к агрессивной культурной интервенции, поскольку предполагает высокую степень сознательности отдельных участников политического процесса и позитивный дискурс работы. Кажется, что наиболее близко к модели терапевтического государства пришла миграционная система США, в которой мигрантам второго-третьего поколения уже достаточно просто получить гражданство. Длительный опыт по ликвидации расовой сегрегации и урегулированию национальных конфликтов позволил США с точки зрения миграции выработать действительно изотимическую систему, которая в своем законодательном дизайне устраивает как нативное население страны, так и приезжих [16; 17]. Это утверждение будет также применимо и к ситуации с жителями цифрового и реального пространств. Необходимо создать такую систему цифровой социализации, которая позволила привычным моделям взаимодействия постепенно трансформироваться с упором на дигитальную среду.

Тем не менее, из-за угроз со стороны внешнего контура, уже обозначенных выше глобализации и влияния ТНК, американское правительство сейчас поворачивает миграционную политику в сторону более репрессивного регулирования, где фокус сильно смещается исключительно на благополучие уже граждан страны. Эта тенденция начинает проявляться во многих европейских странах: Франции, где Марин ле Пен заявляет о национальной неделимости Франции, Германии, где партия «Альтернатива для Германии» вносит во внутривнутриполитическую повестку обсуждение легального статуса представителей сексуальных меньшинств, Венгрии, где политика Виктора Орбана основана на идее защиты венгерской идентичности от любого внешнего вмешательства. Аналогичные конфликты могут произойти и в поле цифровой маргинализации [22]. Недостаточное внимание, уделяемое политике совмещения разных функциональных полей, может привести к кризису внутренних интеракций граждан. Непосредственно социальное время, то есть время, уделяемое

на общение, между этими двумя полюсами. Конечно, в краткосрочной перспективе конфликты такого плана не станут особо острыми, однако в будущем разрыв может увеличиться, что приведет к разделению не только национальной и государственной, но и общечеловеческой идентичностей.

Выделенная тенденция, а именно постоянная медиатизация и кибернетизация сетевых сообществ, на самом деле уже достаточно давно проявляется, а сами цифровые общности становятся предметом всесторонней интеллектуальной обработки. Феномен социальных медиа как таковых привел нас к тому, что привычные политические и экономические идеалы и ценности перестают быть авторитетными для обитателей медийной среды, поля достаточно хаотичного и закрытого для попыток централизации. Возникает закономерный вопрос: а что же тогда делает сетевые сообщества социальными? Ведь при постоянной алгоритмизации наших общественных интеракций, многие аспекты все еще не поддаются и никогда не будут поддаваться математическим расчетам. Как писал исследователь MIT Джозеф Вейценбаум, не все аспекты реальности поддаются вычислению. Эта мысль видится особенно актуальной в условиях цифровизации и возникновения цифровой маргинальности, препятствующей естественным интегративным процессам в ходе социального развития. Экономика лайка и политэкономия комментария разрушают те грани социального, которые находятся за их пределами, ведь генерируемый текст не содержит в себе вещей, которые нельзя оцифровать. Такая трансформация механизмов передачи смыслов с одной стороны дает нам в разы больше возможностей самовыражения, а с другой деконструирует привычные социальные инструменты и делает их использование архаичным и иногда даже невозможным. Политика идентичности таких сетевых сообществ формируется не вокруг концепта внешнего Другого, который делит всех субъектов на «нас» и «их». Чувство общности киберсообщества возникает вокруг идеи свободных интеракций и свободной информации, которая может быть подвергнута бесконечному количеству интерпретаций. Культура комментария – вот что формирует цифровую идентичность. Будучи одновременно средством выражения и инструментальным полем, каждый комментарий представляет из себя суверенную единицу информации, которая взаимодействует с другими, создавая дискурс медиатизированного общества. Комментарий становится критерием социальности – входным и выходным каналом целей и запросов отдель-

ного индивида во взаимодействии с отдельными индивидуальными и коллективными сознаниями [26].

В этом поле происходит неосознанная попытка разделения двух плоскостей идентичности: условно «физической» и цифровой. Виртуальный аватар, через который пользователь сети выстраивает свои социальные связи, оказывается не столько конструируемым выражением человека, сколько некоторым информационным цензом. Социальные сети предполагают заполнение определенных одинаково для всех сформулированных граф. Таким образом, на подобных платформах человек не конструирует свой образ, а транслирует часть необходимых характеристик. Критерий необходимости при это субъективно определяется исключительно разработчиками, то есть рождается на основе технологических и информационных возможностей того или иного разработчика. Разговор об аватарах с точки зрения цифровой идентичности кажется особенно важным в связи с тем, что без их использования человек не может оставить ощутимый цифровой след, а значит и сохранить свое наследие сетевых интеракций. Здесь вступает в полную силу конструирующая современную кибер-идентичность экономика лайка, распространяющаяся на культуру комментария. Жителю сети информационные ценности, то есть произведенный им текст и его оцененная значимость, в большинстве случаев гораздо дороже, чем материальные блага физического мира. Соответственно, это и создает актуальность изотимической системы как информационной политики терапевтического государства. Задача политического управления в данном случае состоит в устроении таких условий, в которых каждый гражданин мог бы получить свою долю цифрового признания и соблюсти при этом общественный баланс. Данная задача безусловно крайне сложна в своем выполнении, однако можем предположить возможные сценарии, при которых терапевтическое государство удовлетворяет потребности своих граждан в равном признании [19].

Вопрос равного достоинства в аспекте государственной политики должен быть решен на уровне реальных и эффективных механизмов управления, поддерживающих социальность на технически запрограммированных платформах. Политическое присутствие в сети и соответствие его базовым запросам культуры интернет-пользователей становится для современного государства достаточно непростой задачей, именно восприятие государственных институтов через сетевые аватары в виртуальном

пространстве формирует имидж государства и готовность граждан взаимодействовать с ним уже в физическом мире. Заметно усложняет проведение единой и эффективной цифровой политики как таковая неуправляемость сетевого сообщества, поскольку фактор управленческого принуждения в сетевой среде заметно ниже. Возможная анонимность, достижение которой в интернете гораздо проще, нежели при непосредственном взаимодействии с субъектом, снижает чувство ответственности и повышает риски возникновения ситуации. Более того, феномен «троллинга», намеренного сатирического издевательства над собеседников, и его более социально опасная версия, кибер-буллинг, становятся реальными угрозами для стабильности социальных интернет-общностей. И повлиять на непосредственных инициаторов дестабилизационных процессов не всегда возможно, будь то из-за трудности в идентификации конкретных акторов или из-за несовершенства законодательства и правоприменительной практики в сфере цифрового права. Последнее часто, в связи с новизной и инновационностью поля, на уровне нормативного дизайна пытается работать как ретранслятор традиционных норм и правил поведения на фреймы и паттерны сетевых взаимодействий [21]. Как мы выяснили, такой подход в целом неверен, поскольку ценностный и идентификационный дискурсы социального аспекта интернета формируются по совершенно иным правилам, нежели аналогичные в физическом пространстве. Получается, что для наиболее эффективного и взаимно понятного взаимодействия с пользователями сети государство должно функционировать и мыслить как рядовой пользователь интернета, таким же образом доказывая свое достоинство и привлекая внимание пользователя в информационном потоке. Одновременно с этим необходимо выстраивать доверительную модель управления своего сегмента интернета, чтобы через него влиять на социальные пласты сети, управляемые экономикой «лайка» и политэкономией комментария [25]. Такая необходимость вынуждает терапевтическое государство не управлять общественными процессами в сети, а быть медиатором в коммуникационной сфере, создавая основу изотимической социально-культурной матрицы.

Какие механизмы могут быть применены, чтобы систематизировать социальную сторону интернета? На самом деле, алгоритм работы как таковой может быть выделен, но успешность его имплементации будет зависеть исключительно от культурных особенностей данной идентичности. Прини-

мая во внимания, что каждое политически развитое государство так или иначе присутствует в сетевом поле, можем выделить следующие направления работы государственных институтов в этой среде:

1. Создание условий для немедленной и понятной обратной связи, как со стороны граждан, так и со стороны государства.

2. Создание открытых цифровых платформ и форумов для обсуждений. Такие платформы должны модерироваться государством и формировать повестку цифровой политики.

3. Цифровая активация граждан через дистанционное принятие решений. Поскольку как таковой формат цифровой активации позволяет создать ценность участия его использование государством соответствует запросам на отчасти децентрализованную систему управления и инициацию публичного управления через политэкономия комментария.

Реализация данных направлений как идеальной модели терапевтического государства сейчас видится как некоторый идеал государства эпохи цифровой трансформации. Их достижение напрямую отвечает запросам цифрового сообщества и позволяет сохранить лояльность национального сектора интернет-пространства без насильной его изоляции или цензурирования [18].

Тем не менее, имплементация обозначенных принципов в условиях текущего кризиса социального интернета несет большое количество рисков и еще большее количество прямых опасностей. Как и в случае с базовой идеей терапевтического государства, цифровое терапевтическое государство требует от участников социально-политической общности высокой степени осознанности действий и гражданской ответственности. Осложняется это и цифровой анонимностью, и более открытой возможностью вмешательства со стороны внешних акторов, институтов и политических объединений [1]. Отсутствие окончательно сформированного нормативного поля в цифровой среде грозит попыткам создать открытое обсуждение хаотизацией и подрывом доверия, лежащего в основе центрированной на достоинстве модели реализации политического общества.

Невозможность консолидации информационной повестки на текущем этапе развития государственной политики в этой сфере также заметно затрудняет появление адекватной системы конструктивного реагирования на кризисы цифрового нацистроения.

Обозначенная выше цифровая маргинализация, распространяющаяся в то же время и на целостность политической идентичности в ее традиционной трактовке, также не позволяет в полной мере интегрировать два инструментальных поля в единое понятие национальной системы [20]. Аполитичный и космополитичный по своей природе интернет в своей социальности не приближается к единогласию, а скорее с каждым днем делится на все более и более мелкие автономные сегменты, связанные между собой лишь машинными алгоритмами.

Сознательность сетевого сообщества, как уже было установлено, с высокой долей вероятности подвергается сомнению. Отсутствие адекватных нерепрессивных механизмов государственного управления, которые позволяли бы придавать информационной повестке социальных медиа и социальных сетевых взаимодействий конструктивный ход, по отношению к пользователям интернета не позволяет государству иметь достаточное и достойное присутствие в качестве смыслового генератора социальных медиа. На данный момент цифровое присутствие в большей степени ограничивается утилитарными базовыми инструментами обмена обратной связью и транслированием дистанционных возможностей сервисного государства. При этом чрезвычайная либерализация государственной политики в сфере цифровизации приводит к еще большим проблемам, поскольку отсутствие регулирования создает условия для киберпреступности и препятствует формированию национальных сегментов Интернета, которые и аккумулируют в себе цифровые аватары национальной идентичности. Играет роль и то, что социальный сегмент медиа до сих пор не до конца институционализирован. При этом коммуникационные возможности сети и скорость взаимодействия создают перегруженный инфопоток, который достаточно несложно может быть загружен определёнными политическими сообщениями и трендами. В культуре комментария переосмысление этих сообщений и становится цифровым политическим процессом со всеми сопутствующими конфликтами мнений и интересов [8].

Подводя итог, можно сказать, что текущий концепт терапевтического государства как идеи – это некоторый ориентир для либеральной демократии, достижение которого, тем не менее, не представляется реальным в ближайшие десятилетия. Кажется, что феномен цифровой трансформации требует радикальных изменений информационной политики и позиционирования государственных институтов в рамках сетевых плат-

форм. Можем сказать, что сегментация национальных идентичностей, вызванная сменой инструментальных полей и традиционными для поколенческих различий противоречиями, заметно усложняет интеграционные процессы в мире, в котором глобализация стала реальностью международной и миграционной политики. При должном подходе к цифровому националстроительству этот переходный период может быть преодолен быстрее, однако общая хаотизация миграционных потоков, глобальные кризисы и цифровой экстремизм препятствуют четкому выстраиванию взаимодействия государство-гражданин в дигитальном поле [14]. Успешность и эффективность государств в будущем будет определять именно их умение выстроить достойную и работающую систему цифрового присутствия, которая была бы устойчива к внешней агрессии и внутренним кризисам. Для этого государству необходимо стать таким же информационным актором социальных медиа, как все остальные организации, институты и люди, ведущие свою социальную активность в условиях глобальной цифровой среды. Информационная конкуренция, то есть борьба за внимание и доверие граждан, становится основным системообразующим фактором в выстраивании государственной политики в сфере цифровизации [27].

Для того, чтобы успешно существовать в условиях, когда физическую и цифровую идентичности необходимо совмещать, государства должны интегрироваться в социальные медиа и создавать собственное инструментальное поле, внутри которого и формируется гражданская лояльность государственным институтам [18]. Можем считать, что это некоторая идеальная модель цифрового государства, использующего превентивную терапию социальных патологий. Для того, чтобы эта модель была реализована, управляемый национальный сегмент интернета должен обладать следующими свойствами:

1. Автономность разных площадок для обсуждения;
2. Культура конструктивного выслушивания;
3. Возможность быстрой мобильности между площадками и постоянный поток проходящих пользователей;

Эти принципы позволяют наполнять социокультурную матрицу ценностями изотимической системы, поддерживая цифровое и транслируемое из него физическое достоинство каждого участника социального взаимодействия. На идентичностном уровне такое сетевое сообщество видится достаточно управляемым в целом прогрессивным. Тем не менее, такая мат-

рица не может появиться без должных технических условий в сфере безопасности, персональных данных и в целом конфиденциальной информации. Техническое и политическое в этом плане явно неразделимо, поскольку регулирует вполне социально-политические процессы, на основе которых и создается современное государство цифровой трансформации. Кажется, что путь такого развития уже намечен, однако об успешности его реализации можно будет адекватно сказать лишь спустя какое-то время.

Литература

1. Авцинова Г.И., Бучнев Е.В. Особенности партийной цифровизации в социальных сетях: региональный аспект (на примере Тамбовской области) // PolitBook. 2021. №1.

2. Арутюнов А.Г., Сквиков А.К. Глобальное управление и российская миграционная политика, общие и частные проблемы // Государство, власть, управление и право: Материалы XI Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 2020.

3. Арестова О.Н. Культурная специфика обобщения в мыслительной деятельности // Социальная психология личности и акмеология. Сб. материалов Международной научно-практической конференции 19-20 октября 2017 г. Саратов, 2017.

4. Бурда М.А. Миграционные процессы в Европе и феномен роста влияния правых политических партий // PolitBook. 2017. №4.

5. Геллнер Э. Нации и национализм. Москва: Праксис, 2000

6. Ловинк Г. Критическая теория интернета. Москва: Маргинем Пресс, Музей современного искусства «Гараж», 2019.

7. Михайлов В.А. Особенности национальной политики России в условиях глобализации // Глобалистика как область научных исследований и сфера преподавания. Москва: Издательство Московского Университета. 2014.

8. Паккард В. Тайные манипуляторы. Москва: Смысл. 2004.

9. Тимофеева Л.Н. Концепт идентичности в изучении политики // Современная политическая наука: Методология: научное издание / Отв. Редактор ред. О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Никитин. Москва: Издательство «Аспект Пресс», 2019.

10. Фукуяма Ф. Идентичность: Стремление к признанию и политика неприятия. Москва: Альпина Пабlishер, 2019.

11. Cannadine D. The Undivided Past. History beyond our differences. London: Penguin books. 2014.
12. Ta-Nehisi C. Between the world and me. New York: Spiegel and Grau, 2015.
13. Feld S.L. Why Your Friends Have More Friends Than You Do // American Journal of sociology 96, 1991. №6.
14. Fukuyama F. The Populist Surge // The American Interest. 2018. №13(4).
15. Furedi F. The Therapeutic University // The American Interest. 2017. №13(1).
16. Furedi F. Therapy Culture: Cultivating Vulnerability in an Uncertain Age. London, Routledge, 2004.
17. Galloway A., Thacker E., Wright M. K. Excommunication: Three inquiries in media and mediation. Chicago: University of Chicago Press, 2014.
18. Graeber D. The Democracy Project: A History, a Crisis, a Movement. New York: Spiegel & Grau, 2013.
19. Robin C. The Reactionary Mind. New York: Oxford University Press, 2013.
20. Savino G. Europeanism or Nationalism? // Russia in global affairs. 2018. №2.
21. Schmidt E., Cohen J. The New Digital Age: Reshaping the Future of the People, Nations and Business. London: John Murray, 2013.
22. Sitrin M., Azzelini D. They Can't Represent Us! Reinventing Democracy from Greece to Occupy. London/New York: Verso, 2015.
23. Szasz T.S. The Therapeutic State: Psychiatry in the Mirror of Current Events. Buffalo NY: Prometheus Books, 1975 (1984).
24. Wright K. The rise of the Therapeutic Society: Psychological Knowledge and the Contradictions of Cultural Change. Washington, DC: New Academia Publishing, 2010.
25. Chadwick A. The Internet and politics in flux. Routledge, 2009.
26. Oates S. The Internet and politics: citizens, voters and activists. Routledge, 2006.
27. Chmielewski D. Internet memes emerge as 2016 election's political dog whistle // USA today. URL: <https://www.usatoday.com/story/tech/news/2016/09/.../internet-memes.../91272490/> (дата обращения 17.01.2019).

References

1. Avtsinova G.I., Buchnev E.V. Osobennosti partiinoi tsifrovizatsii v sotsial'nykh setyakh: regional'nyi aspekt (na primere Tambovskoi oblasti) // PolitBook. 2021. №1.
2. Arutyunov A.G., Skovikov A.K. Global'noe upravlenie i rossiiskaya migratsionnaya politika, obshchie i chastnye problemy // Gosudarstvo, vlast', upravlenie i pravo: Materialy XI Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Moskva, 2020.
3. Arestova O.N. Kul'turnaya spetsifika obobshcheniya v myslitel'noi deyatel'nosti // Sotsial'naya psikhologiya lichnosti i akmeologiya. Sb. materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 19-20 oktyabrya 2017 g. Saratov, 2017.
4. Burda M.A. Migratsionnye protsessy v Evrope i fenomen rosta vliyaniya pravyykh politicheskikh partii // PolitBook. 2017. №4.
5. Gellner E. Natsii i natsionalizm. Moskva: Praksis, 2000
6. Lovink G. Kriticheskaya teoriya interneta. Moskva: Marginem Press, Muzei sovremennogo iskusstva «Garazh», 2019.
7. Mikhailov V.A. Osobennosti natsional'noi politiki Rossii v usloviyakh globalizatsii // Globalistika kak oblast' nauchnykh issledovaniy i sfera prepodavaniya. Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo Universiteta. 2014.
8. Pakkard V. Tainye manipulyatory. Moskva: Smysl. 2004.
9. Timofeeva L.N. Kontsept identichnosti v izuchenii politiki // Sovremennaya politicheskaya nauka: Metodologiya: nauchnoe izdanie / Otv. Redaktor red. O. V. Gaman-Golutvina, A. I. Nikitin. Moskva: Izdatel'stvo «Aspekt Press», 2019.
10. Fukuyama F. Identichnost': Stremlenie k priznaniyu i politika nepriyatiya. Moskva: Al'pina Pablisher, 2019.
11. Cannadine D. The Undivided Past. History beyond our differences. London: Penguin books. 2014.
12. Ta-Nehisi C. Between the world and me. New York: Spiegel and Grau, 2015.
13. Feld S.L. Why Your Friends Have More Friends Than You Do // American Journal of sociology 96, 1991. №6.
14. Fukuyama F. The Populist Surge // The American Interest. 2018. №13(4).

15. Furedi F. The Therapeutic University // The American Interest. 2017. №13(1).
16. Furedi F. Therapy Culture: Cultivating Vulnerability in an Uncertain Age. London, Routledge, 2004.
17. Galloway A., Thacker E., Wright M. K. Excommunication: Three inquiries in media and mediation. Chicago: University of Chicago Press, 2014.
18. Graeber D. The Democracy Project: A History, a Crisis, a Movement. New York: Spiegel & Grau, 2013.
19. Robin C. The Reactionary Mind. New York: Oxford University Press, 2013.
20. Savino G. Europeanism or Nationalism? // Russia in global affairs. 2018. №2.
21. Schmidt E., Cohen J. The New Digital Age: Reshaping the Future of the People, Nations and Business. London: John Murray, 2013.
22. Sitrin M., Azzelini D. They Can't Represent Us! Reinventing Democracy from Greece to Occupy. London/New York: Verso, 2015.
23. Szasz T.S. The Therapeutic State: Psychiatry in the Mirror of Current Events. Buffalo NY: Prometheus Books, 1975 (1984).
24. Wright K. The rise of the Therapeutic Society: Psychological Knowledge and the Contradictions of Cultural Change. Washington, DC: New Academia Publishing, 2010.
25. Chadwick A. The Internet and politics in flux. Routledge, 2009.
26. Oates S. The Internet and politics: citizens, voters and activists. Routledge, 2006.
27. Chmielewski D. Internet memes emerge as 2016 election's political dog whistle // USA today. URL: <https://www.usatoday.com/story/tech/news/2016/09/.../internet-memes.../91272490/> (access 17.01.2019).

СТАТЬИ

В. Велиев

ПРИМЕНЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ОПЫТА ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ТОПЛИВНО- ЭНЕРГЕТИЧЕСКОМ КОМПЛЕКСЕ РОССИИ

Аннотация

В статье исследуются инструменты и методы государственного управления топливно-энергетическим комплексом. Анализируются существующие системы государственного регулирования топливно-энергетического комплекса в передовых энергетических странах, таких как США и Германия.

Результаты исследования позволяют сделать вывод об опыте развития государственного управления топливно-энергетическим комплексом в США и Германии с целью применения положительного опыта в развитии энергетической политики Российской Федерации.

На сегодняшний день топливно-энергетический комплекс России играет основополагающую роль в социально-экономической, внешней и внутренней политике. Являясь локомотивом социально-экономического развития государства, ТЭК формирует значительный процент поступлений валютных средств от экспорта продукции, выступает крупнейшим заказчиком товаров, услуг и высоких технологий, способствует укреплению позиций России в условиях высокой волатильности рынков нефти и газа в мире, особенно в условиях пандемии коронавируса.

Энергетика представляет собой современную высокотехнологичную, наукоемкую отрасль, тесно связанную с формируемой Правительством РФ энергетической политикой. Поэтому очень важно

V. Veliev

SOME FEATURES OF POLITICAL PARTY DIGITALIZATION IN SOCIAL NETWORKS: REGIONAL ASPECT (ON THE EXAMPLE OF THE TAMBOV REGION)

Abstract

The subject of the study is public administration tools and methods implemented in fuel and energy industry. The purpose of the article is to analyze the existing systems of state regulation of the fuel and energy industry of advanced energy states, such as the United States of America and Germany and apply it to the Russian Federation.

Theoretical and methodological basis of the research consists of the work of Russian authors, Russian and foreign legal acts, state programs and strategies. The results of the study will allow to understand the experience of the development of state management of the fuel and energy industry in the United States and Germany in order to apply positive experience in the development of the energy policy of the Russian Federation.

Fuel and energy are fundamentals for social-economic, foreign and domestic policy. Being the locomotive of the socio-economic development of the state, the fuel and energy sector generates a significant percentage of foreign exchange earnings from the export of products, acts as the largest customer of goods, services and high technologies, contributes to strengthening Russia's position in the conditions of high volatility of oil and gas markets in the world, especially in the conditions of the coronavirus pandemic. The energy sector is a modern high-tech, knowledge-intensive industry,

выстраивать правильную стратегию развития ТЭК на долгосрочную перспективу применяя не только передовой Российский опыт, но и используя адаптированный к Российским реалиям опыт зарубежных стран, которые так же постоянно совершенствуют систему государственного управления ТЭК.

closely related to the energy policy formed by the Government of the Russian Federation. Therefore, it is very important to build the right strategy for the development of the fuel and energy sector for the long term, applying not only the best Russian experience, but also using the experience of foreign countries adapted to Russian realities, which are also constantly improving the system of state management of the fuel and energy sector.

Ключевые слова:

политика, энергетическая политика, энергетическая безопасность, Россия, Германия, США.

Key words:

politics, energy policy, energy security, public policy, Russian Federation, Germany, USA.

Эффективно функционирующий и развивающийся топливно-энергетический комплекс является одной из важных составляющих в экономическом и социально-политическом развитии государства. В статье проанализирована международная практика государственного регулирования ТЭК в таких странах, как США и Германия, а также рассмотрены возможности ее применения в Российской Федерации.

Основной целью государственного регулирования рыночной экономики является создание предпосылок для развития экономики внутри страны. Более того, рыночная экономика требует государственного регулирования и внедрения организационных механизмов, которые обеспечат объединение в целостную систему нескольких отраслей и субъектов государства. Изучение международного опыта государственного регулирования топливно-энергетического комплекса даёт возможность систематизировать уже имеющуюся практику развитых стран для того, чтобы выделить основные тенденции развития отрасли в мире и выявить новые возможности обеспечения экономического и социально-политического роста государства за счёт применения ресурсов топливно-энергетического комплекса.

Ведущими целями государственного регулирования топливно-энергетического комплекса являются обеспечение его высокой конкурентоспособности на мировом рынке, а также плодотворным функционированием, безопасным природопользованием и обеспечением высокого уровня доходов в бюджет. Всё вышеперечисленное требует усиленной модернизации всех энергетических мощностей для обеспечения высокой энергетической безопасности.

Цель исследования – анализ международного опыта институциональных преобразований в энергетической сфере в результате изменения энергетической политики. Объект исследования: топливно-энергетические комплексы развитых зарубежных стран, предмет исследования: инструменты и методы государственного регулирования топливно-энергетическим комплексом.

Рост и развитие национальной экономики невозможны без качественного развития в сфере топливно-энергетического комплекса, функционирующего в условиях нестабильной геополитической обстановки.

В развитых странах Запада успешно функционируют системы государственного управления энергетическими системами на основе рыночного регулирования и принципов добросовестной конкуренции.

Государственное управление топливно-энергетическим комплексом четко выверено и опирается на следующие системообразующие элементы: долгосрочная государственная энергетическая политика, включающая цели и задачи; законодательные и нормативные акты; параметры топливно-энергетического баланса; государственные институты и ведомства.

В США Конгресс утверждает Национальную энергетическую политику, в которой обозначаются цели и задачи энергетической политики, основные параметры топливно-энергетического баланса, планируются меры их достижения и контроля соответствующими государственными институтами.

Каждый президент США на период своего пребывания в Белом Доме руководствуется Стратегией национальной безопасности, которая включает стратегическую энергетическую политику на президентский цикл. Четырехлетний Стратегический план энергетической безопасности дополняется соответствующими инструментами и методами, на которые делается особый акцент. Федеральный центр оказывает регионам поддержку на программной основе через систему грантов, техническую помощь и другие механизмы при обязательном привлечении частных компаний.

Отличительными особенностями стратегической энергетической политики США являются: сочетание методов централизованного управления бюджетными расходами и рыночных механизмов государственных закупок и поддержки стратегических инициатив субфедерального уровня; увязывание бюджетного планирования с результатами оценок реализации программ; активный мониторинг исполнения годовых планов; планирование отраслевого развития по принципу «снизу – вверх» с обязательным участием компаний частного секто-

ра; обязательные процедуры парламентского и общественного обсуждения плановых проектировок; обязательный отчет о выполнении плана.

Национальная энергетическая политика США осуществляется с помощью законодательства и нормативных актов на всех уровнях государственного управления, включая действия федеральных штатов и местных органов власти. В сферу планирования и контроля государственных органов управления входят вопросы, связанные с производством, распределением и потреблением электроэнергии, выработанной из различных источников энергии, включая уголь, нефть, природный и сланцевый газ, а также возобновляемые источники энергии - солнечную, ветровую, малых гидроэлектростанций, приливную, атомную и прочие.

В реализацию Национальной энергетической политики США вовлечены все стейкхолдеры, включая рядовых граждан, выборные должностные лица штатов и федеральных органов власти, чиновники правительственных учреждений, общественные советы и заинтересованные группы на федеральном уровне и уровне штатов, корпорации, аналитические центры и прочие участники гражданского общества.

На энергетическую политику США значительное влияние оказал энергетический кризис 1970-х гг., когда арабские члены Организации стран-экспортеров нефти – ОПЕК (от английского "The Organization of the Petroleum Exporting Countries") в ответ на поддержку агрессии Израиля в Палестине наложили запрет на экспорт в США и сократили добычу нефти. Эти меры привели к резкому росту цен на топливо в США.

Национальная энергетическая политика США, начиная с середины 1970-х годов, направлена на достижение трех основных целей: обеспечение надежного снабжения энергией; снижение расходов на электроэнергию на достаточно низком уровне для удовлетворения потребностей растущей экономики; защита окружающей среды при производстве и потреблении электроэнергии.

Новая энергетическая политика подкреплялась на законодательном уровне. Так, в 1975 году Конгресс США принял закон об энергетической политике и сохранении энергетических ресурсов (Energy Policy and Conservation Act). На основании этого закона был установлен государственный контроль за ценами на нефть до 1979 года, были введены процедуры по оценке энергетической эффективности, был создан федеральный стратегический нефтяной резерв. Также были установлены стандарты экономии ав-

томобильного топлива, запрещался экспорт сырой нефти, за исключением отдельных видов нефтепродукции.

Жесткие меры по энергоэффективности принесли свои результаты буквально через несколько лет: стали производиться потребляющие меньше электроэнергии телевизоры, холодильники, кондиционеры, стиральные машины, лампы освещения и другие.

С 1977 года в США начало функционировать министерство энергетики. В 1978 году был принят целый пакет законов о национальной энергетике (National Energy Act), включающий закон о национальной политике в области энергосбережения, закон об электростанциях и промышленном использовании топлива, закон о регулировании коммунальных услуг, закон об энергетическом налоге и закон о политике в области природного газа. В соответствии с этими законами вместо добровольных стандартов 1975 года были установлены обязательные государственные минимальные стандарты энергоэффективности. В 1980 году был принят очередной пакет законов об энергетической безопасности, включавший в себя шесть законов: о корпорации синтетического топлива США, об энергии биомассы и спиртовых топливах, о возобновляемых источниках энергии, о солнечной энергии и энергосбережении, о банке солнечной энергии и энергосбережения, о геотермальной энергии и о преобразовании тепловой энергии океана. На реализацию этих законов были направлены 88 млрд долларов США.

За короткий срок, за счет разработки и использования энергосберегающих технологий и внедрения альтернативных возобновляемых источников энергии, США удалось добиться снижения энергопотребления.

В соответствии с законом 1992 года об энергетической политике (Energy Policy Act), были приняты еще более жесткие требования к снижению расходов на электроэнергию и поставлена задача к 2020 году снизить уровень энергопотребления на 20%.

В результате принятых мер на федеральном уровне, по расчетам американских специалистов, потребление энергии на единицу валового внутреннего продукта США в период 1970-2006 годов сократилось более чем в 2 раза - с 17,99 до 8,75 тыс. BTU (британская термическая единица от английского British Thermal Unit, представляющая собой единицу измерения тепловой энергии).

В 2000 году был принят закон о национальной экологической политике, в соответствии с которым был сформирован вектор долгосрочного экологического развития энергетики. Меры федерального правительства по содействию

использованию возобновляемых источников энергии включают гарантии по кредитам, налоговые льготы и федеральные гранты для стимулирования выработки электроэнергии из приемлемых возобновляемых источников энергии, таких как ветер, солнце, вода и другие.

В 2010 году успешно стартовала сланцевая революция, позволившая США превратиться к концу 2019 года в чистого нетто-экспортера нефти и нефтепродуктов. И это при том, что в 2005 году США импортировали около 60% всей потребляемой нефти. Вместе с тем относительно высокая себестоимость производства сланцевой нефти в США не позволяет наладить большой экспорт сланцевых нефти и газа.

США активно развивают производство электроэнергии из возобновляемых источников. За десятилетие с 2010 по 2019 гг. США инвестировали 356 млрд долл. в создание экологичных мощностей, занимая второе место в мире. Лидером является Китай с суммой инвестиций 758 млрд. долл. На третьем месте – Япония, вложившая 202 млрд. долл Европа в целом инвестировала в мощности ВИЭ 698 млрд долл., из которых Германия вложила 179 млрд долл., Великобритания - 122 млрд долл.

В настоящее время Европейская комиссия создает Энергетический союз для обеспечения Европы доступной и экологически безопасной энергией, а Германия соответственно выступает локомотивом энергетической политики Евросоюза.

Плановые цифры и прогнозные параметры топливно-энергетического баланса Германии утверждаются в форме закона. В Евросоюзе применяются директивы, за исполнением которых надзирают наднациональные органы управления. Государственная программа Energiewende была принята в Германии в 2010 году. Она предполагает последовательный переход к низкоуглеродному, экологически безопасному, надежному и доступному энергоснабжению.

Как известно, человечество многие годы не задумывалось о проблеме ограниченности природных ресурсов. Главной целью непрерывного производства и безудержного роста потребления человечества выступало получение экономической выгоды на основе экономического роста. После доклада «Пределы роста» Римскому клубу в 1972 году человечество стало задумываться о последствиях такого «рачительного» хозяйствования.

Мировая общественность по достоинству оценила шведские инновации в области экологии, выбрав Стокгольм местом проведения Первой всемирной конференции по окружающей среде в 1972 году. Термин «устойчивое разви-

тие» впервые прозвучал именно на этой конференции. В 1992 году в Рио-де-Жанейро состоялась Конференция Организации Объединенных Наций по окружающей среде и развитию - в результате национальные и международные организации приняли на себя обязательства по решению проблем окружающей среды и развития.

В 2000 году в Париже в штабе ЮНЕСКО была принята Хартия Земли, миссией которой является переход к устойчивому развитию и формирование мирового сообщества, основанного на общих этических нормах. Всемирная комиссия по окружающей среде и развитию определяет концепцию устойчивого развития, как «развитие, обеспечивающее удовлетворение потребностей нынешнего поколения и не подрывающее при этом возможности удовлетворения потребностей будущих поколений». Следовательно, возможно такое развитие общества, при котором не разрушается природная среда, улучшается экология, а условия и качество жизни человека прогрессируют.

Концепция устойчивого развития предполагает рассматривать вопросы экономического, экологического и социального характера в тесной взаимосвязи. Это означает, что устойчиво должны развиваться такие отрасли, как экономическая система, окружающая природная среда и само общество.

В период мирового энергетического кризиса в 1970-е гг., в Германии активно стали строиться атомные электростанции. Однако Чернобыльская авария и другие инциденты заставили правительство Германии начать искать альтернативные источники энергии. В 2000 г. правительство заключило с владельцами АЭС «атомный консенсус», согласно которому все действующие в Германии атомные электростанции подлежат закрытию до 2022 года без права открытия новых. А закон о регулируемом прекращении использования ядерной энергетики для промышленного производства электроэнергии (Gesetz zur geordneten Beendigung der Kernenergienutzung zur gewerblichen Erzeugung von Elektrizität) закрепил решение правительства Германии отказаться от использования атомных электростанций.

Германия также планирует постепенно отказаться от угольных электростанций к 2038 году. В настоящее время уголь остается крупнейшим источником производства электроэнергии в Германии и при этом на его долю приходится 40% энергетических выбросов углекислого газа. Между тем, доля угля в производстве тепла и электроэнергии неуклонно снижалась в течение десятилетия с 45% в 2008 году до 38% в 2018 году.

В целом же, из диаграммы «Общее потребление энергии по источникам» видно, что в 2019 году доля потребления ископаемого топлива в энергетике все еще довольно велика – 41% нефть, более чистый природный газ занимает 24%, а уголь в общем потреблении составляет 3%. Потребление перерабатываемой энергии составляет 7% от общего потребления. Эти цифры дают понимание того, что так или иначе, несмотря на постоянно снижающуюся долю ископаемых в производстве и потреблении энергии, переход на «зеленую энергетику» происходит не теми темпами, которые ожидаются национальными властями Евросоюза, хотя конечно ее развитие входит в повестку дня внутренней политики еще с 70-х годов XX века. Как результат такой политики топливно-энергетический кризис 2021 года.

В 1974 году было создано Федеральное агентство окружающей среды Германии, и начиная с 1986 года началось активное развитие ветряной и солнечной энергетики. Переработка биомассы и гидроэнергетика развиваются в сравнительно меньшей степени.

После принятия закона о подаче электроэнергии из возобновляемых источников энергии в 1991 году, было создано Министерство экологии, охраны окружающей среды и ядерной безопасности, был введен так называемый «зеленый» тариф. Одновременно появился эко-налог на экологически опасные источники энергии. В результате потребление ископаемого топлива сокращается и все больше граждан пересаживается с индивидуального на общественный транспорт.

В 2000 году, на основе нового закона о возобновляемых источниках энергии, была создана концепция «энергетического поворота». Была закреплена приоритетная роль возобновляемой энергии с гарантированным льготным тарифом на 20 лет для производителей зеленой электроэнергии. При этом операторы электросетей по закону обязаны закупать электроэнергию у владельцев солнечных панелей и ветровых парков. Кроме того, закон гарантирует, что инвестиции на внедрение технологий по выработке энергии из альтернативных источников будут компенсированы.

Вместе с тем зеленая энергетика, несмотря на целый ряд позитивных аспектов, породила немало проблем. К примеру, так называемый парадокс *Energiewende* не в состоянии объяснить почему развитие зеленой энергетики не способно снизить показатель по выбросу углекислого газа до ключевого показателя 40%, едва достигнув 30%. Другая существенная проблема связана с политикой снижения выбросов углекислого газа путем закрытия шахт по добыче

бурого угля и увольнением многочисленной армии шахтеров. Возникают вопросы по перекавалификации и трудоустройству высвобождающейся рабочей силы.

Большой пласт проблем связан с нестабильностью функционирования ветряной и солнечной энергетики. На сегодняшний день, ветровые и солнечные электростанции способны обеспечивать более 35% ежегодного потребления электроэнергии Германии за счет функционирующих более 30 тысяч ветряных турбин мощностью до 60 ГВт и около 1,7 млн солнечных установок мощностью 46 ГВт. Достичь доли возобновляемых источников в общем потреблении электроэнергии Германии в 35% планировалось в 2020 году, а 80% - к 2050 году. Фактически уровень 35% был преодолен на 2 года раньше и в настоящее время практически достиг 60%.

Когда стоят солнечные, ветренные дни, производители зеленой электроэнергии вынуждены продавать излишки своей энергии по демпинговым ценам. Когда в пасмурные и безветренные дни выработка электроэнергии падает практически до нуля, а мощности угольных, газовых и атомных электростанций становится недостаточно, тогда Германия вынуждена импортировать электроэнергию из Франции, Швеции и других соседних стран. Следовательно, на сегодняшний день «зеленая» энергетика Германии подрывает стабильность и устойчивость европейского рынка электроэнергии. Для повышения стабильности и устойчивости функционирования энергетической системы, Германии необходимо содержать резервные источники электроэнергии на случай неблагоприятных дней. Но в благоприятные дни резервные источники электроэнергии будут простаивать, что экономически нецелесообразно.

Хорошей альтернативой резервным источникам электроэнергии становятся аккумуляторные станции, которые, благодаря удешевлению технологий, объединяются с ветрогенераторами или солнечными батареями. Большую известность и эффективность продемонстрировала модульная литий-ионная аккумуляторная батарея Hornsdale Power Reserve от компании Tesla Powerpack суммарной емкостью 129 МВт/час. Батарея установлена в Южной Австралии в 2017 году за 100 дней, ее мощностей достаточно для снабжения электроэнергией более чем 30 тысяч среднестатистических жилых домов. Правительство Австралии решило увеличить мощность батареи на 50%. Австралия намерена ввести в эксплуатацию 711 мВт генерирующих мощностей, работающих на возобновляемых источниках, которые будут совмещены с аккумуляторными электростанциями. Компания Tesla Powerpack намерена и дальше развивать свою деятельность и уже подала заявку на лицензию в Великобритании.

В соответствии с директивой по возобновляемым источникам энергии 2018/2001/ЕС, являющаяся частью пакета «Чистая энергия для всех европейцев», на 2030 год установлен новый обязательный целевой показатель в 32% для возобновляемых источников энергии для стран Евросоюза.

Новое Положение о государственном регулировании в рамках пакета «Чистая энергия для всех европейцев» обязывает страны Евросоюза составить 10-летний Национальный энергетический и климатический план на 2021–2030 годы с указанием сроков соответствия новым целям на 2030 год по возобновляемым источникам энергии и повышению энергоэффективности.

Многие страны Евросоюза, включая Болгарию, Венгрию, Германию, Данию, Италию, Литву, Румынию, Финляндию, Хорватию, Чехию, Швецию, Эстонию уже в 2019 году достигли или близки к достижению своих целей в области возобновляемых источников энергии на 2020 год.

При этом в некоторых странах преобладают такие альтернативные источники энергии, как торрефицированные пеллеты, или биоуголь, произведенные из натуральных древесных отходов. В настоящее время в Европе функционируют более 300 угольных электростанций. Выбросы от сжигания угля должны быть доведены до нуля к 2031 году в соответствии с директивой Евросоюза о снижении уровня использования угля в качестве источника энергии. Поэтому более эффективные торрефицированные пеллеты являются идеальным заменителем угля на угольных электростанциях без их переоснащения.

При всем огромном внимании к возобновляемым источникам энергии, которое уделяется в Евросоюзе, достижению своих ближайших целей в области возобновляемых источников энергии, странам ЕС, видимо, не удастся полностью заменить ими природные источники, прежде всего природный газ. В текущем, 2021 году, при незаполненных в Европе подземных газохранилищах возникнут сложности при прохождении осенне-зимнего сезона. Уже сегодня цена на газ в Европе выросла более чем в несколько раз, достигая уровня более 1500 долларов за 1 тыс куб. метров. Негативную роль в этом играет политика Евросоюза, еврочиновников в Брюсселе, направленная на сдерживание снабжения газом Европы из России.

С начала XXI века в мировой энергетике начался процесс смены технологического уклада, а совершенствование государственного управления отраслями ТЭК базируется на нескольких постулатах, которые сохраняются, как минимум, еще не один десяток лет.

Сегодня развитые страны мира создают эффективно функционирующие системы государственного управления топливно-энергетическими ресурсами. Российская Федерация также не остается в стороне от этого процесса. Органы государственной власти, надзорные органы и органы исполнительной власти Российской Федерации, опираясь на Доктрину энергетической безопасности Российской Федерации, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2019 года №216 и Энергетическую стратегию России на период до 2030 года, учли последние тенденции мирового сообщества в развитии ТЭК. Согласно этим документам, энергетика Российской Федерации должна ориентироваться на инновационные методы управления энергетикой, которые обеспечат опережающее развитие энергетической отрасли. Основными системообразующими элементами системы выступают долгосрочная государственная энергетическая политика, включающая цели и задачи, закрепленные законодательными и нормативными актами. Энергетическая политика опирается на конкретные параметры и показатели топливно-энергетического баланса, а на выполнение политики выделяются бюджетные денежные средства. Государственное управление и контроль за исполнением осуществляют государственные институты и ведомства с широкой поддержкой всех участников энергетического рынка.

Стратегической целью государственного регулирования ТЭК в России должно быть развитие человеческого капитала. Это означает улучшение качества жизни путем бесперебойного и устойчивого обеспечения электроэнергией и теплом всех населенных пунктов, независимо от удаленности места жительства, что является неременным условием для прекращения оттока местного населения в другие регионы России. Так как ТЭК не имеет возможности устойчивого развития только посредством рыночных механизмов в силу нестабильного состояния рынка и экономических санкций, то необходимо реализовывать государственные механизмы регулирования устойчивого развития, которые будут контролировать хозяйствующие субъекты.

Государственное регулирование устойчивого развития ТЭК, по нашему мнению, должно соответствовать следующим особенностям: устойчивое развитие ТЭК напрямую связано с рыночным механизмом, однако, в силу внешних угроз, государству необходимо активно мониторить отрасли топливно-энергетического комплекса; более того, государство обязано определить стратегию развития топливно-энергетического комплекса с помощью реализации государственных программ развития, что сгладит негативное воздействие

рыночного механизма; участие государства в регулировке устойчивого развития ТЭК должно быть основано на реформе системы образования цен на внутреннем рынке энергоресурсов; рационально было бы увеличить капитальные расходы бюджета, которые должны быть направлены на развитие топливно-энергетического комплекса посредством повышения объема инвестиций.

Литература

1. Energy policy // Министерство энергетики США: официальный сайт. 2021. URL: <https://www.energy.gov/management/office-management/operational-management/history/doe-history-timeline/timeline-events-1> (дата обращения 17.01.2021).

2. Germany 2020 – Energy Policy Review // BMWI. 2021. URL: https://www.bmwi.de/Redaktion/DE/Downloads/G/germany-2020-energy-policy-review.pdf?__blob=publicationFile&v=4 (дата обращения 17.01.2021).

3. IEA (2019), World Energy Balances 2019, www.iea.org/statistics/. (дата обращения 17.01.2021).

4. Гришин О.Е., Авдеева М.В., Махди Л.С.М. Энергетическая политика Европейского Союза в отношении применения альтернативных источников энергии // PolitBook. 2019. №4.

5. Десятилетие инвестиций в ВИЭ, во главе с солнечной энергетикой, превысило отметку 2,5 триллиона долларов // ООН. Программа по окружающей среде. 2020. URL: <https://www.unenvironment.org/ru/novosti-i-istorii/press-release/desyatiletie-investiciy-v-vie-vo-glave-s-solnechnoy-energetikoy> (дата обращения 17.01.2021).

6. Доктрина энергетической безопасности Российской Федерации. Утв. Указом Президента РФ от 13 мая 2019 г. №216: 2019. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/44252/print> (дата обращения 17.01.2021).

7. Когда кончится американская «сланцевая революция» // Взгляд. URL: <https://vz.ru/economy/2020/1/4/1016804.html> (дата обращения 17.01.2021).

8. Устойчивое развитие // ООН. 2021. URL: <https://www.un.org/ru/ga/president/65/issues/sustdev.shtml> (дата обращения 17.01.2021).

9. Энергетическая политика ФРГ: АЭС vs ВИЭ // РСМД. 2021. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/europeanpolicy/energeticheskaya-politika-frg-aes-vs-vie/> (дата обращения 17.01.2021).

10. Энергетическая стратегия России на период до 2030 года. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/1026>. (дата обращения 17.01.2021).

References

1. Energy policy // Ministerstvo energetiki SShA: ofitsial'nyi sait. 2021. URL: <https://www.energy.gov/management/office-management/operational-management/history/doe-history-timeline/timeline-events-1> (data obrashcheniya 17.01.2021).

2. Germany 2020 - Energy Policy Review // BMWI. 2021. URL: https://www.bmwi.de/Redaktion/DE/Downloads/G/germany-2020-energy-policy-review.pdf?__blob=publicationFile&v=4 (data obrashcheniya 17.01.2021).

3. IEA (2019), World Energy Balances 2019. URL: www.iea.org/statistics/. (data obrashcheniya 17.01.2021).

4. Grishin O.E., Avdeeva M.V., Makhdi L.S.M. Energeticheskaya politika Evropeiskogo Soyuza v otnoshenii primeneniya al'ternativnykh istochnikov energii // PolitBook. 2019. №4.

5. Desyatiletie investitsii v VIE, vo glave s solnechnoi energetikoi, prevysilo otmetku 2,5 trilliona dollarov // OON. Programma po okruzhayushchei srede. 2020. URL: <https://www.unenvironment.org/ru/novosti-i-istorii/press-release/desyatiletie-investitsiy-v-vie-vo-glave-s-solnechnoy-energetikoy> (data obrashcheniya 17.01.2021).

6. Doktrina energeticheskoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii. Utv. Ukazom Prezidenta RF ot 13 maya 2019 g. №216: 2019. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/44252/print> (data obrashcheniya 17.01.2021).

7. Kogda konchitsya amerikanskaya «slantsevaya revolyutsiya» // Vzglyad: sait. URL: <https://vz.ru/economy/2020/1/4/1016804.html> (data obrashcheniya 17.01.2021).

8. Ustoichivoe razvitie // OON: ofitsial'nyi sait. 2021. URL: <https://www.un.org/ru/ga/president/65/issues/sustdev.shtml> (data obrashcheniya 17.01.2021).

9. Energeticheskaya politika FRG: AES vs VIE // RSMD. 2021. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/europeanpolicy/energeticheskaya-politika-frg-aes-vs-vie/> (data obrashcheniya 17.01.2021).

10. Energeticheskaya strategiya Rossii na period do 2030 goda. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/1026>. (data obrashcheniya 17.01.2021).

Н.В. Алексеев

N. Alekseev

**ГОСУДАРСТВО. ЦЕРКОВЬ.
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ**

**STATE. CHURCH.
GLOBALIZATION**

Аннотация

В статье показано, что на протяжении тысячелетий в общественно-политическом процессе ведущим субъектом политики было государство. Существуют различные точки зрения о сущности этого института. Наряду с государством другим значимым субъектом общественно-политического процесса является церковь, которая неоднократно вступала в полемику со светской властью при принятии каких-либо политических решений. Церковь как социально-политический институт продвигала собственные интересы и оказывала влияние на действующую государственную власть. В связи с этим политические деятели также стремились оказывать влияние на данный институт, чтобы получить дополнительный источник в легитимации власти, в частности через сакрализацию.

В мировой истории сложились различные подходы в определении государственно-церковных отношений. Церковь в отличие от других субъектов политики в случае необходимости на постоянной основе могла замещать многие функции государства. Церковь в общественно-политической жизни де-факто выступала в роли «второго государства» внутри государства. На примере Римско-католической церкви и её иерархической структуры рассмотрена данная параллель, которая во многом идентична с государственной структурой.

В период развития глобализационных процессов государственно-церковные отношения подверглись серьёзному реформированию. Некоторые представители церкви поддержали развитие глобализации, а другие - нет. Отсюда в современном мире возникают противоречия между церквями, поскольку некоторые из них перестают выступать в роли традиционных центров христианской морали. Выделено, что Русская православная церковь на фоне всех остальных мировых церквей остаётся наиболее консервативной и именно поэтому считается одним из главных тра-

Abstract

In the article it is explained that the state has been the leading subject of politics for a millennium. There are various points of view about the essence of this institution. The other important subject in the socio-political process is the church, which repeatedly enters into polemics with the secular authorities while making political decisions. The church, as a socio-political institution, promotes its own interests and exerts influence on the nowadays state power. Consequently, political figures influence the institution in order to obtain an additional source in the power legitimation, for instance, through sacralization.

Various approaches have been used to define the relationship between the state and the church in world history. The Church in social and political life de facto acted as a "second state" within the state. This parallel is considered based the example of the Roman Catholic Church and its hierarchical structure, which is almost identical to the government structure.

During the globalization the relationship between the church and the government was seriously reformed. Some of the church representatives supported the development of globalization while others did not. Hence, many contradictions arose between the churches in the modern world, since some of them stopped acting as the traditional centers of Christian morality. In the article it is emphasized that the Russian Orthodox Church remains the most conservative church of all, and that is why it is considered one of the main centers of Christian morality. Thus, the church in the context of globalization is perceived by the masses in different ways, which explains the relevance of the chosen topic.

диционных центров христианской морали. Таким образом, церковь в контексте глобализации народными массами воспринимаются по-разному, что и определяет актуальность выбранной темы.

Ключевые слова:

общественно-политический процесс, глобализация, Римско-католическая церковь, Русская православная церковь, государство, государственно-церковные отношения, власть.

Key words:

socio-political process, globalization, Roman Catholic Church, Russian Orthodox Church, government, power, influence.

Испокон веков в общественно-политическом процессе принимали участие различные акторы, среди которых наиболее активным было государство. Среди мыслителей сложились различные точки зрения о государстве. Приведём ряд из них:

Аристотель полагал, что государство - орган защиты прав граждан: «Общество, состоящее из нескольких селений, есть вполне завершённое государство... возникшее ради потребностей жизни, но существующее ради достижения благой жизни» [2, с. 378].

Дж. Локк поддержал его позицию, что «народом первоначально создавалось государство для обеспечения достижения его целей» [11, с. 393].

М.А. Бакунин придерживался противоположной точки зрения: «...слова "государство", "власть" означают господство, а всякое господство подразумевает существование масс, над которыми господствуют» [3, с. 37].

В.И. Ленин пришёл к заключению: «Государство есть продукт и проявление непримиримости классовых противоречий» [10, с. 7].

Длительное время одним из главных конкурентов государства в общественно-политическом процессе считались традиционные религиозные институты, в частности церкви, которые весьма успешно соперничали в продвижении различных общественных решений. Отстаивая свои интересы, количество запросов и претензий к органам государственной власти лишь увеличивались. Наиболее отчётливо дискурс проявлялся в тех случаях, когда светские власти принимали законопроекты под влиянием священнослужителей: «...Так многие социально вредные безнравственные поступки фактически преследовались сначала только внутри церковного сообщества и лишь благодаря этому нашли свое место в уголовном кодексе» [8, с. 621-622]. В том случае, когда политические деятели прислушивались к церковным требованиям, государственно-церковные от-

ношения выстраивались в рамках диалога или даже союзнических отношений и наоборот. Поэтому на рубеже столетий актуальной проблемой в изучении государственно-церковных отношений остаётся дискуссия, связанная с влиянием церковного (религиозного) фактора на политические процессы. Исследования выдающихся классиков истории церкви, а именно Е.Ф. Грекулова, А.В. Карташёва, С.Г. Лозинского, Н.М. Никольского, Н.Д. Тальберга и других, служат ярким тому подтверждением. Представленный ими массивный исторический материал позволяет более детально и поэтапно проанализировать становление государственно-церковных отношений.

Как-то раз религиозный философ Н.А. Бердяев заметил, что церковь как «традиционный социальный институт оказалась сильнее, чем церковь как мистический организм» [4, с. 204]. По этой причине могла быть не только соперником, но и напарником государства, когда выполняла ряд схожих функций (в области воспитания, образования, брачных союзов, пропаганды патриотизма, защиты государственного строя, окормления военнослужащих и т.д.) [1, с. 100]. Статус церкви в общественно-политическом процессе часто менялся и зависел от отношений с властями. Как правило, авторитет церкви прогрессировал на фоне социально-политических кризисов и, наоборот, регрессировал на фоне желания светской власти доминировать. Поэтому исследователь

С.Е. Кондратенко пишет: «В Западной Европе на протяжении столетий развитие политического дискурса определялось институциональным дуализмом государства и Церкви, являющимся самым динамичным элементом европейской истории» [9, с. 102].

Обратимся к истории Римско-католической церкви (РКЦ). Где главным руководителем считается «папа римский». Нельзя не согласиться с мнением К. Шмитта, считавшего: «Основополагающее описание власти римско-католической церкви и ее высших должностей проявляется не в образе судьи, а в виде пастыря во главе своего стада» [21, с. 118]. Конфликты с государством очень часто возникали из-за стремления папы к единоначалию и наоборот. Будучи наместником святого престола, долгое время народными массами воспринимался в качестве божьего ставленника на Земле, что де-факто наделяло его преимуществами перед лицом светской власти. Решения и постановления римского папы для верующих граждан имели большую юридическую силу, нежели представителей

светской власти. Так в период правления папы Льва I историк С.Г. Лозинский констатирует: «Возвышение папы в качестве защитника государства от внешней опасности шло параллельно падению авторитета римских императоров... Так росла, вместе с политическим престижем папства, и его материальная база» [13, с. 31].

Государство и церковь были близки в области создания иерархической структуры. Церковь фактически выступала в роли «государства в государстве». Впервые данный принцип юридически был воплощён РКЦ, когда та подписывала конкордаты с высшими государственными лицами. Кроме того, РКЦ также, как и государство, обращало должное внимание на создание «спецслужб» (орден иезуитов, папские отряды и т.п.) для охраны общественного порядка. Схожие структуры формировали и у другие конфессии.

В мировой практике государственно-церковные отношения постоянно динамично флуктуировали от монолога к диалогу, от конфликтов к союзничеству и т.д. В период глобализации приобрели новые черты и получили широкую огласку, а поскольку мир с каждым днём меняется, то и отношения между ними формируются в рамках конъюнктурных реалий. Глобализация, спровоцировав слияние национальных экономик в единую, общемировую систему, стремится создать новое мировое правительство. Мир становится информационно-открытым, происходит коммуникационное сближение, доминирует планетарная научная революция [17, с. 38-39]. Некоторые церкви подобные трансформации воспринимают всерьёз и подвергают модернизации религиозные доктрины, что, конечно же, влечёт за собой формирование конфликтных ситуаций с властью, обществом и другими конфессиями. Так Русская православная церковь (РПЦ) большинство нововведений глобализации воспринимает в «штыки». Проповедует курс консерватизма, тогда как РКЦ и протестантские церкви взяли курс на «либерализацию». В связи с этим у них о глобализации складываются противоположные точки зрения. Одни утверждают, что не нужно подстраиваться под глобализацию, другие же, напротив, считают, что это дело необходимое. При этом многие из них почему-то глобализацию в большей степени рассматривают в качестве культурного феномена (массовая культура), нежели экономического.

С аналогичными дилеммами столкнулись и представители светской власти, в частности те из них, кто ратует за усиление консервативных

порядков, за агрегирование традиционных устоев, стимулирующих нивелирование продуктов массовой культуры. Поэтому сегодня, когда речь заходит о глобализации, исследователи по-прежнему используют одни и те же критерии в адрес глобализации: массовость, интеграция, унификация, детрадиционализация, денационализация, информатизация, дифференциация, единство, мировое правительство и т.д. Повсюду встречается однородная глобальная коммерческая культура и не важно, в каком городе человек находится: Монреаль, Бомбей, Пекин, Буэнос-Айрес, Москва – кругом магазины, торгующие одинаковыми товарами. Молодёжь разговаривает с помощью одних и тех же мобильных телефонов, пьёт одни и те же напитки, курит одинаковые сигареты, одевается в одинаковую брендовую одежду, смотрит и слушает одну и ту же западную музыку [22, с. 81]. Глобализация популяризировала западную культуру среди молодёжи, а вместе с ней и секулярные идеи, способные нанести вред традиционной христианской морали. Согласимся с суждениями украинского исследователя О. Белоуса о том, что молодёжь испытывает наибольшее секулярное влияние, чем люди почтенного возраста [23, с. 370-371].

В любом случае церкви, как и в прошлом сохранили свою нишу в обществе. Имеют авторитет среди некоторых категорий населения и претендуют, наряду с государством, на ведущую роль в сферах общественной жизни. В ряде государств и вовсе церкви в латентном виде пользуются преференциями, нежели остальные участники общественно-политического процесса. Кроме того, представители светской власти заинтересованы в контроле церкви и в особенности тех её сторонников, которые готовы участвовать в общественных мероприятиях. К примеру, американский политолог Р. Миллс заметил, что основные движущие силы в США представлены экономическими, политическими и военными институтами. Все остальные социальные институты: «...оказались на задворках современной истории и вынуждены в соответствующих случаях подчиняться первым трем... Семья, церковь и школа приспособляются к современной жизни; правительство, армия и корпорации формируют ее» [14, с. 27]. Философ Ю. Хабермас об аналогичных процессах подытожил: «Повседневные моральные интуиции в профанных западных обществах еще несут в себе отпечаток нормативной субстанции религиозных традиций, словно обезглавленных, объявленных в правовом отношении частным делом» [18, с. 58].

Подчеркнём, что глобализационные процессы могут не только объединять, но и разобщать народы из-за образования международных структур (НАТО, ШОС, ЕС, АСЕАН, БРИКС и другие), которые показывают, что глобализация отчасти является не только естественным, но и искусственным («управляемым») процессом. Отдельные представители правящего класса целенаправленно «иннервируют» последствия глобализации не только внутри страны, но и за его пределами, потому что открываются большие возможности для получения различных выгод, в том числе и гешефта.

Глобализация, видоизменяя государственно-церковные отношения, актуализировала проблему информационно-коммуникативных технологий, которыми конфессии активно пользуются для расширения численности паствы. С помощью них налаживают коммуникацию с прихожанами и в короткие сроки доносят до всех нуждающихся необходимую информацию. Что находит положительный отклик среди отдельных представителей политической элиты, заинтересованных в поддержании церковных начинаний для содействия ретрансляции традиционных ценностей, способных утихомирить пыл недовольных граждан. Государство превратилось в главного координатора развития отраслей информационной индустрии [7, с. 136]. К примеру, в Латинской Америке численность христиан с 1970 по 2015 гг. увеличилось примерно на 300 млн чел. (с 271 млн до 575 млн) [6, с. 68]. Исследователь А.Ф. Талавера констатирует, что при глобализации в Чили евангелическое христианство, особенно пятидесятнического толка, активно воздействовало на мировоззрение бедных граждан. Количество верующих составляет около 95%, и все они, соответственно, с доверием относятся к церкви и религиозным организациям [16, с. 294-295]. Чилиец, обратившийся в евангелизм: «Меняет свою жизнь, особенно семейную... Отец, которого раньше никогда не было дома, становится домоседом... Его жена, которая раньше всех в семье приняла веру, обретает новое представление о самой себе» [16, с. 269]. Прав был Э. Гидденс, когда доказывал, что глобализация, как явление в «непосредственной близости» от нас, воздействует на самые интимные и личные аспекты нашей жизни [5, с. 29].

В условиях глобализации церкви поддерживают контакты с паствой не только на уровне приходов, но и через дистанционные средства передачи информации, которые часто и неуместно подвергаются ими аморфной и посредственной критике. Критикуя развитие информационных тех-

нологий (тотальный контроль), продолжают сами же ими активно пользоваться. По мере необходимости пастыри активизируются в медийном пространстве. В любом случае информатизация общественной жизни, имеет как положительные, так и отрицательные последствия для церквей, государств и обществ в целом. В частности, среди населения «всё более массовый характер приобретает социальный аутизм... неглубокое проникновение в суть происходящего, в т.ч. в политической сфере» [20, с. 17]. Поэтому с одной стороны информатизация лишь усиливает дискредитацию деятельности священнослужителей, а с другой стороны лишь расширяет возможности по рехристианизации социума.

В новых реалиях церкви с помощью СМИ пытаются продемонстрировать миру, что являются третьей стороной в решении спорных вопросов. Так, в 2016 году состоялась встреча тысячелетия Папы Римского Франциска и Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла, где были рассмотрены актуальные проблемы XXI в.: гонения на христиан в странах Ближнего востока, военные конфликты, вопросы развития семьи, становление прав и свобод человека и гражданина и т.д. Встречи подобного уровня позволяют исследователям определить степень влияния церкви и религиозного фактора на международные политические процессы. Участвуя в таких акциях, конфессии в большей степени предстают перед жителями мира как миротворческие организации, отстаивающие права и свободы во имя справедливости, нежели политические структуры. Американский исследователь Б.Р. Маккоу утверждает, что в период украинского майдана, когда усилилось экуменическое движение, не только католики и протестанты, но и представители других конфессий на добровольных началах стояли вместе с демонстрантами и часто брали на себя роль миротворцев для того, чтобы предотвратить лишнее кровопролитие среди граждан [26, pp. 119-120].

Несмотря на усиление процессов секуляризации, религиозные институты продолжают пользоваться авторитетом среди некоторых масс. Воспринимаются в качестве единственно верных оплотов духовно-нравственных начал. При этом деятельность церквей не ограничивается узкими рамками отдельного политического ландшафта (национального государства). Большинство из них, как, например, РПЦ, превращаются в транснациональные институты, которые коммуницируют со многими представителями политических классов для того, чтобы массивнее продвигать

церковные интересы [27, pp. 726-727]. Также, как и РКЦ, которая имеет наднациональную структуру, которая никак себя не связывает с интересами государства [15, с. 50].

РКЦ, РПЦ и протестантские церкви стремятся, с одной стороны, укрепить свой статус в качестве традиционного центра христианской религии, а с другой – сохранить связь с глобализационными процессами. Из-за этого к религиозным доктринам, традициям, обрядам относятся скрупулёзно и уделяют особое внимание [25, р. 148]. Протестантам, и христианам традиционных церквей – католикам и православным, приходится ярче проявлять религиозные пристрастия и выходить за рамки своей церкви и своей страны [12, с. 104]. На этой же почве между ними рождаются разногласия. Например, австрийская исследовательница К. Стойкль отмечала, что, когда РПЦ объединилась с американскими евангелистами против гендерных прав, она не поддержала их позицию по поводу религиозной свободы в России. Когда РПЦ сотрудничала с РКЦ в области семейных ценностей, то это отнюдь не способствовало развитию экуменического диалога. Когда РПЦ вступила в коалицию со странами юга на уровне ООН, то это не означало, что она одобрила их борьбу за мировое экономическое равенство [30, р. 144].

Получается, что в одних странах церковные институты наряду с политическими деятелями поддерживают развитие глобализационных процессов, а в других, наоборот, стремятся с ними бороться, потому что возникает тенденция навязывания либеральной демократии: нивелирование традиционных устоев, усиление массовой культуры и т.д.

О.Г. Харитоновна считает, что одной из крупнейших трансформаций последнего столетия стало то, что РКЦ из защитника консервативных порядков превратилась в ведущего апологета демократизации [19, с. 81]. РПЦ, наоборот, предпочла идею реверсии общественных устоев.

Со схожей дилеммой столкнулся и российский политический класс в конце XX века, когда, с одной стороны, желал избавиться от советского наследия: глобализация оказывала огромную помощь, когда распространялись капиталистические ценности, уничтожавшие последние остатки социалистической власти, что привело к незамедлительному возрождению прежних традиционно-консервативных стереотипов. С другой стороны, вестернизация мешала укреплению новой вертикали власти из-за наличия новых факторов и акторов, активно вмешивавшихся в политиче-

скую жизнь. Вот поэтому реакцией правящего класса на новые вызовы стала политика, направленная на сближение с РПЦ, где профессиональный фактор отождествлялся с дополнительным инструментом по легитимации власти правящего класса. Церковь как традиционный институт лишь поддержала такой подход и приняла деятельное участие в реставрации консервативных ценностей, направленных на стабилизацию государственных устоев. Вместе с политическим классом священнослужители занялись контролем всех сфер общественной жизни из-за опасения усиления социальных движений и потрясений [24, р. 83].

Следовательно, тот политический класс, который пропагандирует консервацию политического режима и выступает за сакрализацию действующей власти, будет целенаправленно налаживать союзнические контакты с тем учреждениями и массами, которые ретушируют негативные тенденции вестернизации, порождаемые глобализацией. Особенно отчетливо вышеуказанная парадигма контрастировала в России в конце XX вв., когда происходила либерализация общественно-политических отношений и когда начали избираться первые депутаты и парламентарии от представителей церкви [29, р. 480]. Кроме того, при Б.Н. Ельцине произошло становление концепции «Русский мир», где РПЦ отводилась особая роль, однако её быстро свернули из-за отсутствия каких-либо перспектив. Международный авторитет России тогда был неоднозначным, а от принятия одной лишь концепции ситуация с положением русских и православных людей за рубежом никак бы не изменилась. Повторное обсуждение концепции в публичном и политическом пространстве возобновилось уже при В.В. Путине, при котором сформировались общие видения России на мировой арене, как со стороны духовенства, так и со стороны светской власти [28, р. 152].

В итоге глобализация сыграла на руку представителям РПЦ. Стала выступать в качестве дополнительного источника по сближению с государственной властью, а также инструмента, с помощью которого духовенство активизировалось в общественно-политическом процессе. Пастыри не только налаживают партнёрские и союзнические отношения с политическим классом, но и активно сотрудничают с ним, чтобы рехристианизировать национальную культуру в условиях сложившегося духовного вакуума, с целью инспирирования ранее доминировавших архетипов, основанных на православной традиции, с помощью которых, по их мнению,

возможно возрождение национально-культурной идентичности. Отметим, что позиция руководства РПЦ в большей степени направлена на суггестирование тех идей, которые положительно влияют на общественное мнение верующих, нежели всех граждан. Поэтому, если у церкви сложилось отрицательное мнение о целом ряде аспектов глобализации, то и большинство православной паствы будет придерживаться указанной линии. Феномен актуален и для других злободневных вопросов, привлекающих внимание православных прихожан и представителей власти.

Таким образом, в условиях глобализации:

Во-первых, традиционные религиозные институты столкнулись с новыми трудностями, но в то же время появилось больше возможностей при коммуникации с гражданами и властью.

Во-вторых, опасения отдельных священнослужителей о процессах глобализации небезосновательны, потому что транзит глобализационных ценностей непосредственным образом сказывается на развитии общественных устоев и на становлении политического курса правящего класса, поддерживающего начинания церкви.

В-третьих, изменения в общественно-политической жизни могут подорвать основы стабильности политической системы, что непосредственно может усилить процессы секуляризации в десекулярном мире. По этой причине церковь заинтересована поддерживать тот класс, который с ними сотрудничает. Государство же в свою очередь также заинтересовано в контактах с теми конфессиями, которые открыты для дальнейшего взаимовыгодного партнёрства.

Литература

1. Алексеев С.В., Сквиков А.К., Шумилов А.В. Государственно-церковные отношения в России: от традиции к глобальной информатизации // PolitBook. 2019. №2.

2. Аристотель Сочинения: В 4-х т. Т. 4 // Пер. с древнегреч. Москва: Мысль, 1983.

3. Бакунин М.А. Интернационал, Маркс и евреи: (Polemique contre les Juifs) / Пер. с франц. В. М. Смирнова. Москва: Издательский дом «Вече», «А3» (Знатнов), 2008.

4. Бердяев Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии). Москва: Книга, 1991.

5. Гидденс Э. Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. Москва: «Весь Мир», 2004.

6. Горохов С. А., Дмитриев Р. В. Латинская Америка: современные тренды конфессионального развития // Вестник Забайкальского государственного университета. 2015. №9 (124).

7. Дроботенко О.Н., Соколов Н.Н. К вопросу о применении постнеклассической методологии к процессу разработки и принятия политических решений в информационном обществе // PolitBook. 2021. №1.

8. Зиммель Г. Избранное. Том 1. Философия культуры. Москва: Юрист, 1996.

9. Кондратенко С.Е. Политические аспекты современного дискурса // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. №8-1 (58).

10. Ленин В.И. Государство и революция // Полное собрание сочинений. Издание пятое. Т. 33. Москва: Политиздат, 1977.

11. Локк Дж. Сочинения: В 3 т. Т. 3. // Пер. с англ. и лат. Ред. и сост., авт. примеч. Субботин А. Л. Москва: Мысль, 1988.

12. Лункин Р.Н. Протестантизм и глобализация на просторах Евразии // Религия и глобализация на просторах Евразии. Сборник. Сер. «Религия в Евразии» Московский центр Карнеги; под ред. Алексея Малашенко и Сергея Филатова. Москва, 2009.

13. Лозинский С. Г. История папства. 3-е изд. Москва: Политиздат, 1986.

14. Миллс Р. Властвующая элита // пер. с англ. Е.И. Розенталь, Л.Г. Рошаль, В.Л. Кон. Москва: Иностранная литература, 1959.

15. Одиноченко В.А. Понимание диалога с государством в документах Русской православной и Римско-католической церкви // Религия и общество. 12 сборник научных статей. Под общей редакцией В.В. Старостенко, О.В. Дьяченко. Могилев, 2018.

16. Талавера А.Ф. Тенденции к глобализации в Чили // Многоликая глобализация. Под ред. П. Бергера, С. Хантингтона. Пер. с англ. В. В. Сапова. Москва: Аспект Пресс, 2004.

17. Уткин А.И. Мировой порядок XXI века. Москва: ЭКСМО, 2002.

18. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука, 2001.

19. Харитоновна О.Г. Католицизм и современность: демократия в социальной доктрине Римско-католической церкви // Политическая наука. 2013. №2.
20. Шабров О.Ф. Модернизация в эпоху постмодерна // Власть. 2017. Т. 25. №11.
21. Шмитт К. Государство: Право и политика // Пер. с нем. и вступ. ст. О. В. Кильдюшова; сост. В. В. Анашвили, О. В. Кильдюшов. Москва: Территория будущего, 2013.
22. Элвуд У. Глобализация // пер с англ. А. Захарова. Москва: Книжный клуб Книговек, 2013.
23. Білоус О. Проблеми та перспективи формування релігійно-моральних цінностей сучасної молоді // Молодіжна політика: проблеми і перспективи. Вип. 3.
24. Anderson J. Conservative Christian Politics in Russia and the United States. Dreaming of Christian nations. London and New York: Routledge Taylor&Francis Group, 2014.
25. Johnson C.D.L. The Globalization of Hesychasm and the Jesus Prayer: Contesting Contemplation. New York: Continuum, 2010.
26. McCaw B. R. Pro Deo et Patria: The Greek Catholic Church and Ukrainian National Life – Past and Present // University of St. Thomas Journal of Law and Public Policy. 2014. Vol. 9. №1.
27. Payne D. P. Spiritual Security, the Russian Orthodox Church, and the Russian Foreign Ministry: Collaboration or Cooptation? // Journal of Church and State. 2010. Vol. 52. №4.
28. Richters K. The Post-Soviet Russian Orthodox Church. Politics, Culture and Greater Russia. London and New York: Routledge Taylor& Francis Group, 2013.
29. Sarkissian A. Religious Reestablishment in Post-Communist Polities // Journal of Church and State. 2010. Vol. 51. №3.
30. Stoeckl K. The Russian Orthodox Church as moral norm entrepreneur // Religion, State & Society. 2016. Vol. 44. №2.

References

1. Alekseev S.V., Skovikov A.K., Shumilov A.V. Gosudarstvenno-tserkovnye otnosheniya v Rossii: ot traditsii k global'noi informatizatsii // PolitBook. 2019. №2.
2. Aristotel' Sochineniya: V 4-kh t. T. 4 // Per. s drevnegrech. Moskva: Mysl', 1983.
3. Bakunin M.A. Internatsional, Marks i evrei: (Polemique contre les Juifs) / Per. s frants. V. M. Smirnova. Moskva: Izdatel'skii dom «Veche», «AZ» (Znatnov), 2008.
4. Berdyaev N.A. Samopoznanie (opyt filosofskoi avtobiografii). Moskva: Kniga, 1991.
5. Giddens E. Uskol'zayushchii mir. Kak globalizatsiya menyaet nashu zhizn'. Moskva: Ves' Mir, 2004.
6. Gorokhov S. A., Dmitriev R. V. Latinskaya Amerika: sovremennye trendy konfessional'nogo razvitiya // Vestnik Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. №9(124).
7. Drobotenko O.N., Sokolov N.N. K voprosu o primenenii postneklassicheskoi metodologii k protsessu razrabotki i prinyatiya politicheskikh reshenii v informatsionnom obshchestve // PolitBook. 2021. №1.
8. Zimmel' G. Izbrannoe. Tom 1. Filosofiya kul'tury. Moskva: Yurist, 1996.
9. Kondratenko S.E. Politicheskie aspekty sovremennogo diskursa // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2015. №8-1 (58).
10. Lenin V.I. Gosudarstvo i revolyutsiya // Polnoe sobranie sochinenii. Izdanie pyatae. T. 33. Moskva: Politizdat, 1977.
11. Lakk Dzh. Sochineniya: V 3 t. T. 3. // Per. s angl. i lat. Red. i sost., avt. primech. Subbotin A. L. Moskva: Mysl', 1988.
12. Lunkin R.N. Protestantizm i globalizatsiya na prostorakh Evrazii // Religiya i globalizatsiya na prostorakh Evrazii. Sbornik. Ser. «Religiya v Evrazii» Moskovskii tsentr Karnegi; pod red. Alekseya Malashenko i Sergeya Filatova. Moskva, 2009.
13. Lozinskii S. G. Istoriya papstva. 3-e izd. Moskva: Politizdat, 1986.
14. Mills R. Vlastvuyushchaya elita // per. s angl. E.I. Rozental', L.G. Roshal', V.L. Kon. Moskva: Inostrannaya literatura, 1959.
15. Odinochenko V.A. Ponimanie dialoga s gosudarstvom v dokumentakh Russkoi pravoslavnoi i Rimsko-katolicheskoi tserkvi // Religiya i obshchestvo. 12

sbornik nauchnykh statei. Pod obshchei redaktsiei V.V. Starostenko, O.V. D'yachenko. 2018.

16. Talavera A.F. Tendentsii k globalizatsii v Chili // Mnogolikaya globalizatsiya. Pod red. P. Bergera, S. Khantingtona. Per. s angl. V. V. Sapova. Moskva: Aspekt Press, 2004.

17. Utkin A.I. Mirovoi poryadok XXI veka. Moskva: EKSMO, 2002.

18. Khabermas Yu. Vovlechenie drugogo. Ocherki politicheskoi teorii. SPb.: Nauka, 2001.

19. Kharitonova O.G. Katolitsizm i sovremennost': demokratiya v sotsial'noi doktrine Rimsko-katolicheskoi tserkvi // Politicheskaya nauka. 2013. №2.

20. Shabrov O.F. Modernizatsiya v epokhu postmoderna // Vlast'. 2017. T. 25. №11.

21. Shmitt K. Gosudarstvo: Pravo i politika // Per. s nem. i vstup. st. O. V. Kil'dyushova; sost. V. V. Anashvili, O. V. Kil'dyushov. Moskva: Territoriya budushchego, 2013.

22. Elvud U. Globalizatsiya // per s angl. A. Zakharova. Moskva: Knizhnyi klub Knigovek, 2013.

23. Bilous O. Problemi ta perspektivi formuvannya religiino-moral'nikh tsinnosti suchasnoi molodi // Molodizhna politika: problemi i perspektivi. Vip. 3.

24. Anderson J. Conservative Christian Politics in Russia and the United States. Dreaming of Christian nations. London and New York : Routledge Taylor&Francis Group, 2014.

25. Johnson C.D.L. The Globalization of Hesychasm and the Jesys Prayer: Contesting Contemplation. New York: Continuum, 2010.

26. McCaw B. R. Pro Deo et Patria: The Greek Catholic Church and Ukrainian National Life – Past and Present // University of St. Thomas Journal of Law and Public Policy. 2014. Vol. 9. №1.

27. Payne D. P. Spiritual Security, the Russian Orthodox Church, and the Russian Foreign Ministry: Collaboration or Cooptation? // Journal of Church and State. 2010. Vol. 52. №4.

28. Richters K. The Post-Soviet Russian Orthodox Church. Politics, Culture and Greater Russia. London and New York : Routledge Taylor& Francis Group, 2013.

29. Sarkissian A. Religious Reestablishment in Post-Communist Polities // Journal of Church and State. 2010. Vol. 51. №3.

30. Stoeckl K. The Russian Orthodox Church as moral norm entrepreneur // Religion, State & Society. 2016. Vol. 44. №2.

В.И. Буренко

V. Burenko

**О ДВУХ НАПРАВЛЕНИЯХ
В ИСТОРИИ
ВОЗРОЖДЕНИЯ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ПОЛИТОЛОГИИ:
АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ
ВЗГЛЯД И
ПЕРСОНАЛЬНОЕ
ИЗМЕРЕНИЕ
(1960-Е – 1980-Е ГГ.)**

**ABOUT TWO DIRECTIONS
IN THE HISTORY OF
THE REVIVAL OF RUSSIAN
POLITICAL SCIENCE:
AN ALTERNATIVE VIEW
AND A PERSONAL
DIMENSION
(1960S - 1980S)**

Аннотация

Статья написана в продолжение двух статей, опубликованных в 2019 и 2020 годах. В данной статье развивается далее положение о том, что в последние десятилетия истории Советского Союза политическая наука возрождалась творческими усилиями авторов, представляющих два направления. На основе разработанной в данной статье разновидности экспертного метода, предложен персональный состав исследователей, возрождающих советскую политологию. На базе источников, появившихся в последние два-три десятилетия, а также на основе разработанных в предыдущих статьях критериев, расширен и представлен персональный состав авторов, образующих диссидентское направление в политической мысли того периода. Таким образом, в данной статье предложена и раскрыта более целостная и полная модель процесса становления политической науки в 1960-е – 1980-е гг. Особенность этой модели в том, что процесс возрождения политической науки не сводится только к исследованиям учёных, представителей советской политологии.

Ключевые слова:

политика, политическая наука, политическая мысль, советская политология, диссидентская политология, отечест-

Abstract

The article is written in continuation of two articles published in PolitBook in 2019 and 2020. This article further develops the position that in the last decades of the history of the Soviet Union, political science was revived by the creative efforts of authors representing two directions. Based on the variety of the expert method developed in this article, the personal composition of researchers reviving Soviet political science is proposed. Based on the sources that appeared in the last two or three decades, as well as on the basis of the criteria developed in previous articles, the personal composition of the authors forming the dissident trend in political thought of that period is expanded and presented. Thus, this article proposes and reveals a more holistic and complete model of the process of formation of political science in the 1960s - 1980s. The peculiarity of this model is that the process of the revival of political science is not limited only to the research of scientists, representatives of Soviet political science.

Key words:

politics, political science, political thought, Soviet political science, dissident political science, domestic political

венная политология, методологический science, methodological pluralism, expert method.
 плюрализм, экспертный метод.

В современной литературе, посвящённой становлению политологии на отечественной почве утвердилась точка зрения, согласно которой важным этапом её истории является период, охватывающий 1960-е – 1980-е гг. Более конкретно этот период характеризуется по-разному: как время оживления и возрождения [15, с. 257; 24, с. 4, 10], как начало становления [6, с. 243], как этап возникновения политической науки в Советском Союзе [16, с. 40].

Поскольку 1960-е – 1980-е гг. – это последние десятилетия истории СССР, постольку в литературе, обозначающей этот период развития политической мысли, стало применяться понятие «советская политология» [19, с. 44-48]. В некоторых работах конца 80-х – начала 90-х гг. XX века встречаются понятия «марксистская политология», «политология социализма» [5, с. 56-57], «социалистическая политология» [27, с. 57, 62-63]. Понятие «политология» в советском общественном сознании приживалось с трудом. В одной из статей Э.Я. Баталов вспоминает разговор с редактором одного солидного издательства, случившийся ещё до горбачёвской перестройки: «Вот Вы пишете «политология». Эта штука не пройдёт. Надо или добавить «буржуазная» или выбросить это слово вообще» [9, с. 34]. Так или иначе, но в итоге, для обозначения политических исследований периода 1960-х – 80-х гг. закрепилось понятие «советская политология». И для этого были достаточные основания. В этот период были осуществлены важные шаги в институциональном плане. В 1960 году Секция экономических, философских и правовых наук Всесоюзного общества культурной связи с заграницей была преобразована в Советскую ассоциацию политических (государствоведческих) наук (САПН). С 1976 года начинают выходить ежегодные издания САПН. В 1979 году Москва стала местом проведения XI Всемирного конгресса МАПН, ставшего мощным импульсом роста политических исследований. И наконец, в 1989 году произошло официальное признание политологии [12, с. 168-169].

Два признака характеризуют советскую политологию: господство марксистской методологии исследования социально-политических процессов и идеологическое обоснование путей совершенствования социализма. Учёные, внёсшие вклад в становление советской политологии, со-

храняли веру в социализм и марксизм и в отличие от исследователей-догматиков относились критически к теории и практике социалистического строительства в СССР. Один из отцов-основателей советской политологии А.Е. Бовин называл эту исследовательскую и мировоззренческую позицию фрондой. «Под фрондой, – пишет он, – я понимаю «инициированное XX съездом КПСС критическое отношение к власти, к её политике, не затрагивающее принципиальных основ этой политики, основ нашего строя. Общая настроенность фрондёров была – возвращение к Ленину» [10]. Эти критически настроенные, но не затрагивающие принципиальных основ советского строя исследователи, – представляли основной костяк советской политической науки. Они составляли политологическое сообщество, которое вело продуктивную научную работу, исследуя актуальные для того времени социально-политические проблемы советского общества и мирового развития» [14, с. 169-170].

Важным показателем возрождения политической науки в этот период явился рост количества работ политологического характера. На основе анализа публикаций 1960-х – 1980-х годов, посвящённых политической проблематике, можно определить объём понятия «политологическое сообщество» и персональный состав этого сообщества. С этой целью мы используем экспертный метод, применяя его к анализу одной из антологий по политическим наукам и к обзору статьи А. Галкина, в которой рассматривается вклад исследователей в становление советской политологии.

Экспертный метод, – как отмечает А.С. Ахременко, – «...заключается в том, чтобы использовать в качестве «измерительного прибора» группу экспертов...» [7, с. 210]. Обращаясь к материалам любых антологий, мы исходим из допущения, что их составителей можно рассматривать в качестве «измерительного прибора», разновидности фокус-групп, которые выступают в качестве наиболее компетентных экспертов, оценивают работы тех или иных исследователей и через совокупность подобранных авторских материалов дают читателю возможность, составлять более-менее полное представление о состоянии дел в данной сфере науки и культуры в тот или иной период. То есть, состав авторов и их трудов, включённых в ту или иную антологию, можно рассматривать как своего рода результат работы составителей-экспертов. В то же время материалы антологий, хрестоматий представляют исследователю добротный эмпирический материал для аналитической работы над перечнем персоналий и

текстов, включённых в те или иные антологии, хрестоматии, словари, альманахи и др.

Исходя из этого допущения, обратимся к материалам пятитомной Антологии «Российская политическая наука» под общей редакцией профессора А.И. Соловьёва. Третий том этой Антологии «Российская политическая наука. 1960-1985» содержит работы периода возрождения отечественной политологии на её советском этапе. Составители этого тома, – которые в нашем допущении выполняют функцию экспертов, – включили в его содержание подборки текстов 35 авторов [24, с. 557 - 559]. Это Г.К. Ашин, В.И. Борисюк, Ф.М. Бурлацкий, А.П. Бутенко, Г.Г. Водолазов, А.А. Галкин, М.Я. Гефтер, Г.Е. Глезерман, Я.С. Драбкин, Ю.А. Красин, В.Б. Кувалдин, В.А. Кулинченко, А.А. Лебедев, И.Б. Левин, В.Т. Логинов, Б.Р. Лопухов, В.П. Лукин, К.Л. Майданик, Г.И. Мирский, И.К. Пантин, С.В. Патрушев, Е.Г. Плимак, А.Б. Резников, С.В. Рогачёв, А.М. Салмин, А.Д. Сахаров, В.С. Семёнов, Н.А. Симония, А.А. Федосеев, И.Т. Фролов, К.Г. Холодковский, В.Г. Хорос, А.С. Черняев, Г.Х. Шахназаров, З.П. Яхимович.

Но поскольку «не существует экспертов, в сознании которых были бы заложены точные количественные эталоны меры того или иного признака» [7, с. 221], обратимся дополнительно к статье А.А. Галкина «У истоков возрождения политической науки в России (1960-1985)». В этой статье представлен анализ персонального состава и вклада отечественных исследователей в становление политической науки в интересующий нас период. В статье Галкина не названы шесть авторов из 35 исследователей, отмеченных в Российской политической антологии. Но вместе с тем указаны другие исследователи, работы и организаторские усилия которых способствовали возрождению политологии в советский период, это: Е.А. Амбарцумов, Г.А. Арбатов, А.Е. Бовин, К.Н. Брутенц, В.И. Гантман, Г.Г. Дилигенский, Н.Н. Иноземцев, Л.В. Карпинский, Э.В. Клопов, Д.Е. Меламид, Б.С. Орлов, С.П. Перегудов, Н.Н. Разумович, М.А. Чешков [15, с. 257].

Таким образом, материал Антологии и статья А. Галкина позволяют сделать вывод о том, что около 50 авторов составляли советское политологическое сообщество, задавали тон в исследованиях актуальной для того времени политической проблематики. В основном, из состава этих авторов формировались исследовательские группы и школы, регулярно выходили статьи и книги, главным предметом анализа в которых выступали политика и власть, политические системы, политическая культура, политическое по-

ведение, международная политика [8, с. 193-196]. В этот период появляются монографии по теории революций, вопросам социализма как общественного строя и как мировой системы, по проблемам политических элит и лидерства, исследования о национально-освободительном движении, о зарубежных политических партиях и партийных системах, о фашизме как политическом режиме, о массовой культуре, о проблемах и перспективе политических компромиссов, о сдвигах в политических ориентациях пролетариата западных стран, о мире и мирном сосуществовании капитализма и социализма и др. [15, с. 260-268].

Всё вышеназванное, – делает вывод М.В. Ильин, – «позволяет характеризовать данный этап приращения знания о политике как де-факто политологию» [18, с. 15]. Британский профессор, автор книги «Политическая наука в СССР. Новый этап развития» также отмечает, что в Советском Союзе «с 1960-х годов наблюдается значительный рост публикаций. Это книги и журнальные статьи, которые смело можно подвести под рубрику «политическая наука» [11, с. 62].

Вместе с тем, следует видеть, что понятие «советская политология» не отражает всю сложность и многообразие процесса становления отечественной политологии в последние три десятилетия советского общества. То, что отражается понятием «советская политология» представляет лишь одно из направлений становления отечественной политологии в СССР. Многие из важных работ, – отмечает М.В. Ильин, – «оказались либо забыты, либо оттеснены на периферию внимания. Нет целостного представления обо всём объёме политических исследований, осуществлявшихся в советское время. Необходимы анализ и комплексная оценка основных направлений исследований» [18, с. 20]. Прошло 20 лет с констатации этого неудовлетворительного уровня современных представлений о состоянии политических исследований в советское время. Но и сегодня сохраняется ситуация, свидетельствующая о том, что в исследованиях истории политической науки и мысли есть обширные лакуны, ждущие своего заполнения. Конкретно речь идёт о вкладе в развитие политической мысли работ тех авторов, которых следует относить к диссидентскому направлению возрождения политической науки в СССР. До сих пор это направление политической мысли остаётся самой малоисследованной областью истории отечественной политической науки.

Работы представителей этого направления находились вне рамок советской школы политологии, в 60-е – 80-е гг. XX века они были под запретом. По отношению к сложившейся политической системе в СССР, к формирующейся советской политической науке, – это были несистемные и антисистемные исследования. Диссидентская политология формировалась в духовно-идеологическом сопротивлении системе. Попытка обосновать субстанциональность, суверенность и значимость этого направления для отечественной политологии была предпринята в моей статье «Отечественная политология: диссидентское измерение» [13, с. 6-20]. В этой же статье, в той мере, в какой позволял формат журнального материала, был представлен далеко не полный, открытый для дальнейших исследований персональный состав диссидентского направления. На основе выработки критериев отнесения тех или иных авторов к диссидентскому направлению и анализа их публикаций в период 1960-х–1980-х годов, к числу исследователей-диссидентов были отнесены: А. Авторханов, Л.М. Алексеева, А.А. Амальрик, В.В. Белоцерковский, В.К. Буковский, М.С. Восленский, М.Я. Геллер, М.Я. Гефтер, А.А. Зиновьев, Р.А. Медведев, А.М. Некрич, А.Д. Сахаров, А.И. Солженицын, Б.И. Шрагин, А.Л. Янов [13, с. 14-16].

Конечно, этот список не является завершённым. Так, значительный теоретический и методологический интерес для анализа истории отечественной политологии представляют статьи и книги многих других авторов-диссидентов: П.М. Абовина-Егидеса [1; 2], М.С. Агурского [3; 4; 17], Ю.Ф. Орлова [20; 25], В.Ф. Турчина [20; 29], В.Н. Чалидзе [30; 31], И.Р. Шафаревича [17; 32; 33; 34] и др. В связи с доступностью для современных исследователей многих работ авторов-диссидентов появилась возможность реконструкции и ретроспективного анализа истории политической мысли периода возрождения политической науки в СССР [22, с. 5-42]. Тем самым, можно заполнять лакуны, существующие в описании истории политической науки и мысли 1960-1980-х гг. Очевидно, что пробелы в осмыслении истории отечественной политологии приводят к недооценке её социальной роли, обедняют и упрощают процесс её возрождения, сводят этот период лишь к интеллектуальным и организационным усилиям представителей советской политологии. А это, в свою очередь, влечёт за собой обвинения всей отечественной политической мысли этого периода в методологической нищете, идеологической предвзятости и утопизме выводов, к отрицанию значимости периода 1960-х – 1980-х го-

дов как периода активного творческого возрождения политической науки. Так, некоторые исследователи подчёркивают, что нет достаточных оснований «считать точкой отсчёта отечественной политической науки те попытки, которые предпринимались в 60-е годы и в последующие два десятилетия XX века группой советских ученых-обществоведов», что в атмосфере господства идеологического единообразия зарождение подлинной политической науки не могло состояться по определению [21, с. 132-133]. Вряд ли с этим можно согласиться, если видеть, что в этот период борьба за истину шла не только в интеллектуальной, но и в силовой форме.

Появление в последние десятилетия огромного массива источников, особенно на интернет-ресурсах, настоятельно требует формировать иной, более объёмный и продуктивный взгляд на процесс возрождения политической науки и мысли в период 60-х-80-х гг. XX века. Для этого необходимо признать и интегрировать политические работы авторов-диссидентов в качестве неотъемлемого направления интеллектуальных поисков-ответов на внутренние и внешние вызовы, возникающие в тот период перед советским обществом. При этом условии картина отечественной политической мысли 60-80-х гг. XX века будет приобретать качественно новые краски. За верхним слоем этой картины, который отражает творческие усилия представителей советской политологии, исследователь-реставратор обнаружит многоцветие имён, идей и теорий, отражающих деятельность диссидентского направления в политической мысли этого периода. Непредвзятый исследователь заметит, что отечественная политическая наука и мысль 1960-х - 1980-х гг. возродилась по своему содержанию в виде двух самостоятельных направлений.

Осмысление политической проблематики в этот период осуществлялось в академической и публицистической формах. Язык отечественной политической науки только-только начинал формироваться. О политике писали, используя понятийный аппарат своих наук, историки и философы, юристы и экономисты, физики и литераторы. Отсюда, к примеру, опыт художественно-исторического исследования в политической публицистике А.И. Солженицына. Анализ политики в этот период характеризовался многообразием методологических подходов. Авторы, составляющие советское направление в политологии, описывали ситуацию в стране и мире с марксистских позиций. Исследователи диссидентского направле-

ния осуществляли анализ на основе других методологических подходов. Так, В.Ф. Турчин в работе «Инерция страха. Социализм и тоталитаризм» называл свой подход в противоположность марксистскому историческому материализму историческим идеализмом. Этот подход утверждает то, «что во взаимосвязи между общественным бытием и общественным сознанием именно сознание является ведущим фактором, определяющим динамику развития общества в целом [29, с. 106-107]. Методологической основой работ А.Д. Сахарова выступала антропоцентристская философия, провозглашающая первичность прав человека, определяющая их в качестве базиса развития общества [26; 1, с.35]. П.М. Абовин-Егидес в своих исследованиях исходил из того, что «уровень развития производительных сил имеет своим обуславливающим базисом правово-политическую систему. Она же обуславливает развитие и духовной культуры» [1, с. 29]. А.С. Солженицын исходил из приоритета этики над политикой, продолжал и творчески развивал религиозно-нравственную славянофильскую интеллектуальную традицию, «важнейшей ценностью которой было не государство, а русский народ, свободное бытие которого, требует обеспечения гражданских прав, свободы слова, прессы, религиозной совести, развития земского самоуправления» [28; 23].

В целом же методологический плюрализм позволял достигать более полного и объёмного, более глубокого описания политических процессов, происходящих тогда в советском обществе. Но результаты немарксистских исследований вызывали резкое неприятие со стороны советских властей, а независимые учёные подвергались силовому давлению.

Так в общих чертах можно представить более целостную картину политических исследований, осуществлявшихся в советское время. Детальный анализ идей и теорий, разработанных представителями диссидентского направления, выявление их теоретической и социальной значимости, – это большой труд собирания отечественной политической мысли, это задача дальнейших исследований.

Настало время и в области истории политической мысли и науки разрабатывать и осуществлять своего рода дорожные карты по всестороннему освоению творческого наследия отечественных авторов, писавших в 1960-е – 1980-е гг. на политические темы.

Литература

1. Абовин-Егидес П.М. Андрей Сахаров (трагедия великого гуманиста). Париж: «Поиски», 1985. URL: https://vtoraya-literatura.com/pdf/abovin-egides_andrej_sakharov_tragediya_velikogo_gumanista_1985__ocr.pdf (дата обращения 20.04.2021).
2. Абовин-Егидес П.М. Паралогизмы полицейской психиатрии и их отношение с медицинской этикой // Поиски. 1982. №4. URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=5371> (дата обращения 20.04.2021).
3. Агурский М. Идеология национал-большевизма. - Paris: YMCA-Press, 1980. URL: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000026/index.shtml> (дата обращения 20.04.2021).
4. Агурский М. Современные общественно-экономические системы и их перспективы. Paris: YMCA-Press, 1974. URL: <http://www.vehi.net/samizdat/izpodglyb/index.html> (дата обращения 20.04.2021).
5. Александров Н.Д., Сулимов В.Е. О некоторых методологических основах политологии // Социально-политические науки. 1991. №3.
6. Арбатов Г.А. Затянувшееся выздоровление (1953-1985 гг.) Свидетельство современника. Москва: Междунар. отношения, 1991.
7. Ахременко А.С. Политический анализ и прогнозирование: Введение в количественные методы. Москва: Изд-во Моск. университета. 2012.
8. Ашин Г.К., Мельвиль А.Ю, Шестопад А.В, Политическая наука: школа МГИМО // Полития. 2000. №2.
9. Баталов Э.Я. Восхождение к политической науке // Общественные науки и современность. 2005. №3.
10. Бовин А.Е. XX век как жизнь. Воспоминания. Москва: Центрполиграф, 2017. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=596503&p=1> (дата обращения 08.04.2021).
11. Браун А. Политическая наука в СССР. Новый этап // Политическая наука. Отечественная политология: Итоги XX века: Сб. науч. тр. Отв. ред. вып. М.В. Ильин. Москва: 2001. №1.
12. Буренко В.И. О начале и истоках современной российской политологии // PolitBook. 2019. №3.
13. Буренко В.И. Отечественная политология: диссидентское измерение // PolitBook. 2020. №4.

14. Воробьев Д.М. Политология в СССР: формирование и развитие научного сообщества // Полис. Политические исследования. 2004. №4.

15. Галкин А.А. У истоков возрождения политической науки в России (1960-1985 гг.). Субъективные заметки // Полития. 2010. №3-4.

16. Дилигенский Г.Г. Интервью С.В. Патрушеву // Политическая наука. Отечественная политология: Итоги XX века. 2001. №1.

17. Из-под глыб. Сб. статей. YMCA-Press, Paris, 1974. URL: <http://www.vehi.net/samizdat/izpodglyb/index.html> (дата обращения 20.11.2021).

18. Ильин М.В. Отечественная политология: осмысление традиции. // Отечественная политология: итоги XX века. Политическая наука. Москва, 2001. №1.

19. Марченко М.Н. На пути становления политической науки в СССР // Социально-политические науки. 1991. №3.

20. Орлов Ю.Ф. Возможен ли социализм не тоталитарного типа? // За рубежом 1977. № 3-4. URL: https://vtoraya-literatura.com/pdf/zarubezhje_55-56_1977_text.pdf (дата обращения 20.04.2021).

21. Пляйс Я.А. От политической мысли к политической науке. Справочник персоналий. Москва, МГУП, 1999.

22. Пружинин Б.И. Историческая реконструкция в гуманитарных исследованиях: методологические возможности и проблемы. Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 2018. №5.

23. Работяжев Н. Александр Солженицын как политический мыслитель // Независимая газета. 10.12. 2018.

24. Российская политическая наука. Антология в 5-ти томах под общ. ред. А.И. Соловьёва. Т. 3: 1960-1985-е годы. Москва: РОССПЭН, 2008.

25. Самосознание. Сб. статей. Изд-во «Хроника». Нью-Йорк. 1976 // URL: https://vtoraya-literatura.com/pdf/samosoznanie_sbornik_statej_1976__ocr.pdf (дата обращения 20.04.2021).

26. Сахаров А. Мир, прогресс, права человека: Статьи и выступления. Ленинград: Сов. Писатель. 1990.

27. Скиба В.И. К вопросу о социалистической политологии // Социально-политические науки. 1991. №3.

28. Солженицын А. На возврате дыхания и сознания. Раскаяние и самоограничение. Образованщина // Новый мир. 1991. №5.

29. Турчин В.Ф. Инерция страха. Социализм и тоталитаризм. Нью-Йорк: «Хроника». 1978. URL: https://vtoraya-literatura.com/publ_2411.html. (дата обращения 20.04.2021).

30. Чалидзе В.Н. Лекции о правовом положении рабочих в СССР. Нью-Йорк: «Хроника», 1976. URL: https://vtoraya-literatura.com/publ_515.html. (дата обращения 20.04.2021).

31. Чалидзе В.Н. Победитель коммунизма. Мысли о Сталине, социализме и Россия. Нью-Йорк: Chalidze-Publications, 1981. URL: https://vtoraya-literatura.com/pdf/chalidze_pobeditel_kommunizma_1981__ocr.pdf. (дата обращения 20.04.2021).

32. Шафаревич И.Р. «Социализм как явление мировой истории» 1977 URL: https://vtoraya-literatura.com/razdel_21684_str_1.html. (дата обращения 20.04.2021).

33. Шафаревич И.Р. Социализм. Сб. статей «Из-под глыб» YMCA-Press, Paris, 1974. URL: <http://www.vehi.net/samizdat/izpodglyb/index.html>. (дата обращения 20.04.2021).

34. Шафаревич И.Р. Есть ли будущее у России? / Сб. статей «Из-под глыб» YMCA-Press, Paris, 1974. URL: <http://www.vehi.net/samizdat/izpodglyb/index.html>. (дата обращения 20.04.2021).

References

1. Abovin-Egides P.M. Andrei Sakharov (tragediya velikogo gumanista). Parizh: «Poiski», 1985. URL: https://vtoraya-literatura.com/pdf/abovinegides_andrej_sakharov_tragediya_velikogo_gumanista_1985__ocr.pdf. (дата обращения 20.04.2021).

2. Abovin-Egides P.M. Paralogizmy politseiskoi psikhologii i ikh sootnoshenie s meditsinskoi etikoi // Poiski. 1982. №4. URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=5371> (дата обращения 20.04.2021).

3. Agurskii M. Ideologiya natsional-bol'shevizma. Paris: YMCA-Press, 1980. URL: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000026/index.shtml>. (дата обращения 20.04.2021).

4. Agurskii M. Sovremennye obshchestvenno-ekonomicheskie sistemy i ikh perspektivy. Paris: YMCA-Press, 1974. URL:

<http://www.vehi.net/samizdat/izpodglyb/index.html> (data obrashcheniya 20.04.2021).

5. Aleksandrov N.D., Sulimov V.E. O nekotorykh metodologicheskikh osnovakh politologii // Sotsial'no-politicheskie nauki. 1991. №3.

6. Arbatov G.A. Zatyanusheesya vyzdorovlenie (1953-1985 gg.) Svidetel'stvo sovremennika. Moskva: Mezhdunar. otnosheniya, 1991.

7. Akhremenko A.S. Politicheskii analiz i prognozirovaniye: Vvedenie v kolichestvennyye metody. Moskva: Izd-vo Mosk. universiteta. 2012.

8. Ashin G.K., Mel'vil' A.Yu., Shestopal A.V. Politicheskaya nauka: shkola MGIMO // Politiya. 2000. №2.

9. Batalov E.Ya. Voskhozhdenie k politicheskoi nauke // Obshchestvennyye nauki i sovremennost'. 2005. №3.

10. Bovin A.E. XX vek kak zhizn'. Vospominaniya. Moskva: Tsentrpoligraf, 2017. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=596503&p=1> (data obrashcheniya 08.04.2021).

11. Braun A. Politicheskaya nauka v SSSR. Novyi etap // Politicheskaya nauka. Otechestvennaya politologiya: Itogi KhKh veka: Sb. nauch. tr. Otv. red. vyp. M.V. Il'in. Moskva: 2001. №1.

12. Burenko V.I. O nachale i istokakh sovremennoi rossiiskoi politologii // PolitBook. 2019. №3.

13. Burenko V.I. Otechestvennaya politologiya: dissidentskoe izmerenie // PolitBook. 2020. №4.

14. Vorob'ev D.M. Politologiya v SSSR: formirovaniye i razvitiye nauchnogo soobshchestva // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2004. №4.

15. Galkin A.A. U istokov vozrozhdeniya politicheskoi nauki v Rossii (1960-1985 gg). Sub"ektivnyye zametki // Politiya. 2010. №3-4.

16. Diligenskii G.G. Interv'yu S.V. Patrushevu // Politicheskaya nauka. Otechestvennaya politologiya: Itogi KhKh veka. 2001. №1.

17. Iz-pod glyb. Sb. statei. YMCA-Press, Paris, 1974. URL: <http://www.vehi.net/samizdat/izpodglyb/index.html>. (data obrashcheniya 20.04.2021).

18. Il'in M.V. Otechestvennaya politologiya: osmyslenie traditsii. // Otechestvennaya politologiya: itogi KhKh veka. Politicheskaya nauka. Moskva: 2001. №1.

19. Marchenko M.N. Na puti stanovleniya politicheskoi nauki v SSSR // Sotsial'no-politicheskie nauki. 1991. №3.

20. Orlov Yu.F. Vozmozhn li sotsializm ne totalitarnogo tipa? // Zarubezh'e 1977. № 3-4. URL: https://vtoraya-literatura.com/pdf/zarubezhje_55-56_1977_text.pdf (data obrashcheniya 20.04.2021).

21. Plyais Ya.A. Ot politicheskoi mysli k politicheskoi nauke. Spravochnik personalii. Moskva, MGUP, 1999.

22. Pruzhinin B.I. Istoricheskaya rekonstruktsiya v gumanitarnykh issledovaniyakh: metodologicheskie vozmozhnosti i problemy. Materialy «kruglogo stola» // Voprosy filosofii. 2018. №5.

23. Rabotyazhev N. Aleksandr Solzhenitsyn kak politicheskii myslitel' // Nezavisimaya gazeta. 10.12.2018.

24. Rossiiskaya politicheskaya nauka. Antologiya v 5-ti tomakh pod obshch. red. A.I. Solov'eva. T. 3: 1960-1985-e gody. Moskva: ROSSPEN, 2008.

25. Samosoznanie. Sb. statei. Izd-vo «Khronika». N'yu-Iork. 1976 // URL: https://vtoraya-literatura.com/pdf/samosoznanie_sbornik_statej__1976__ocr.pdf (data obrashcheniya 20.04.2021).

26. Sakharov A. Mir, progress, prava cheloveka: Stat'i i vystupleniya. Leningrad: Sov. Pisatel'. 1990.

27. Skiba V.I. K voprosu o sotsialisticheskoi politologii // Sotsial'no-politicheskie nauki. 1991. №3.

28. Solzhenitsyn A. Na vozvrate dykhaniya i soznaniya. Raskayanie i samoogranichenie. Obrazovanshchina // Novyi mir. 1991. №5.

29. Turchin V.F. Inertsiya strakha. Sotsializm i totalitarizm. N'yu-Iork: «Khronika». 1978. URL: https://vtoraya-literatura.com/publ_2411.html (data obrashcheniya 20.04.2021).

30. Chalidze V.N. Lektsii o pravovom polozenii rabochikh v SSSR. N'yu-Iork: «Khronika», 1976. URL: https://vtoraya-literatura.com/publ_515.html. (data obrashcheniya 20.04.2021).

31. Chalidze V.N. Pobeditel' kommunizma. Mysli o Staline, sotsializme i Rossiya. N'yu-Iork: Chalidze-Publications, 1981. URL: https://vtoraya-literatura.com/pdf/chalidze_pobeditel_kommunizma_1981__ocr.pdf (data obrashcheniya 20.04.2021).

32. Shafarevich I.R. «Sotsializm kak yavlenie mirovoi istorii» 1977 URL: https://vtoraya-literatura.com/razdel_21684_str_1.html (data obrashcheniya 20.04.2021).

33. Shafarevich I.R. Sotsializm. Sb. statei «Iz-pod glyb» YMCA-Press, Paris, 1974. URL: <http://www.vehi.net/samizdat/izpodglyb/index.html>. (data obrashcheniya 20.04.2021).

34. Shafarevich I.R. Est' li budushchee u Rossii? Sb. statei «Iz-pod glyb» YMCA-Press, Paris, 1974. URL: <http://www.vehi.net/samizdat/izpodglyb/index.html>. (data obrashcheniya 20.04.2021).

РЕЦЕНЗИЯ

**Зб.В. Ивановский,
Д.В. Разумовский,
Д.М. Розенталь**

**Zb. Iwanowski,
D. Razumovski,
D. Rozentel**

ВЕНЕСУЭЛА: СИСТЕМНЫЙ КРИЗИС И ВОЗМОЖНОСТИ КОМПРОМИССА МЕЖДУ ВЛАСТЬЮ И ОППОЗИЦИЕЙ

VENEZUELA: SYSTEMIC CRISES AND SEARCH FOR A COMPROMISE BETWEEN POWER AND OPPOSITION

Аннотация

Рецензируется монография «Векторы комплексного и всеобъемлющего транзита в Венесуэле: взгляд изнутри», авторы которой анализируют ситуацию в Боливарианской Республике в условиях острого политического и социально-экономического кризиса. Ведущие ученые из экспертной группы Института комплексных транзитов (Institute for Integrated Transitions, IFIT) провели скрупулезный анализ основных сфер общественной жизни: вооруженных сил, политической системы, партийных структур, гражданского общества, частного сектора и нефтедобычи. Особенность работы заключается в разработанных рекомендациях по переустройству основных институтов, их развитию и демократизации. Это фундаментальное исследование опирается на богатый фактический материал и последние статистические данные и представляет несомненный интерес не только для профессионалов-международников, но и для более широкого круга читателей, интересующихся политическими процессами в латиноамериканском регионе.

Ключевые слова:

Венесуэла, системный кризис, вооруженные силы, политическая система, партии, гражданское общество, нефтедобыча, демократический транзит.

Abstract

The reviews the monograph "Elements of a Comprehensive and Inclusive Transition in Venezuela: a vision from the local", published 2020. It is dedicated to the situation in the Bolivarian Republic in the conditions of the acute political and socio-economic crisis. Leading scientists from the expert group of the Institute for Integrated Transitions (IFIT), analyze the main spheres of public life: armed forces, political system, party structures, civil society, private sector and oil production. The peculiarity of the work lies in the recommendations for the restructuring of the main institutions, their development and democratization. This fundamental research is based on rich sources and the latest statistics and is of undoubted interest not only for professionals in foreign policy, but also for a wider range of readers interested in political processes in the Latin American region.

Key words:

Venezuela, systemic crisis, armed forces, political system, parties, civil society, oil production, democratic transition.

При попытке разобраться в причинах острого системного кризисе в Боливарианской Республике исследователи сталкиваются с дефицитом информации и отсутствием объективного взгляда на общественные процессы в латиноамериканской стране. В этом смысле выход книги, обобщающей исследования Экспертной группы по Венесуэле базирующегося в Барселоне Института комплексных транзитов (Institute for Integrated Transitions, IFIT) в значительной мере восполняет эти пробелы. Одновременно авторский коллектив поставил перед собой задачу выработать рекомендации и предложения по будущему переустройству латиноамериканского государства и его перехода к демократическому пути развития. При этом «демократический транзит» - вероятно, наиболее дискуссионная идея в работе. Заявляя об автократическом характере режима Николаса Мадуро, авторы поневоле дают повод для обвинений в ангажированности. Понимая это, члены исследовательского коллектива стремятся быть максимально беспристрастными (хоть это и не всегда удается).

Авторы учитывают, что преодоление политических противоречий является лишь первым шагом на пути к нормализации жизни в стране. Поскольку Боливарианская Республика нуждается в денежных вливаниях, большие надежды возлагаются на помощь мирового сообщества, в том числе и крупных финансовых институтов. Таким образом, эта книга дает возможность потенциальным кредиторам понять существующие национальный и региональный контексты и позицию основных субъектов венесуэльской политики. Особое значение придается координации помощи, которая, с их точки зрения, может быть организована при посредничестве Президентского агентства по международному сотрудничеству (Agencia Presidencial de Cooperación Internacional, APC). При этом международная помощь должна осуществляться как через парламентские механизмы, так и через платформы гражданского общества. Кроме того, большое внимание уделяется разработке юридической базы предоставления финансовых вливаний. Понимая масштаб проблем, стоящих перед латиноамериканской страной, коллектив стремится учитывать весь потенциальный спектр кредиторов, в том числе и государственных (США, КНР, РФ). В то же время в условиях конфронтации этих субъектов мировой политики подобное развитие событий пока маловероятно.

Устойчивость нынешнего политического режима и будущее Боливарианской революции в первую очередь зависят от поддержки Национальных (Боливарианских) вооруженных сил (Fuerza Armada Nacional (Bolivariana), FAN (B)). Не случайно первый раздел монографии посвящен именно силовым структурам. Его автор, Росио Сан Мигель, адвокат и правозащитница, эксперт по военным вопросам и одновременно председатель неправительственной организации «Гражданский контроль» (Control Ciudadano), исходит из того, что Конституции 1999 г., закрепляет профессионализм и аполитичность вооруженных сил. Несмотря на то, что военным предоставлено право голоса, по закону они не могут занимать выборные должности, участвовать в агитационной и политической деятельности и вступать в политические партии. На практике же действующие военнослужащие входят в состав правящей Единой социалистической партии Венесуэлы (Partido Socialista Unido de Venezuela, PSUV), занимают ответственные государственные посты, создают параллельные структуры для обеспечения внутреннего правопорядка и т.д.

В данном разделе заинтересованный читатель может найти детальную информацию о составе, структуре и полномочиях FANB и Боливарианской национальной милиции (ополчения) (Milicia Nacional Bolivariana, MNB), а также о профиле наиболее влиятельных военных и связанных с армией политиков. Несмотря на заявления об однородности и сплоченности армейских формирований, автор выделяет в рядах военного ведомства несколько конкурирующих течений. Больше всего вопросов вызывают гипотетическое участие FANB во всеобъемлющем демократическом транзите и предоставление военнослужащим политических, правовых, профессиональных и экономических гарантий. Сформулированные автором предложения включают восстановление FAN как независимого института, а также обеспечение профессиональной карьеры и достойного материального положения военных. В ближайшей перспективе предлагается восстановить монополию вооруженных сил на национальную оборону и на владение оружием на основе неукоснительного соблюдения конституционных принципов и неучастия в политике. Одновременно автор считает целесообразным демобилизовать и разоружить другие существующие вооруженные формирования, в том числе и Боливарианскую национальную милицию. Во время демократического транзита должны сохраняться кадровый состав FAN и соблюдаться основополагающие принципы правового государства [7, с. 128-129]. При соблюдении всех пра-

новых норм функции FAN ограничатся охраной государственных границ и обеспечением территориальной целостности страны. Конституционным императивом остается разработка и обеспечение национальной стратегии. Законодательство в сфере национальной безопасности и обороны должно четко регламентировать функции соответствующих институтов, их полномочия и источники финансирования. Решающую роль в формировании потенциала вооруженных сил и обеспечения их материально-технической базы может сыграть помощь других государств.

Хесус Мариа Касаль Эрнандес, приглашенный научный сотрудник базирующегося в Гейдельберге (ФРГ) Института сравнительного публичного права и международного права им. Макса Планка (Max Planck Institute for Comparative Public Law and International Law), профессор Католического университета им. Андреса Бельо и член Андской комиссии юристов (Comisión Andina de Juristas), уделяет особое внимание различным аспектам правового государства, в первую очередь, анализу венесуэльских политических институтов и соблюдению прав человека. Автор убедительно доказывает, что действующая конституция, несмотря на определенный дисбаланс полномочий различных ветвей власти и чрезмерную роль государства, в целом содержит как систему сдержек и противовесов, так и возможность обеспечения контрольных функций. Тем не менее, считает Касаль Эрнандес, после 1999 года злоупотребление властными полномочиями препятствовало дальнейшей разработке конституционных норм и привело к неэффективности существующих механизмов, которые должны были обеспечивать соблюдение демократических принципов и прав человека [7, с. 139]. Далее в работе рассматриваются полномочия и практическая деятельность различных государственных органов, ситуация с правами человека, анализируются некоторые разделы и противоречия действующей конституции, а также имевшие место нарушения конституционного законодательства.

Внимание российского читателя не может не привлечь специфика государственного устройства Венесуэлы, где наряду с традиционными исполнительной, законодательной и судебной ветвями власти существует еще гражданская и избирательная власть [2, с. 22]. Известный специалист по конституционному праву справедливо определяет сложившуюся в Боливарианской Республике форму правления как гиперпрезидентство, а сравнение конституций 1961 и 1999 гг. свидетельствует о заметном расширении полномочий президента [7, с. 144-145]. Отныне глава государства по сво-

ему усмотрению назначает исполнительного вице-президента, который уже не избирается и не несет ответственности перед парламентом. Одновременно Конституция 1999 года урезала полномочия штатов в принятии решений и упразднила верхнюю палату, что привело к усилению централизации власти. Кроме того, парламент перестал контролировать присвоение высших воинских званий. После 2000 года громоздкая структура исполнительной власти представлена 34 министерствами. Дополнительный дисбаланс полномочий и ослабление контроля за деятельностью главы государства со стороны граждан и институтов возникли в результате продления президентского мандата и возможности неограниченного переизбрания президента на новый срок [7, с. 147].

Парламентский контроль над исполнительной властью фактически невозможен в условиях постоянно объявляемого чрезвычайного положения. Хотя по конституции Национальный план экономического и социального развития должен обсуждаться и утверждаться парламентом, План Родины на 2019–2025 гг. был принят Национальной конституционной ассамблеей. Указанные документы перестали носить рекомендательный характер и стали директивными и обязательными для исполнения, что способствовало усилению централизованного планирования [7, с. 151].

После победы оппозиции на парламентских выборах 2015 года Николас Мадуро регулярно вводил осадное положение, которое позволяло ему руководить страной на основе президентских указов, затем он не допустил досрочного прекращения своих полномочий и созвал Национальную конституционную ассамблею, по мнению оппозиции, без всенародного одобрения и с нарушением демократических принципов [7, с. 155]. Хотя конституция базируется на принципах партисипативной демократии, на практике активное участие граждан блокировалось, если оно не соответствовало официальной идеологии, либо манипулировалось в интересах исполнительной власти. В результате, отмечает автор, декларированная демократия участия трансформировалась в делегативную или плебисцитарную, а политическое волеизъявление несогласных игнорировалось [7, с. 157]. После обвинения Национальной ассамблеи в неуважении (*en desacato*) многие оппозиционные депутаты были лишены парламентского иммунитета, утратили свои полномочия, некоторые из них покинули страну. В результате возможности расследования и контроля над правительством и государственной администрацией были ограничены [7, с. 166-167].

На основе богатого фактического материала Касаль Эрнандес подтверждает, что судебная власть в Венесуэле не является независимой и беспристрастной, а назначение членов Верховного суда в 2015 г. старым составом парламента после выборов, выигранных оппозицией, противоречит конституции. Важную проблему представляет политизация конституционного правосудия и судебной политики, особенно вмешательство Конституционной палаты Верховного суда в политику [7, с. 171]. На практике, заверяет автор, этот орган навязывает свою волю, а ее сильные полномочия в действительности проявляются только при стремлении поддержать статус-кво и сохранить власть в руках тех, кто доминирует на венесуэльской политической сцене [7, с. 175].

За гражданской властью, в состав которой входят защитник народа (омбудсмен), генеральный прокурор и генеральный контролер (аудитор), признается функциональная, финансовая и административная автономия, но на практике эти должности занимают лица, зависящие от правящей партии и всегда защищающие ее интересы [7, с. 176-182]. То же самое происходило и с Национальным избирательным советом (Consejo Nacional Electoral, CNE), показавшим свою предвзятость и допустившим нарушения, которые, среди всего прочего, привели к расколу государственных институтов в январе 2019 года [7, с. 185]. (Уже после публикации монографии в ходе подготовки к парламентским выборам 2020 года было объявлено о бездействии законодательного органа, а новые члены CNE были назначены Верховным судом. В состав высшего избирательного органа вошли только сторонники исполнительной власти и представители лояльной оппозиции. В мае 2021 года Национальная ассамблея в рамках подготовки к региональным выборам (ноябрь 2021 года) включила в состав его руководства трех членов, связанных с правящей партией, и двух сторонников оппозиции [1, с. 105].

Наиболее острая проблема, порождавшая дискуссии между чавистами и оппозицией, касалась конституционной реформы и выборов в Национальную конституционную ассамблею (ANC). В своем исследовании Касаль Эрнандес отмечает, что президент созвал этот орган по своему усмотрению без учета мнения граждан, ANC не избиралась по пропорциональной системе и не стала репрезентативной, сроки ее полномочий не были ограничены временными рамками, в ее составе преобладали сторонники правительства, намеревавшиеся навязать обществу его политический проект [7, с. 198-200]. На практике Национальная конституционная ассамблея так и

не приступила к реформированию конституции, а взяла на себя функции парламента и была распущена в декабре 2020 г. [6].

При анализе проблемы прав человека автор подчеркивает, что нарушения носили системный характер. Среди них фигурировали ограничения свободы собраний и демонстраций, право на выражение мнений и на доступность информации, а также серьезные угрозы жизни и личной свободы, поражения в правах оппозиционных деятелей, а также преследования, осуществляемое с использованием баз данных в дискриминационных целях [7, с. 209]. В хозяйственной сфере ограничиваются экономическая свобода и право на собственность, не решены многие проблемы в системе образования, ограничивается университетская автономия, медицинские центры находятся в неудовлетворительном состоянии и т.д. [7, с. 211-221].

Несмотря на критику (иногда довольно резкую) Конституции 1999 года, автор не исключает возможности прибегнуть к ней для урегулирования кризиса, поскольку Основной закон признается как правящей партией, так и оппозицией. Лишь новый политический контекст потребует глубоких конституционных изменений [7, с. 258].

Конкретные предложения по выходу из нынешнего кризиса (которые выглядят скорее как программа-максимум и вряд ли могут быть приняты нынешним руководством) включают прекращение чрезвычайного положения, отмену права на переизбрание главы государства, ограничение президентских полномочий, восстановление системы сдержек и противовесов между ветвями власти, восстановление пропорционального территориального и демографического представительства, обеспечение независимости судебной системы, гражданской ветви власти и Национального избирательного совета, деполитизацию Национальных вооруженных сил, усиление полномочий штатов, полное соблюдение прав человека, поиски выхода из чрезвычайно сложной гуманитарной ситуации и т.д. [7, с. 258-293].

Глава, подготовленная Гильермо Авеледо Коллом, деканом Школы либеральных исследований Столичного университета и профессором Центрального университета Венесуэлы, посвящена современному состоянию политических партий и партийной системы в целом. Автор исходит из того, что в Венесуэле официальная доктрина основана на необратимости революционного процесса и обеспечении политической гегемонии. Подобный подход противоречит прогрессивному, либеральному и республиканскому пониманию избирательных процедур как преимущественно мирного спосо-

ба прихода к власти, ее сохранения и утраты, не допускает политического плюрализма как основы сосуществования и конкуренции субъектов политики и возможности участия независимых и беспартийных политиков в управлении государством [7, с. 338]. Г. Авеледо Колл прав и в том, что после прихода к власти чавизм взял курс на создание гегемонистской партии и нейтрализацию партийной оппозиции, сведение к минимуму независимого представительства и общественных организаций, не разделяющих революционные концепции власти, подверг критике представительную демократию и выступил за демонтаж существовавших партийных структур, которые ранее играли первостепенную роль в политике [3].

Тем не менее, с нашей точки зрения, до последнего времени в стране действовала крайне поляризованная квазидвухпартийная система. Правящая Единая социалистическая партия Венесуэлы, как отмечается в главе, была образована в результате слияния различных социалистических, марксистско-ленинских и других левых течений. Одновременно PSUV тесно связана с государственными и полугосударственными организациями (бolivarianскими кружками, миссиями, коллективами социальных действий, коммунами, местными комитетами по снабжению и производству и т.д.). Нельзя не согласиться и с выводом исследователя о сращивании государства, правительства и правящей партии [7, с. 342]. Оппозиция, создавшая Круглый стол демократического единства (Mesa de la Unidad Democrática, MUD), объединяла как сохранившиеся, так и вновь созданные партии, ее максимальным успехом стала победа на парламентских выборах 2015 года. Этот триумф (с нашей точки зрения, неожиданный для правительства) вызвал авторитарный реванш, характеризующийся недопущением регистрации ряда оппозиционных партий независимо от их идеологии, лишения аккредитации MUD как избирательного альянса, различного рода репрессиями против руководителей партий, кооптацией и подкупом среднего звена для его привлечения на сторону правительства, навязыванием параллельного руководства, отменой результатов выборов, роспуском базовых кадров и т. д. [7, с. 346-347].

В результате, как справедливо подчеркивает автор, оппозиционные партии раскололись на фракции, которые ведут междоусобную борьбу и не в состоянии выработать общую оппозиционную платформу. В то же время возросла уязвимость партий, близких к правительству, а также их зависимость от альянсов с PSUV. Эти тенденции используются правящей партией, которая

отвоевывает занятое оппозицией пространство и ограничивает возможности укрепления демократической альтернативы [7, с. 350]. Таким образом, представляется крайне важным общий вывод об общественном недовольстве обеими альтернативами – разочаровании как в чавизме из-за неэффективности правительства, так и в оппозиции из-за ее бессилия [7, с. 350].

Как отмечается в данном разделе монографии, ситуация в стране остается неоднозначной. К числу позитивных факторов относятся давняя электоральная культура и участие в политической жизни благодаря членству в партиях; чрезвычайно глубокий кризис не вылился в продолжительный насильственный конфликт; Венесуэла пока находится в рамках конкурентного авторитаризма, который теоретически сохраняет возможности для осуществления преобразований; большинство граждан поддерживают демократию и ее институты. Среди негативных факторов, осложняющих перспективу транзита, упоминается серьезный кризис политического доверия и авторитета, который ограничивает возможности выбора и ужесточает деятельность наиболее важных политических субъектов; любой предлагаемый проект демократизации и выхода из создавшегося положения замалчивается, нейтрализуется или приводит к усилению радикализации; различные слои общества имеют собственные представления о демократии; оппозиционные партии раздваиваются и не могут принять решение о дальнейшей тактике. До конца не проявилась и степень институционализации существующих партий [7, с. 353].

Интересен раздел о проблемах гражданского общества в Боливарианской Республике, подготовленный известным историком, представителем Центра политических исследований Католического университета им. Андреса Бельо Маргаритой Лопес Майя. Не скрывая критического отношения к существующему режиму (в тексте то и дело используется термин «тирания»), она анализирует протестный потенциал в современной Венесуэле, генезис и эволюцию неправительственных и профессиональных организаций.

Читателя должна заинтересовать нарисованная автором подробная картина развития общественных организаций Венесуэлы в XX и начале XXI вв., включающих в себя студенческие, религиозные, профессиональные объединения и НКО. Традиционно связанные с партийными структурами, они становились участниками политической борьбы, забывая об отстаивании интересов своих членов. Порой на одном предприятии действовали сразу несколько профсоюзов, различающихся по идеологическому принци-

пу [7, с. 384]. Подобная мозаичность ослабляла гражданское общество, снижала эффективность протестных действий.

Автор приходит к неутешительному выводу о хрупкости «социальной ткани» в стране. Этот феномен обусловлен историческим развитием государства – крупнейшего производителя нефти в Западном полушарии, способного удовлетворить нужды рабочих, навязать им патерналистские отношения. Кроме того, в условиях холодной войны происходило выдавливание левых политических сил из публичной политики. Был установлен строгий контроль над профсоюзными и неправительственными организациями не только со стороны власти, но и крупнейших политических партий. Лишь в конце 80-х – начале 90-х гг. XX века, когда в Венесуэле разгорелся острый социально-экономический кризис, и началась эрозия традиционных институтов, произошел рост гражданской активности, возникли объединения женщин, экологов, пенсионеров [4].

Несомненное достоинство раздела – опора на статистические данные, из которых следует, что в период президентства У. Чавеса протестная активность возросла, при этом основными причинами для недовольства были экономические трудности и политические противоречия. Их высшим проявлением стала неудавшаяся попытка государственного переворота в апреле 2002 года. В свою очередь, при Н. Мадуро произошли основные социальные потрясения и спад хозяйственной деятельности, неудовлетворенность материальным положением стала доминирующим фактором общественных выступлений [7, с. 370, 373].

Автор недвусмысленно заявляет о стремлении боливарианских правительств вытеснить независимые объединения из публичной политики и взять под контроль профсоюзы. При этом основное давление на себе испытывали организации, получавшие финансирование из-за рубежа, против которых выдвигались обвинения в предательстве [7, с. 388]. Формировались и параллельные структуры, признанные подменить собой традиционные синдикаты, впрочем, без большого успеха. В целом же гражданское общество в Венесуэле остается слабым. Для более активного участия в политических процессах ему, по справедливому мнению М. Лопес Майя, не хватает связей с партиями и другими субъектами политики. При этом объединительных площадок, созданных для решения этой проблемы, пока недостаточно. Необходимым элементом демократического развития, может стать, считает автор, соглашение между государством и партиями о гаран-

тиях свободы собраний и автономии независимых организаций. Несмотря на критическое отношение к правительствам У. Чавеса и Н. Мадуро, она не отказывается от их положительного опыта, предлагая расширить полномочия совета коммун.

Глава, посвященная месту и роли частного сектора в экономике Венесуэлы, написана Клаудией Курьель Лейденц – опытным экономистом и аналитиком страны, имеющим большой опыт работы на государственной службе и преподавания в университетах. Автор подробно анализирует процесс трансформации бизнеса и частного капитала, которые перестали быть движущей силой рынка и превратились в подчиненную функцию социально-экономических идеалов «социализма XXI века». Сама тема ошибок и дефектов экономической модели развития, реализованной У. Чавесом и Н. Мадуро, довольно детально проработана в отечественной и зарубежной латиноамериканистике [5; 8], однако в данной главе сделанные выводы опираются на обширный статистический материал, при этом особое внимание уделяется эволюции нормативно-правового регулирования экономической деятельности. На основе многочисленных примеров автор убеждает читателя, что именно нарушение конструктивных отношений с национальным бизнесом было одной из тех ключевых ошибок, которые раскрутили маховик экономического кризиса и предопределили современную экономическую катастрофу.

Выход из современного политического и экономического тупика видится в повышении производительности труда и, соответственно, конкурентоспособности страны. Для решения этой задачи и определения оптимальной отраслевой структуры хозяйства К. Курьель и экономист Хорхе Эрнандес предлагают модель межотраслевых связей, в рамках которой выделяются четыре группы отраслей в зависимости от уровня и направления межотраслевых производственных взаимосвязей. Важная роль отводится и реформированию законодательства, которое позволило бы избавиться от чрезмерной бюрократизации экономики и вернуть работоспособность рыночных механизмов. В условиях практического отсутствия внутренних ресурсов и внешних инвестиций для решения поставленных задач предлагается масштабная приватизация экономики в соответствии с неолиберальными рецептами, в то же время не дается ответа, как вернуть доверие к Венесуэле со стороны иностранных компаний после десятилетий недружественных действий боливарианских правительств.

Заключительная глава, подготовленная известным специалистом по энергетике Венесуэлы Орландо Очоа, подробно и обстоятельно рассматривает ключевые особенности развития нефтегазового сектора в последние десятилетия, содержит большое количество уникальных данных и включает детально проработанную программу восстановления нефтяной промышленности. (План реформ уже нашел отражение в некоторых законодательных инициативах, внесенных в Национальную ассамблею). Реализация базового или оптимального сценария зависит от возможности привлечения необходимых инвестиций, которые невозможны без осуществления энергетической реформы, призванной значительно либерализовать деятельность иностранных компаний. Для решения этой задачи О. Очоа предлагает максимально увеличить долю иностранного капитала в государственной компании *Petróleos de Venezuela (PDVSA)*, смягчить обязательства по продаже части добытой нефти государству, разрешить частным компаниям заниматься торговлей нефтепродуктами и т.д. Совершенно справедливо указывается и на необходимость приведения в порядок системы управления отраслью в целом и PDVSA в частности, неэффективность менеджмента которых уже стала притчей во языцех.

О. Очоа затрагивает и сложную проблему участия российских и китайских компаний в будущей реформе отрасли. Автор придерживается прагматичного подхода и считает, что без участия России и Китая задача привлечения инвестиций не может быть решена. В то же время готовность Венесуэлы к сотрудничеству в случае гипотетической смены власти остается под вопросом.

При обобщении достоинств и недостатков рецензируемой работы неизбежен вывод о том, что ее авторы несколько опережают события. Демократический транзит в Венесуэле воспринимается ими как неизбежный сценарий, в то время как Н. Мадуро после парламентских выборов 2020 г. установил контроль над всеми ветвями власти, а оппозиция остается разобщенной и не может выработать единой стратегии и тактики. Кроме того, в монографии не рассматриваются способы и механизмы демократического транзита. Предлагаемые рекомендации применимы к реорганизации экономической модели и политической системы, но непригодны для урегулирования существующих противоречий между властью и оппозицией. Вне поля зрения авторского коллектива остались ключевые субъекты мировой политики, их взаимодействие с правительством, силовыми структурами,

бизнесом и гражданским обществом. Проработка этих вопросов, несомненно, обогатила бы книгу и сделала бы ее более разносторонней.

Несмотря на указанные замечания, работа отличается глубиной анализа и скрупулезным подходом к различным аспектам общественно-политической жизни Венесуэлы. Книга содержит богатый и малоизвестный фактический материал, при этом авторам удалось избежать скучного академического изложения и назидательного тона. Последнее обстоятельство позволяет надеяться, что монография привлечет интерес профессионального сообщества.

Литература

1. Гордиев узел венесуэльского кризиса. Москва: ИЛА РАН, 2021.
2. Ивановский Зб.В. Латинская Америка: Электоральное законодательство и властные структуры. Москва: ИЛА РАН, 2014.
3. Ивановский Зб.В., Розенталь Д.М. Венесуэла: политическое противостояние и мировое сообщество // Вестник московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2020. №2.
4. Розенталь Д.М. Венесуэла: траектория развития рабочего движения // Латиноамериканский исторический альманах. 2020. №28.
5. Семенов В.Л. Изменится ли экономический курс Венесуэлы? // Латинская Америка. 2014. №11.
6. Cabello dice que la ANC cumplió su tarea y será disuelta el 18-D // Panorama. 2020. 15 dic.
7. Elementos de una transición integral e incluyente en Venezuela: una visión desde lo local. Caracas: Instituto para las transiciones integrales (IFIT). 2020.
8. Zambrano S.L. Consideraciones sobre la transición económica , la velocidad de los ajustes y la secuencia de las rreformas. Caracvas, Academia Nacional de ciencias económicas, 2016.

References

1. Gordiev uzal venesuel'skogo krizisa. Moskva: ILA RAN, 2021.
2. Ivanovskii Zb.V. Latinskaya Amerika: Elektoral'noe zakonodatel'stvo i vlastnye struktury. Moskva: ILA RAN, 2014.
3. Ivanovskii Zb.V., Rozental' D.M. Venesuela: politicheskoe protivostoyanie i mirovoe soobshchestvo // Vestnik moskovskogo universiteta. Seriya 25. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika. 2020. №2.
4. Rozental' D.M. Venesuela: traektoriya razvitiya rabochego dvizheniya // Latinoamerikanskii istoricheskii al'manakh. 2020. №28.
5. Semenov V.L. Izmenitsya li ekonomicheskii kurs Venesuely? // Latinskaya Amerika. 2014. №11.
6. Cabello dice que la ANC cumplió su tarea y será disuelta el 18-D // Panorama. 2020. 15 dic.
7. Elementos de una transición integral e incluyente en Venezuela: una visión desde lo local. Caracas: Instituto para las transiciones integrales (IFIT). 2020.
8. Zambrano S.L. Consideraciones sobre la transición económica , la velocidad de los ajustes y la secuencia de las rreformas. Caracvas, Academia Nacional de ciencias económicas, 2016.

НАШИ АВТОРЫ

АВЦИНОВА Галина Ивановна – доктор философских наук, профессор Гуманитарного факультета, Российский государственный социальный университет (Москва, Россия).

Область научных интересов: политические партии, социальные сети.

AVTSINOVA Galina Ivanovna - Doctor of Philosophy, Professor of the Faculty of Humanities, Russian State Social University (Moscow, Russia).

Science interests: political parties, social networks, digitalization of politics.

E-mail: avtsinov@rambler.ru

SPIN-код: 6686-5697.

АЛЕКСЕЕВ Николай Валерьевич – научный сотрудник, НИИ общественных и политических наук (Чебоксары, Россия).

Область научных интересов: государственно-церковные отношения.

ALEXEEV Nikolai – researcher, research institute of social and political sciences (Cheboksary, Russia).

Science interests: state-church relations.

E-mail: grajdanin1989@bk.ru

SPIN-код: 2818-8325.

АТАМАНЕНКО Артемий Андреевич – научный сотрудник, НИИ общественных и политических наук (Чебоксары, Россия).

Область научных интересов: политический процесс.

ATAMANENKO Artemiy - researcher, Research institute of social and political sciences (Cheboksary, Russia).

Science interests: political process.

E-mail: artemonat@mail.ru

SPIN-код: 2289- 2289-4901

БУРЕНКО Владимир Иванович – доктор политических наук, профессор, кафедры философии, культурологии и политологии, Московский гуманитарный университет (Москва, Россия).

Область научных интересов: политическая власть, гражданское общество.

BURENKO Vladimir – doctor of political sciences, professor of chair of philosophy, cultural science and political science, Moscow University for the Humanities (Moscow, Russia).

Science interests: political power, civil society, political system.

E-mail: vburenko@mail.ru

SPIN-код: 3334-2289.

ВЕЛИЕВ Вюсал – аспирант кафедры политологии и политического управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия).

Область научных интересов: политический процесс, политическое управление.

VELIYEV Vusal – PhD student of the Department of Political Science and Political Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia).

Science interests: political process.

e-mail velievvusal007@yahoo.com

ВОРОНИНА Елена Юрьевна – кандидат политических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова» (Москва, Россия).

Область научных интересов: политический радикализм, экстремизм.

VORONINA Elena – PhD in political science, Moscow State University (Moscow, Russia).

Science interests: political radicalism, extremism.

E-mail: politradik@mail.ru

SPIN-код: 3115-4685.

ДОНАЙ Лукаш – доктор политических наук, профессор, Познаньский государственный университет им. Адама Мицкевича (Познань, Польша).

Область научных интересов: политический имидж, политические институты, власть.

DONAJ Lukasz - Doctor of Political Science, Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poznan, Poland).

Science interests: political image, political institutions, power.

E-mail: lukasz.donaj@amu.edu.pl SPIN-код: 5746-1581.

ЗЛАТАНОВ Благой Георгиев – кандидат философских наук, профессор кафедры философии, культурологии и политологии, Московский гуманитарный университет (Москва, Россия).

Область научных интересов: глобализация.

ZLATANOV Blagoy – PhD of philosophical sciences, professor, department of philosophy, culturology and politology, Moscow University for the Humanities (Moscow, Russia).

Science interests: globalization.

E-mail: zlatanol@bk.ru SPIN-код: 4928-6372

ИВАНОВСКИЙ Збигнев Владиславович – доктор политических наук, профессор, руководитель Центра политических исследований, Институт Латинской Америки РАН, профессор факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

Область научных интересов: политические институты и процессы.

IWANOWSKI Zbigniew – Doctor of Political Sciences, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Head of the Center for Political Studies in the Institute, Latin America of RAS, Full Professor of the Department of Global Studies, Moscow State University (Moscow, Russia).

Science interests: political institutions and processes.

E-mail: z.w.iwanowski@gmail.com SPIN-код: 9665-4345

КАМИНЧЕНКО Дмитрий Игоревич – кандидат политических наук, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия).

Область научных интересов: политические институты, процессы и технологии.

KAMINCHENKO Dmitry – PhD of Political Sciences, Nizhny Novgorod State University (Nizhny Novgorod, Russia).

Science interests: political institutions, processes and technologies.

E-mail: dmitkam@inbox.ru SPIN-код: 4176-7427.

КИДИНОВ Алексей Васильевич – доктор психологических наук, профессор департамента психологии и развития человеческого капитала, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия).

Область научных интересов: конфликтология, социальная психология.

KIDINOV ALEXEY – Doctor of Psychology, Professor of the Department of Psychology and Human Capital Development, Financial University under the Government of the Russian Federation (Financial University) (Moscow, Russia).

Science interests: conflictology, social psychology

E-mail: A080ak@gmail.com SPIN-код: 4200-4239.

КИСЕЛЕВА Ольга Владимировна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономического анализа и государственного управления, Ульяновский государственный университет (Ульяновск, Россия).

Область научных интересов - государственная и муниципальная служба, государственная экономическая политика.

KISELEVA Olga – PhD in Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economic Analysis and Public Administration, Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia).

Science interests: state and municipal service, state economic policy.

E-mail: kiseleva_o@rambler.ru SPIN-код: 5416-8837.

ПОСУЛЬЧЕНКО Владимир Алексеевич – заместитель директора, Управление молодежной политики (Липецк, Россия).

Область научных интересов: лоббизм, группы давления в политическом процессе.

POSULCHENKO Vladimir – deputy director, department of youth policy (Lipetsk, Russia).

Science interest: lobbying, pressure groups in the political process.

E-mail: pos-15@yandex.ru

SPIN-код: 9063-5238.

САВОЙСКАЯ Светлана Васильевна – доктор политических наук, профессор, Международная академия управления персоналом (Киев, Украина).

Область научных интересов: языковая политика, сравнительная политология.

SAVOYSKAYA Svetlana – doctor in political science, professor at the International academy of personnel management (Kiev, Ukraine).

Science interest: language policy, comparative political science.

E-mail: savoyska@gmail.com

САЛАХОВА Валентина Борисовна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Центр исследования проблем безопасности, Российская академия наук, (Москва, Россия)

Область научных интересов: юридическая психология, социальная психология.

SALAKHOVA Valentina – PhD in Psychology, Senior Researcher, Center for Security Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Science interests: legal psychology, social psychology.

E-mail: salakhovavb@mail.ru

SPIN-код: 7177-5806.

РАЗУМОВСКИЙ Дмитрий Вячеславович – кандидат экономических наук, директор, Институт Латинской Америки РАН (Москва, Россия).

RAZUMOVSKI Dmitri – PhD (Economics), Director, Institute for Latin America of RAS (Moscow, Russia).

Science interests: economy.

E-mail: razumovskie@inbox.ru

SPIN-код: 2589- 5042

РОЗЕНТАЛЬ Дмитрий Михайлович – кандидат исторических наук, заместитель директора, Институт Латинской Америки РАН, доцент факультета мировой экономики и мировой политики, Высшая школа экономики (Москва, Россия).

Область научных интересов: политические институты и процессы.

ROZENTAL Dmitry – PhD History, Deputy Director of the Institute for Latin America of RAS (Moscow, Russia).

Science interests: political institutions and processes, policy and history of Latin America.

E-mail: rozentaldm@gmail.com

SPIN-код: 2378-5600

ФАЛИНА Алла Семеновна – кандидат экономических наук, доцент, кафедры политологии и политического управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва, Россия).

Область научных интересов: политическое управление.

FALINA Alla – PhD of economic sciences, associate professor, department of political science and political management, Russian presidential Academy of national economy and public administration (Moscow, Russia).

Science interests: political management.

E-mail: ppgvt212@yandex.ru

ЩЕГЛОВ Максим Юрьевич – студент факультета политологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия).

Область научных интересов: политический имидж, политические институты, власть.

SHCHEGLOV Maksim – student of political science, Saint-Petersburg state university

Science interests: political image, political institutions, power.

E-mail: max7774447@gmail.com.

THE CONTENTS

ONLINE COMMUNITIES AND INTERNET ACTIVISM

G. Avtsinova, E. Voronina

«SOFT POWER» FACTORS IN THE FIGHT AGAINST TERRORISM IN AFRICA

6

S. Savoyskaya

ROMANIAN LANGUAGE AS AN INDICATOR OF THE POLITICAL NETWORK
OF THE MODEL OF THE LANGUAGE POLICY OF UKRAINE

19

V. Salakhova, O. Kiseleva, A. Kidinov

EVALUATION AND DEVELOPMENT OF THE PERSONNEL POTENTIAL
OF GOVERNMENT EMPLOYEES IN THE CONTEXT OF PROVIDING
THE NATIONAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

35

D. Kaminchenko

POLITICAL INSTAGRAM: ANALYSIS OF THE IMAGE OF A REGIONAL LEADER
IN THE POLITICAL AND COMMUNICATIVE FIELD
OF A POPULAR INTERNET PLATFORM

74

V. Posulchenko, A. Falina

PREREQUISITES FOR THE FORMATION OF POLITICAL INTERNET ACTIVISM
IN THE CONTEXT OF ENVIRONMENTAL LOBBYING

97

L. Donaj, M. Shcheglov

TECHNIQUE OF MYTHOLOGIZATION IN THE INFORMATIONAL POLICY
OF RUSSIA: TOWARDS THE SEMIOSIS OF THE «FOREIGN AGENT» STATUS

110

A. Atamanenko, B. Zlatanov

NETWORK COMMUNITIES AND THE THERAPEUTIC STATE:
TOLERANT REJECTION IN THE AGE OF DIGITALIZATION

122

ARTICLES

V. Veliev

SOME FEATURES OF POLITICAL PARTY DIGITALIZATION
IN SOCIAL NETWORKS: REGIONAL ASPECT
(ON THE EXAMPLE OF THE TAMBOV REGION)

140

N. Alekseev

STATE. CHURCH. GLOBALIZATION

153

V. Burenko

ABOUT TWO DIRECTIONS IN THE HISTORY
OF THE REVIVAL OF RUSSIAN POLITICAL SCIENCE:
AN ALTERNATIVE VIEW AND A PERSONAL DIMENSION (1960s – 1980s)

167

REVIEW

Zb. Iwanowski, D. Razumovski, D. Rozentel

VENEZUELA: SYSTEMIC CRISES AND SEARCH
FOR A COMPROMISE BETWEEN POWER AND OPPOSITION

181

OUR AUTHOR

195

ISSN 2227-1538 (Print)
ISSN 2307-4590 (Online)

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-48608 выдано
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций

Адрес редакции и издателя: 428023,
Россия, Чувашская Республика,
г. Чебоксары, ул. Гражданская, 66, 7.

Тел. +7937 9539205.
E-mail: editor@politbook.online
http://politbook.online

ООО «НИИ общественных
и политических наук»

Подписано в печать 30.07.2021
Дата выхода в свет 31.07.2021

Формат 70x100/16.
Усл. печ. л. 12,0.
Тираж 500 экз.

Отпечатано с готового оригинал макета
ООО «НИИ общественных
и политических наук», 428023,
Россия, Чувашская Республика,
г. Чебоксары, ул. Гражданская, 66.
www.niionp.com

Свободная цена
Индекс подписки по каталогу
«Пресса России» 15130

© НИИ общественных и политических
наук, 2021.

Published by:
Institute of Social and Political Sciences

Address: 66 – 7, Graghdansky st.,
Cheboksary, Russia, 428023

E-mail: editor@politbook.online
http://politbook.online

© Institute of Social and Political
Sciences, 2021.